

ISSN 2307-6119

Томский журнал
лингвистических
и антропологических
исследований

Tomsk Journal
of Linguistics
and Anthropology

1'2023

Выпуск 1 (39)

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ» (ТГПУ)**

**ТОМСКИЙ ЖУРНАЛ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Научный журнал
Издается с 2013 года

ВЫПУСК 1 (39) 2023

**ТОМСК
2023**

Главный редактор:

А. Ю. Фильченко, Ph. D. Linguistics

Редакционная коллегия:

*О. С. Потанина, кандидат филологических наук, доцент Назарбаев Университет
(зам. главного редактора);*

*Н. А. Тучкова, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Музея Природы и Человека
(г. Ханты-Мансийск) (редактор раздела антропологии,
(зам. главного редактора);*

С. С. Аванесов, доктор философских наук, профессор НовГУ;

*А. В. Бауло, доктор исторических наук, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск);
Б. Вагнер-Надь, Dr. habil., профессор Института финно-угроведения/уралистики, университет
Гамбурга (Германия);*

Э. Вайда, Ph. D. Linguistics, профессор Западно-Вашингтонского университета (США);

Ф. Сигл, Ph. D. Linguistics, Университет Хельсинки (Финляндия);

Е. Г. Которова, доктор филологических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша);

Е. А. Крюкова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Н. В. Лукина, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

З. Надь, доктор антропологии, профессор университета г. Печ (Венгрия);

Л. М. Плетнёва, доктор исторических наук, профессор ТГПУ;

В. А. Плунгян, доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор ИЯ РАН (Москва);

Н. В. Полякова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, доцент ТГПУ;

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ;

Ф. Эбата, Ph. D. Linguistics, Университет Ниигаты (Япония);

М. П. Чёрная, доктор исторических наук, профессор НИ ТГУ

Научный редактор выпуска:

А. Ю. Фильченко

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел. (3822) 31-14-64.

Адрес редакции:

пр. Комсомольский, 75, оф. 319, Томск, Россия, 634041.
Тел. (3822) 52-06-17, факс (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в ООО Полиграфическая компания «Скорость Цвета».
Адрес типографии: г. Томск, пр. Ленина, 30/2. E-mail: voc2006@mail.ru.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-52641 от 25.01.2013 г.

Подписано в печать: 30.04.2023 г. Дата выхода в свет: 30.06.2023 г. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.
Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 20,38. Тираж: 1 000 экз. Цена свободная. Заказ: 1254/Н.

Выпускающий редактор: Ю. Ю. Афанасьева. Технический редактор: Ю. А. Ворошилова.
Дизайн обложки: А. С. Печенкин. Корректор: Г. В. Кругликова.

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2023. Все права защищены.

**THE MINISTRY OF EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

**TOMSK JOURNAL
OF LINGUISTICS
AND ANTHROPOLOGY**

Published since 2013

ISSUE 1 (39) 2023

**TOMSK
2023**

Editor in Chief:

A. Yu. Filchenko, Ph. D. Linguistics

Editorial Board:

*O. S. Potanina, Kandidat Nauk, Philology, associate professor,
Nazarbayev University (Deputy Editor in Chief);*

*N. A. Tuchkova, Doctor of Science in History, senior research fellow of the Department of History
and Ethnography of the “Museum of Nature and Human” (Khanty-Mansiisk)
(Deputy Editor in Chief, Editor of the Anthropology section);*

S. S. Avanesov, Doctor of Philosophy, professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University;

*A. V. Baulo, Doctor of History, Institute of Archeology and Ethnography,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk);
Fujuki Ebata, Niigata University (Japan);*

E. G. Kotorova, Doctor of Philology, professor, University of Zielona Góra (Poland);

E. A. Kryukova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;

N. V. Lukina, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;

Zoltán Nagy, Doctor of Anthropology, professor, University of Pecs (Hungary);

L. M. Pletneva, Doctor of History, professor, Tomsk State Pedagogical University;

V. A. Plungian, Doctor of Philology, professor, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow);

Florian Siegl, Ph. D. Linguistics, University of Helsinki (Finland);

Edward J. Vajda, Ph. D. Linguistics, professor, Western-Washington University (USA);

Beáta Wagner-Nagy, Dr. habil., Linguistics, professor, University of Hamburg (Germany);

N. V. Poljakova, Kandidat Nauk, Philology, associate professor, Tomsk State Pedagogical University;

L. I. Sherstova, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University;

M. P. Chernaya, Doctor of History, professor, National Research Tomsk State University

Scientific Editor of the Issue:

A. Yu. Filchenko

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

Address:

ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel. +7 (3822) 31-14-64.

Address for Correspondence:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 319, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 52-06-17, fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed by: “Skorost’ Tsveta”.

30/2, Lenina avenue, Tomsk, 634050, Russia. E-mail: voc2006@mail.ru

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Communications (Roskomnadzor)

PI No FS77-52641, issued on 25.01.2013.

Approved for printing on: 30.04.2023. Publication date: 30.06.2023. Formate: 60×90/8.

Paper: offset. Printing: screen. Edition: 1 000. Price: not settled. Order: 1254/H.

Production editor: Yu. Yu. Afanas'yeva. Text designer: Yu. A. Voroshilova.

Cover designer: A. S. Pechenkin. Proofreading: G. V. Kruglikova.

© Tomsk State Pedagogical University, 2023. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
ЛИНГВИСТИКА	
Дадуева Е. А. Эмотивно-оценочные каузативные конструкции в бурятском языке DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-9-16	9
Ключева М. А. Русские заимствования в игровой лексике вятских и уральских мари DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-17-28	17
Стручкова Я. В. Орографические апеллятивы возвышенного рельефа в якутской оронимии DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-29-42	29
Урманчиева А. Ю. К этимологии пробабилитивного показателя тундрового ненецкого -qxіә DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-43-54	43
Хомченкова И. А. Русские слова в осетинской речи: корпусные наблюдения DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-55-72	55
Чертыкова М. Д. Монгольские заимствования в тексте хакасского героического сказания «Албынчы» DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-73-85	73
Чугунекова А. Н. Условные бипредикативные конструкции в хакасском языке DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-86-101	86
АНТРОПОЛОГИЯ	
Бурнаков В. А. Конь как хтоническое существо в верованиях и фольклоре хакасов (конец XIX–XX вв.) DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-102-117	102
Войтович А. В., Кошелева Е. Ю. Исследование основных аспектов этнической идентичности у членов Центра польской культуры «Дом Польский» в Томске» DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-118-126	118
Дронова Т. И. Регламентация практик погребально-поминальных плачей у староверов-беспоповцев Усть-Цильмы DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-127-140	127
Файзуллина Г. Ч., Тычинских З. А., Фаизова Л. Х. Тобольские бухарцы юрт Комаровских Тобольской губернии по данным метрических книг XIX–начала XX века DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-141-155	141
НАШИ АВТОРЫ	156
AUTHORS	158

CONTENTS

<i>From the Editors</i>	8
LINGUISTICS	
Dadueva E. A. Emotive-Evaluative Causative Constructions in the Buryat Language DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-9-16	9
Klyucheva M. A. The Vocabulary of Folk Games in the Dialects of the Vyatka and the Ural Mari: Russian Borrowings DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-17-28	17
Struchkova Y. V. Orographic Appellatives of High Relief in Yakut Oronymy DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-29-42	29
Urmanchieva A. Yu. On the Etymology of the Probabilitative Suffix -qxіә in the Language of the Tundra Nenets DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-43-54	43
Khomchenkova I. A. Russian Words in the Ossetic Speech: Corpus Observations DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-55-72	55
Chertykova M. D. Mongolian Borrowings in the Text of the Khakass Heroic Legend “Албынчы” DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-73-85	73
Chugunekova A. N. Conditional Bipredicative Constructions in the Khakass Language DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-86-101	86
ANTHROPOLOGY	
Burnakov V. A. The horse as a Chthonic Being in Khakass Beliefs and Folklore (late XIX–XX Century) DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-102-117	102
Voitovich A. V., Kosheleva E. Y. The main aspects of ethnic identity among the members of the “Polish Cultural Center “Polish House” in Tomsk” DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-118-126	118
Dronova T. I. Regulation of Burial Practices and Funeral Laments of the Old Believers-Bespopovts of Ust-Tsilma DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-127-140	127
Faizullina G. Ch., Tychinskikh Z. A., Faizova L. Kh. Tobolsk Bukharans of Komarovskiy Yurt of Tobolsk Province According to Birth Registers of the 19th–early 20th Century DOI: 10.23951/2307-6119-2023-1-141-155	141
AUTHORS (In Russian)	156
AUTHORS (In English)	158

*Лингвистика без антропологии стерильна,
антропология без лингвистики слепа.*
Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

От редакции

«Томский журнал лингвистических и антропологических исследований» основан в 2013 году на базе Томского государственного педагогического университета. Выпуски журнала выходят четыре раза в год.

Наш журнал приглашает к публикации специалистов, занимающихся актуальными исследованиями в следующих областях лингвистики и антропологии (с особым приоритетом исследований Сибири):

- описание, документация и сохранение исчезающих языков России и мира;
- типологические исследования языков России и мира;
- лингвокультурология и региональная лингвистика;
- социальная и культурная антропология (включая археологию, этнологию (этнографию), а также физическую антропологию и этногенетику).

Поступившие статьи рецензируются членами редколлегии на основании следующих критериев:

- соответствие содержания статьи тематике журнала;
- самостоятельность и оригинальность исследования автора или группы авторов;
- научная новизна представленного исследования;
- статья должна быть представлена к публикации впервые (содержание ранее не опубликованной информации должно составлять не меньше трети статьи);
- статья должна отражать знание автором(ами) современного состояния исследований по проблематике статьи;
- соблюдение правил цитирования;
- соответствие текста статьи научному стилю изложения;
- если статья предоставляется к публикации на иностранном языке, то она должна быть написана в соответствии с нормами иностранного языка.

Решение о принятии статьи к публикации принимается на основе анонимного рецензирования. Если статья соответствует общим критериям отбора, но в ней имеются несущественные и быстро устранимые погрешности, то статья отправляется автору на доработку с учетом пожеланий рецензентов.

К публикации принимаются статьи на русском, английском и немецком языках. Просим обратить внимание на то, что редколлегия не несет ответственности за качество перевода статьи на иностранный язык, поэтому просим авторов заранее обеспечить адекватность переводов (проверить свои статьи с носителями языка или с соответствующими специалистами-переводчиками). В случае несоответствия качества публикации выдвигаемым требованиям и (или) адекватности перевода редколлегия оставляет за собой право отказа в принятии статьи к печати без объяснения причин.

**Издание включено в объединенный каталог «Пресса России»,
подписной индекс 82719.**

*Linguistics without anthropology is sterile,
anthropology without linguistics is blind.*

Hockett Ch. Man's place in nature. New York: McGraw-Hill, 1973. P. 675

From the Editors

'Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology' was founded in 2013 by Tomsk State Pedagogical University. Four issues are released annually.

The Journal invites submissions from authors specializing in a variety of research issues in linguistics and anthropology (with a special emphasis on Siberia in both cases), including:

- documentation, description and preservation of indigenous languages of Russia and worldwide;
- typological research of languages of Russia and worldwide;
- cultural and regional linguistics;
- social and cultural anthropology (including archeology, ethnology (ethnography) as well as physical anthropology and ethnogenetics).

The members of the editorial board review the submissions based on the following criteria:

- relevance of the submission's content to the subject matter of the Journal;
- academic novelty of research;
- independence and originality of research content (previously not published data must take up not less than one third of the submission);
- submission must reflect author's knowledge of research state-of-the-art in the area;
- adherence to citation rules;
- correspondence of the submission to academic writing conventions;
- if a submission is in a foreign language, or contains a foreign language text (abstract), it must adhere to the respective language grammar and style conventions.

The acceptance decision is made based on blind reviews. If the article corresponds to the main selection criteria but it has minor comments that can easily be resolved, it is sent back to the author for brief correction with due considerations.

Submissions in Russian, English and German are accepted. Please note that the editorial board is not responsible for the quality of translation of the publication or the English language abstracts and kindly asks the authors to ensure appropriate translation (advising a check with a native speaker or a respective translation specialist). In case of submission's persistent inadequacy in content or translation, the editorial board reserves the right to decline the publication without further explanations.

ЛИНГВИСТИКА

Е. А. Дадуева

ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ КАУЗАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В БУРЯТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Рассматриваются эмотивно-оценочные каузативные конструкции вины и осуждения в бурятском языке. Актуальность работы определяется современным комплексным подходом к изучению таких функционально-семантических категорий, как каузативность, а также возросшим интересом к проблемам категории эмотивности в лингвистике, а также продиктована необходимостью изучения эмоций и их репрезентации в языке с точки зрения лингвистики. Основной целью данной работы является определение эмотивно-оценочного потенциала в каузативных конструкциях со значением вины и осуждения в бурятском языке, а также попытка выявления их национально-культурной специфики. Новизна работы определяется тем, что данная проблема практически не рассматривалась на материале бурятского языка. Теоретико-методологической основой работы послужили труды как отечественных, так и зарубежных лингвистов: В. И. Шаховского, А. Вежбицкой, И. В. Труфановой, К. Изард и др. Эмоция вины является одной из фундаментальных эмоций. Осуждение относится к моральной оценке тех или иных явлений действительности, поступков, поведения людей. В бурятских каузативных конструкциях можно заметить тесную связь семантики вины и осуждения. Материалом исследования послужила сплошная выборка каузативных конструкций, размещенных в Электронном корпусе бурятского языка (ЭКБЯ), а также данные, полученные при наблюдении над речью носителей языка. В результате показано, что каузативные конструкции в бурятском языке обладают эмотивно-оценочным потенциалом. Для выражения эмоции вины и связанного с ней осуждения используются так называемые конструкции «вины каузатора», в которой субъект сам виновен в случившемся, и это часто находит осуждение в речи говорящего. Конструкции «вины каузатора» являются достаточно специфичными: они показывают особенности языковой картины мира в осмыслении каузативных связей. Наиболее яркое выражение эмоция вины находит отражение в конструкциях, в которых говорящий сам выступает в роли каузатора. Такие конструкции демонстрируют осознание говорящим собственных ошибок, слабых характеристик, вины в тех или иных обстоятельствах.

Ключевые слова: каузативность, эмотивность, эмоции, оценка, каузативные конструкции, бурятский язык

Введение

В современной лингвистике актуальными представляются исследования, посвященные проблемам эмотивности. Одну из доминирующих ролей в жизни человека играют эмоции. Как известно, эмотивность находит реализацию в речи через разноуровневые средства языка. Исследования проблем средств выражения эмотивности в языке сегодня находятся в фокусе внимания лингвистики на всех уровнях языковой системы. Важным представляется рассмотреть выражение тех или иных эмоций в синтаксической конструкции, которая сама по себе способна производить определенный эмоциональный отклик. Кроме того, интерес представляет эмоциональная оценочность конструкций. Как отмечает В. И. Шаховский, «формула эмоции обязательно включает в себя основание оценки» (Шаховский, 2009: 30). А. Вежбицкая четко выделяет эмоции, связанные с оценкой: одни эмоции соотносятся с хорошими, другие – с негативными вещами. Так, негативную реакцию вызывают отрицательные поступки людей (Вежбицкая, 1996: 241). Эмотивно-оценочные конструкции показывают взаимодействие двух аспектов – эмоционального и оценочного. О. А. Есенина указывает, что «выражение эмоций, чувств представлено категорией эмоциональности, выражение оценочного отношения – категорией оценки, а выражение эмоций и оценочного отношения – эмоциональной оценкой» (Есенина, 1991: 34). И. В. Труфанова выделяет эмотивно-оценочные речевые акты – «речевые

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

акты, производимые ради выражения эмотивно-оценочного отношения говорящего» (Труфанова, 2000: 205). Так, в эмотивной теории важно учитывать такое эмотивное свойство, как оценочность. Говорящий оценивает ситуацию, руководствуясь эмоциями.

В связи с этим интерес с точки зрения выражения эмотивно-оценочной семантики вызывают каузативные конструкции. Между тем нами уже было показано, что каузативные конструкции в бурятском языке обладают эмотивно-оценочным потенциалом. Было замечено, что каузативные конструкции с пермиссивным значением демонстрируют специфическое чувство вины каузатора, а также способны выражать оценку (Дадуева, 2022). Наше внимание привлекли бурятские оценочные конструкции осуждения, тесно связанные с понятием вины. Кроме того, одной из проблем современной эмотиологии является выявление национально-культурных особенностей выражения эмоций (Вежбицкая, 1996). Известно, что «эмоции культурно обусловлены, они навязываются языковому коллективу этноса различными когнитивными сценариями» (Шаховский, 2009: 39). Как указывает В. И. Шаховский, существуют «различные сценарии эмоционального речевого поведения разных этносов», благодаря которым можно узнать их специфику и разнообразие, «знание о которых должно входить в эмотивную/эмоциональную коммуникативную компетенцию» (Шаховский, 2009: 66). Эмоции отражают эмоциональное отношение к действительности, которое может быть не только субъективным, но и социально обусловленным.

Исходя из этого, основной целью данного исследования является определение эмотивно-оценочного потенциала в каузативных конструкциях со значением вины и осуждения в бурятском языке, а также попытка выявления их национально-культурной специфики.

Эмотивно-оценочные каузативные конструкции вины и осуждения в бурятском языке

В число базовых фундаментальных эмоций разные ученые включают различный набор, при этом эмоция вины, как одна из таких эмоций, выделяется во многих работах (Изард, 1980; Багдасарова, 2004 и др.). Чувство вины, как известно, – это эмоция, при возникновении которой человек осознает, что он нарушил общечеловеческие нормы морали, собственные правила поведения или пренебрег определенными нормами поведения в обществе, совершил ошибку и т. п.

Как указывает Н. А. Багдасарова, «вина связана со стыдом, однако стыд может появиться из-за любых ошибок, а чувство вины возникает при нарушениях морального, этического или религиозного характера в ситуациях, в которых субъект чувствует свою личную ответственность за происходящее» (Багдасарова, 2004). При этом человек понимает, что он несет ответственность за подобные действия. Вину относят также к смешанным эмоциям, комплексным эмоциональным состояниям, т. е. к эмоциям, производным от базовых эмоций. Считается, что именно смешанные эмоции являются основными в психико-эмоциональной сфере человека (Виллюнас, 1977; Вундт, 1984; Филимонова, 2007 и др.).

Считаем, что семантика вины в каузативных конструкциях бурятского языка тесно связана со значением осуждения. Слово «осуждение» используется в основном двух значениях: 1) признание виновности обвиняемого, вынесение ему обвинительного приговора, устанавливающего меру наказания; 2) неодобрение, порицание (Словарь русского языка, 1999). Осуждение в данной работе используется во втором значении и понимается как негативная оценка. Осуждение относится к эмоциональной оценке тех или иных явлений действительности, поступков, поведения людей и т. п.

- (1) *Тэрэ эхэнэр дасан сооһоо газаа ха-юул-аа бэлэй*
 Та женщина дацан из-PART улица-ADV бросить-CAUS-PC.PST
 ‘Ту женщину выгнали из дацана на улицу’ [ЭКБЯ. Д. Батожабай. Төөригдэхэн хуби заяан, 1959–1965].

В данной каузативной конструкции показано осуждение говорящим женщины, которая допустила крайне неприятную ситуацию своим поведением в дацане (буддийском храме). Конструкция демонстрирует и вину каузатора (этой женщины), которая действовала неправильно в сложившейся ситуации: женщина вела себя очень вызывающе и некрасиво. Так, предложение буквально можно толковать как каузативную конструкцию с пермиссивным значением «позволить, допустить совершиться какому-либо действию»²: ‘Та женщина допустила выгнать ее из дацана на улицу’. В контексте можно заметить моральное осуждение и эмоцию гнева. Анализ показывает, что именно в пермиссивных каузативных конструкциях в бурятском языке наблюдается понятие «вины», исходящей от каузатора. Именно осознание «вины каузатора» становится основой формирования эмоционально-оценочного потенциала конструкции, связанной с осуждением.

Рассмотрим другой пример:

- (2) Энэ Хорло-шни мэхэтэй һамган, хожсом һүүлдэ
 Эта Хорло-POSS хитрая-А женщина потом-ADV потом-ADV
 ха-юул-ха-ш
 бросить-CAUS-PC.FUT-2.SG
 ‘Эта твоя Хорло – очень хитрая женщина, потом она бросит тебя’ [ЭКБЯ. Г.-Д. Дамбаев. Эжын хоер, 1982].

Данная каузативная конструкция выражает осуждение говорящим поведения как каузатора, так и его избранницы. Собеседник говорящего является каузатором в данной конструкции, именно он в будущем будет виноват в том, что его бросит женщина, потому что уже зная о том, что она хитрая и лживая, этот мужчина может связать с ней жизнь, не послушав мнения других людей. Значит, каузатор сам может стать причиной неблагоприятных обстоятельств в своей жизни: каузатор допускает появление действия – *хаюулхааш* ‘тебя бросят; ты допустишь, чтобы тебя бросили; будешь брошен’. Причастная форма *хаюулхааш* в каузативной конструкции отражает субъективное мнение говорящего и его эмоциональную оценку – осуждение, которое отнесено к будущему. Говорящий предостерегает и высказывает осуждение с целью предотвратить нежелательную ситуацию в будущем.

Говоря о вине как эмоции, К. Изард считает, что «вина побуждает человека осознать свое поведение по отношению к другому человеку как неправильное» (Изард, 1999: 53). Одной из главных причин появления эмоции вины является осознание своего проступка (Изард, 1999: 379). С виной связано понятие греха, определяемого религией, воспитанием и культурой.

Эмоция вины также возникает вследствие осознания предательства по отношению к себе, собственным взглядам, безответственности и слабых характеристик. Конструкции с каузатором, который сам является виновником ситуации, в бурятском языке выражают самоосуждение. Например:

- (3) Үгы, үгы... Уулагар тэнэг Шадаан-тай һуу-ха-гуй-б.
 Нет, нет вспыльчивый-А глупый-А Шадан-COM сидеть-PC.FUT-NEG-1.SG
 Элдэбээр баһ-уул-аа-б, доромжол-уул-аа-б.
 Всячески-ADV унижать-CAUS-PST-1.SG оскорблять-CAUS-PST-1.SG.
 Хурөө болоо!..
 Довольно хватит
 ‘Нет, нет! Со вспыльчивым и глупым Шаданом не буду сидеть. Я позволял себя всячески унижать и оскорблять. Довольно, хватит!’ [ЭКБЯ. М. Осодоев. Баршуудхын дүүхэй, 1975].

² Подробнее о пермиссивных конструкциях: Дадуева Е. А. Каузативные глаголы с пермиссивным значением в бурятском и русском языках. *Oriental Studies*. 2019. № 41(1). С. 99–107.

Данная каузативная конструкция показывает эмоцию вины, которая возникает по отношению к самому себе, когда приходит понимание своей слабыхарактерности. Говорящий понимает, что он сам виноват в том, что к нему относились плохо: ‘Я сам допустил, чтобы ко мне так относились’. Фраза: *Хүрөө болоо!* ‘Все хватит!’ передает всю полноту осознания своей вины по отношению к самому себе, самоосуждение. Человек достаточно долго терпит унижения и оскорбления, но теперь осознает свои ошибки и чувствует вину перед собой.

Каузативные конструкции, содержащие эмоцию вины, выражают значение «позволить совершиться определенному действию, быть причиной случившегося события». Каузатор при этом испытывает чувства вины, стыда, неловкости и даже душевные муки, угрызения совести от осознания своего поступка. Известно, что эмоция вины тесно связана с понятиями раскаяния, сожаления, стыда. Интересно, что в самые страшные моменты жизни человек начинает винить именно себя, ища первопричину негативных событий в себе. При этом дается эмоциональная оценка событиям.

Например:

- (4) *Ухибүү-гээ* *өөрын-гөө* *муу-да,* *Намсалмаа-гай*
 Ребенок-ACC.POSS свой-POSS негодность-DAT Намсалма-GEN
үгээ-дэ *оро-жо* *үх-үүл-бэ-б*
 слово-DAT входит-CV погибать-CAUS-PST-1.SG.
 ‘Я погубила своего ребенка по собственной вине, слушая Намсалму’ (ЭКБЯ. Ж. Тумунов. Нойrhoо хэриhэн тала – III, 1949).

Говорящий осознает свою вину в страшном событии – потере ребенка: ‘я позволила погубить своего ребенка’. Использование каузативной пермиссивной конструкции дает возможность показать осознание человеком своей трагической ошибки. Именно говорящий как каузатор предстает как основная причина случившегося события. Конструкции «вины каузатора» очень ярко демонстрируют эмоцию вины. Косвенно каузатором вина перекладывается и на другого человека (*Намсалмаагай үгэдэ орожо*), однако понятно, что он ощущает именно себя виновником ситуации. Конструкция передает значение осознания говорящим своей слабыхарактерности, а также очень ярко показывает самоосуждение.

Как указывает В. И. Шаховский, «эмоции не только порождаются особыми ситуациями, но и сами порождают определенные ситуации» (Шаховский, 2009: 23). Каузативные конструкции бурятского языка с семантикой вины и осуждения, действительно, «порождают» специфическую ситуацию, в которой демонстрируется, что человек терпеливо выдерживает даже самые страшные удары судьбы, однако он никого не винит в своей участи, так как считает виновным в первую очередь именно себя, потому что он допустил появление тех или иных событий. Здесь как раз и наблюдается самоосуждение.

Таким образом, важное место в осмыслении каузативных связей в языковой картине мира занимают конструкции «вины каузатора», отражающие особое понимание носителями бурятского языка каузативной ситуации и являющиеся характерной особенностью репрезентации категории каузативности и эмотивности в бурятском языке. В конструкциях «вины каузатора» имеет место и оценка взаимосвязи между двумя событиями действительности, и понимание, что причинно-следственные отношения заключены в каузаторе.

Эмотивно-оценочные конструкции вины и осуждения отражают вину каузатора. В данной ситуации номинатив одновременно занимает роль каузатора и каузируемого объекта. Необходимо заметить, что при этом действия каузатора являются неблагоприятными прежде всего для него самого. Конструкции «вины каузатора» содержат оценку и являются отражением сознания бурят. Национально-специфические черты, без сомнения, имеют выражение в бурятских каузативных конструкциях (Дадуева, 2022).

Эмоция вины испытывается говорящим как каузатором. Как известно, вина – это базовый регулятор социотипического поведения личности, связанный с осознанием нарушения коллективно установленных социальных норм (Иванова, 2010: 309). Со стороны социума человек, совершивший негативный поступок, осуждается.

- (5) *Гэм хэ-эд, нюрг-аа сох-юул-ха*
 Вина делать-CV спина-ACC.POSS бить-CAUS-PC.FUT
 ‘Совершив провинность, подставляя спину’ [ЭКБЯ. Д. Эрдынеев. Хүлэг инсагаална, 1974].

Буквально фраза трактуется как ‘Совершив провинность, позволяешь бить твою спину’.

Речевые акты осуждения связаны с отрицательной социальной оценкой. Осуждение со стороны социума наиболее ярко выражается в конструкциях «вины каузатора». Часто и сам каузатор осознает свою вину в случившемся.

- (6) *Жамбал архи уу-жа ажал-хаа-нь ха-юул-ба*
 Жамбал водка выпить-CV работа-ABL-POSS бросить-CAUS-PST
 ‘Жамбал выпивал и был уволен с работы’.

Каузативная конструкция напрямую отражает вину каузатора в случившемся: Жамбал допустил появление события своим поступком, поведением, которые стали негативными именно для него самого. С точки зрения говорящего прослеживается осуждение: Жамбал сам виноват, он позволил себя уволить, потому что нельзя пить на работе. Данная конструкция имеет оценочный потенциал, демонстрируя порицание каузатора и его поступков. Говорящий морально оценивает произошедшие события и в качестве главного «виновника» видит самого каузатора.

Интересно то, что в бурятских каузативных конструкциях вины и осуждения идет поиск первопричины неудач в первую очередь в самом себе.

- (7) *Би хүүл-хээ-нь аба-жа, хажуу тээшэнь шэдэ-хэ-м*
 Я-PRON хвост-ABL-POSS взять- CV сторона в-PSTP бросить-PC.FUT-1
гэ-жэ хана-хан аад, мэгдэ-шоод, тархи-хаа-нь
 говорить-CV думать-PC но растеряться-CV голова-ABL-POSS
бари-жа, хажуу тээшэнь хая-ад,
 взять-CV сторона в-PSTP бросить-CV
гар-аа хаз-уул-аа хэм
 рука-POSS укусить-CAUS-PST PCL
 ‘Я хотел выбросить его в сторону, взяв за хвост, но, растерявшись, схватил за голову и бросил в сторону, поэтому она укусила меня за руку’ [ЭКБЯ. Ц.-Д. Хамаев. Дуунай эхин, 1962].

Данный пример наглядно показывает, что каузатором, т. е. источником воздействия, был сам человек, которого укусила змея. Каузатор, растерявшись, позволил укусить себя, т. е. он считает себя и свои действия причиной случившегося. Он позволил себя укусить, потому что неправильно действовал. Говорящий осознает свою вину и осуждает себя, находя логические связи между своими действиями.

Так, бурятские каузативные конструкции вины и осуждения показывают, что именно субъект является источником и первопричиной событий. Они выражают семантику допущения, попустительства со стороны каузатора. Очень хорошо национально-культурную специфику каузативных конструкций вины и осуждения демонстрирует бурятская поговорка:

- (8) Хулуу-хан хун нэгэ нүгэл-тэй,
Украсть-РС человек один грех-СОМ
хулуу-лга-хан хун зуун нүгэл-тэй
украсть-САУС-РС человек сто грех-СОМ
'У того, кто украл, один грех, а у того, кто позволил украсть у себя, сто грехов' [ЭКБЯ.
С. Цырендоржиев. Мүнхэ эрьесэ, 1980].

Интересно то, что большего во много раз осуждения заслуживает не вор, а тот, у кого украли. Значит, обворованный человек позволил, допустил появление данной ситуации: недостаточно хорошо следил, был беспечен, ненадежно спрятал и т. п. Здесь мы видим, что осуждение тесно переплетается с понятием вины каузатора. Подобные конструкции можно отнести к особенностям отражения в сознании бурят каузативной ситуации, которая выражает эмоции, оценку, а также многовековую мудрость народа.

Заключение

Таким образом, каузативные конструкции в бурятском языке обладают эмотивно-оценочным потенциалом. Особенность бурятского языка состоит в том, что для выражения эмоции вины и семантики осуждения используются одни и те же конструкции, так называемые конструкции «вины каузатора». Данные конструкции составляют особенность бурятского языка в репрезентации мировидения, в осмыслении каузативных связей и содержат в своей семантике отрицательную нравственно-эмоциональную оценку говорящим ситуации, в которой субъект сам виновен в случившемся. Довольно яркое выражение эмоция вины получает в каузативных конструкциях, в которых говорящий сам выступает в роли каузатора. Именно такие конструкции наиболее ярко выражают не только эмоцию вины, переживания по поводу осознания собственных ошибок, слабых характеристик и т. п., но и самоосуждение.

Список сокращений:

А – прилагательное; ABL – исходный падеж; ACC – винительный падеж; ADV – наречие; CAUS – каузативный глагол; COM – совместный падеж; CV – деепричастная форма; DAT – дательный падеж; GEN – родительный падеж; NEG – отрицание; NOM – номинатив; PC – причастная форма; PC.FUT – причастие будущего времени; PCL – частица; PL – множественное число; POSS – личное притяжание; PRS – настоящее время; PST – прошедшее время; PSTP – послелог; SG – единственное число.

Источники:

ЭКБЯ – http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 15.01.2023).

Литература:

- Багдасарова Н. А.** Лексическое выражение эмоций в контексте разных культур: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.
Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков. М.: Языки русской культуры, 1999. 780 с.
Вежбицкая А. Толкование эмоциональных концептов: Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 197 с.
Виллюнас В. К. Психология эмоциональных состояний. М.: Изд-во МГУ, 1976. 142 с.
Вундт В. Психология душевных волнений // Психология эмоций: Тексты. М., 1984. С. 49–50.
Дадужева Е. А. Каузативные конструкции в бурятском языке: функционально-семантический и лингвокогнитивный аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2022. 46 с.

- Есенина О. А.** Конструкции экспрессивной оценки в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 194 с.
- Иванова С. В., Чанышева З. З.** Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. 366 с.
- Изард К. Э.** Психология эмоций / пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. 464 с.
- Изард К. Е.** Эмоции человека / пер. с англ. М.: Изд-во МГУ, 1980. 439 с.
- Словарь русского языка:** в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., М., 1999.
- Труфанова И. В.** Прагматика несобственно-прямой речи. М.: Прометей, 2000. 569 с.
- Филимонова О. Е.** Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 448 с.
- Шаховский В. И.** Эмоции как объект исследования в лингвистике. Вопросы психологии. 2009. № 9. С.29–42.
- Шаховский В. И.** Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.

Дадуева Елена Александровна.

Доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания.

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047.

E-mail: edadueva@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 24 января 2023 г.

E. A. Dadueva

EMOTIVE-EVALUATIVE CAUSATIVE CONSTRUCTIONS IN THE BURYAT LANGUAGE

This paper describes emotive-evaluative causative constructions of guilt and condemnation in the Buryat language. The relevance of the work arises from the modern integrated approach to the study of such functional and semantic categories as causativity, as well as from the increasing interest in the problems of the category of emotivity in linguistics. The relevance stems from the need to study emotions and their representation in language from the perspective of linguistics. The main goal of this work is to determine the emotive-evaluative potential in causative constructions with the meaning of guilt and condemnation in the Buryat language and to try to identify its national and cultural peculiarities. The novelty of the work arises from the fact that this problem has not been practically studied on the material of the Buryat language before. The theoretical and methodological basis of the work was formed by the works of domestic and foreign linguists: V. I. Shakhovsky, A. Vezhbitskaya, I. V. Trufanova, and K. Izard. The feeling of guilt is one of the basic emotions. Condemnation refers to the moral evaluation of certain phenomena of reality, actions, and behaviors of people. In Buryat's causative constructions, one can notice a close connection between the semantics of guilt and condemnation. The material of the study consists of a solid sample of causative constructions contained in the electronic corpus of the Buryat language and data obtained by observing the speech of native speakers. As a result, it is found that causative constructions in the Buryat language have an emotive-evaluative potential. In order to express the feeling of guilt and related condemnation, the so-called constructions of "guilt of the causer" are used, in which the subject himself is guilty of what happened. The constructions of "fault of the causer" are quite specific; they show the peculiarities of the linguistic worldview in understanding causative relations. In the constructions of "guilt of the causer," the speaker often appears himself as the causer, and such constructions most vividly express the feeling of guilt, awareness of one's mistakes, and weakness.

Keywords: *Causativity, emotivity, emotions, evaluation, causative constructions, Buryat language*

References:

- Bagdasarova N. A.** Leksicheskoe vyrazhenie emocij v kontekste raznyh kul'tur [Lexical expression of emotions in the context of different cultures]. Diss. ... Candidate of Philology. M., 2004 (in Russian).
- Vezhbitska A.** Semanticheskie universalii i opisanie yazykov [Semantic universals and description of languages]. M.: Languages of Russian culture, 1999. 780 p. (in Russian).

- Vezhbitskaya A.** Tolkovanie emocional'nyh konceptov [Interpretation of emotional concepts [Text]: Language. Culture. Cognition]. M.: Russian Dictionaries, 1996. 197 p. (in Russian).
- Vilyunas V. K.** Psihologiya emocional'nyh sostoyanij [Psychology of emotional states]. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1976. 142 p. (in Russian).
- Wundt V.** Psihologiya dushevnyh volnenij [Psychology of emotional unrest]. Psychology of emotions. M., 1984. P. 49–50 (in Russian).
- Dadueva E. A.** Kauzativnye konstrukcii v buryatskom yazyke: funkcional'no-semanticheskij i lingvokognitivnyj aspekty [Causative constructions in the Buryat language: functional-semantic and linguocognitive aspects]. Abstract of the diss. ... Dr. of Philology. M., 2022. 46 p. (in Russian).
- Yesenina O. A.** Konstrukcii ekspressivnoj ocenki v sovremennom anglijskom yazyke [Constructions of expressive evaluation in modern English]. Dis. ... Candidate of Philological Sciences. M., 1991. 194 p. (in Russian).
- Ivanova S. V., Chanysheva Z. Z.** Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения [Linguoculturology: problems, searches, solutions]. Ufa: RIC Bashgu, 2010. 366 p. (in Russian).
- Izard K. E.** Psihologiya emocij [Psychology of emotions] / translated from English. St. Petersburg: Peter, 1999. 464 p. (in Russian).
- Izard K. E.** Emocii cheloveka [Human emotions]: [Trans. from English]. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1980. 439 p. (in Russian).
- Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]:** in 4 vols. RAS, Institute of Linguistics. Research / A. P. Evgenieva (ed.). 4th ed., Moscow, 1999. (in Russian).
- Trufanova I. V.** Pragmatika nesobstvenno-pryamoj rechi [Pragmatics of non-direct speech]. Monograph. M.: Prometheus, 2000. 569 p. (in Russian).
- Filimonova O. E.** Emociologiya teksta. Analiz reprezentacii emocij v anglijskom tekste [Emotionology of the text. Analysis of the representation of emotions in the English text]. A textbook. St. Petersburg: LLC "Book House", 2007. 448 p. (in Russian).
- Shakhovskiy V. I.** Emocii kak ob"ekt issledovaniya v lingvistike [Emotions as an object of research in linguistics]. Questions of psychology. 2009. No 9. P. 29–42. (in Russian).
- Shakhovskiy V. I.** Yazyk i emocii v aspekte lingvokul'turologii [Language and emotions in the aspect of linguoculturology]. Volgograd: Publishing house of VSPU "Change", 2009. 170 p. (in Russian).

Dadueva Elena Aleksandrovna.

Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Linguistics.

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS.

6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russia.

E-mail: edadueva@yandex.ru

М. А. Ключева

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ИГРОВОЙ ЛЕКСИКЕ ВЯТСКИХ И УРАЛЬСКИХ МАРИ

Исследуется лексика игр с костями и деревяшками в восточном наречии марийского языка: малмыжском, кунгурском и красноуфимском диалектах. В частности, рассматриваются игры в чижа, муху (когда с кола броском палки сбивается насаженный на него деревянный предмет), а также игры в кости и с заменяющими их деревяшками. Материал исследования – отечественные и зарубежные публикации по марийскому языку и фольклору, а также архивные и современные полевые записи марийских народных игр, которые впервые вводятся в научный оборот. Основной метод исследования – сравнительный: сопоставление рассматриваемых слов с игровой лексикой в диалектах марийского, русского языка и в других финно-угорских языках по широкому кругу источников. Марийские говоры, которым посвящено исследование, отличаются тем, что находятся под значительным влиянием местных русских диалектов, тогда как большинство других диалектов горного, лугового, восточного наречия марийского языка испытывают более существенное тюркское влияние и в их игровой лексике преобладают заимствования из чувашского и татарского языков. Основная представленная лексика – это наименования предметов игры и соответственно названия игр с этими предметами (*чинок, чизик, чижик, бакланом, плишка, панок, пешки, шишка, шорчок, шолчок, капке, бабки*), а также глаголы *галитлаш, галитлыкташ* ‘водить’. В большинстве своем эти лексемы не представлены в марийских словарях. Часть из них не столько заимствования, сколько проникновения из русского, тем более что некоторые слова (*бакланом, плишка, шишка, пешки*) зафиксированы у марийских информантов в русской речи, когда они по-русски рассказывают собирателю о своих играх. Таким образом, мари в определенной мере выступают носителями местных русских диалектов, представляют специфическую локальную русскую игровую лексику. Рассмотренные русские заимствования вошли, кроме марийского, и в другие финно-угорские языки Урало-Поволжья: мордовский, удмуртский, коми, а также в чувашский.

Ключевые слова: *народные игры, марийский язык, игровая лексика, игровая терминология, финно-угорские языки, диалектология, фольклорная лексикология, русские диалекты, заимствования, языковые контакты, заимствования, этимология*

Русские заимствования в марийском языке уже немалое время являются предметом специального изучения. По данной теме опубликован ряд монографий (Саваткова, 1969; Гаврилова, 2014; Исанбаев, 2014; Сибатрова, 2021). Однако специфические пласты лексики марийских народных игр практически не попадают в поле зрения исследователей. Одна из причин этого – слабая представленность игровой терминологии в источниках по марийской лексикологии и диалектологии. Таким образом, сбор материалов по марийскому игровому фольклору и изучение игровой лексики (в том числе ее генезиса в марийском языке) представляются актуальной научной задачей¹. В данной статье рассматривается лексика игр с костями и деревяшками в диалектах восточного наречия марийского языка (Кировской области, Пермского края и Свердловской области). Исследование выполнено на материале публикаций (Brewster, 1965; Гордеев, 1983; Веке, IV; Moisio, Saarinen, 2008; Вершинин, 2011; Черных, Голева, Щукина, 2013; Ключева, 2014), а также архивных и современных полевых записей марийских народных игр, которые впервые вводятся в научный оборот. Основным костяком материалов по играм уральских мари (кунгурский диалект) составили записи пермских этнологов Т. Г. Голевой и А. В. Черных в 2011–2012 гг. в д. Красный Луг, Тебеняки, Тукманы Суксунского р-на Пермского края. Особенно мы благодарны Татьяне Геннадьевне Голевой за предоставленные аудиозаписи бесед об играх с марийскими информантами, из которых удалось почерпнуть и проанализировать значительно больший объем марийской игровой лексики и языкового материала, чем опубликовано в (Черных, Голева, Щукина, 2013). На следующей карте (рис. 1) отражены населенные пункты восточных мари, игровой фольклор которых в той или иной мере представлен в статье.

¹ Русские заимствования в марийской игровой лексике представлены в ряде ранее изданных статей (Ключева, 2016; Ключева, 2020; Ключева, 2022) и др.

Рис. 1. Карта: марийские деревни

Основной метод исследования – сравнительный: сопоставление рассматриваемых слов с игровой лексикой в диалектах марийского и русского языка, в других финно-угорских языках по широкому кругу источников (словари, фольклорно-этнографическая литература). Все лексемы, представленные в статье, являются в марийском языке заимствованиями и проникновениями из соседних русских диалектов.

1. Чинóк ден модма́ш

‘Игра с чинком’ (д. Азиково Кильмезского р-на Кировской обл., инф. Иванов Александр Аркадьевич 1952 г. р., зап. Ключева М. А. в 2017 г.) (МНИ, № 1392).

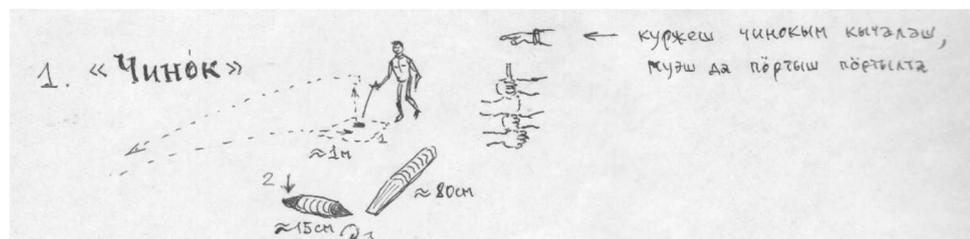

Рис. 2. Игра Чинóк (рисунок информанта А. А. Иванова)

Фрагмент описания:

Чинóк ден модма́ште куржу тоя, сантиметров вóсьмьдесят, тэве тыга́й кучылтеш, и тудын тоя муча́шше отвёртке сэмын тыга́й затáчивается, кўз'ò ден то-чйтлена. А сáмый чинóкшио – сантиметров пятна́дцать куржытáн, тыга́й, знáчит, обоюдоóстрый, затóченный – и вóт тидым кошáртмые. Кок мозгырымáт кошáртáт, и чинóкетым кўм спóсоб ден, кўм тўрлын кудалтáт (лòлтáлыт кудалтáшлан).

‘В игре в чинок используется длинная палка, сантиметров 80, вот такая используется, и конец этой палки затачивается так, как отвертка, ножом точим. А сам чинок – сантиметров 15 длиной, такой, значит, обоюдоострый, заточенный. И вот его, заточенный, оба конца затачивают, и бросают чинок тремя способами, тремя способами (поднимают, чтобы бросить)’.

По сути действия эта игра в чижа, а название, видимо, восходит к праслав. основе **činъ* (> **činiti*), от которой русское *чинить*, *чин* – в том числе в значении ‘очинок пера, то место оного, которое может быть очинено’ (твер.) (ЭССЯ, 4: 112–115). Ср. диал. волог. *очинки* ‘обрезки чего-либо’ (СРНГ, 25: 68). Рус. *чинить* (в значении ‘делать острым’) > *чинок* ‘предмет в игре’,

заточенный (очиненный), как перо, карандаш (-ок – рус. уменьшительный суффикс). Ср. диал. волог. наименования игры в чижа у русских: *чинка*, *чинга* как соответствия к *чинок* женского рода (Иваницкий, 1890: 157)².

Ср. у коми *чинки*, *чиньки* бытует как локальное название игры в догонялки [Рассыхаев 2014: 99, 109, 143].

2. Чизик, чижик, галитлаш

Чизик (д. Азиково Кильмезского р-на Кировской обл., инф. Иванов Александр Аркадьевич, 1952 г. р., зап. Ключева М. А. в 2017 г.) (МНИ, № 1412).

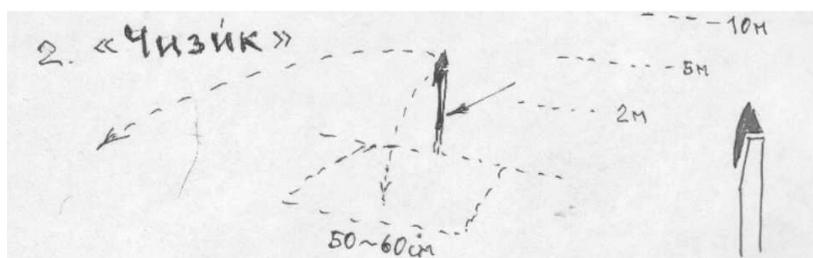

Рис. 3. Игра *Чизик* (рисунок информанта А. А. Иванова)

Фрагмент описания:

Вот тыгэй теве квадратым меляндымпалне чертитленá, примёрно вís'ле-кудлу сантиметр тыгэй квадрат. И тыште покшёлке шогалтенá тыгэй тоям. Мучáшжым кошартенá, кир'ён шынденá товар дене или чогыт тен. Чогыт – тыде молоток. Чогыт, значит, к(и)р'ён шынденá, сáйын шинчыже тудо, значит, мо, тудо пружинит, и вот тумбалкыже, теве йошкардын сýретленáм, кáйиклан похожий, чизик маныннá, значит. И, значит, кум, руи манмылá, позицийым ыштенá. Лу метр гычын пёрвый кудалтенá, вара вич метр гычын, вара кок метр гычын, и вот тыгэй, значит, бита <...>.

‘Вот такой вот квадрат чертим на земле, примерно пятьдесят-шестьдесят сантиметров такой квадрат. И там посредине ставим такую палку. Ее конец заостряем, забиваем (в землю) топором или молотком. *Чогыт* – это молоток. Молоток, значит, забиваем, чтобы хорошо стояла. Значит, это, она пружинит, а на нее, вот красным нарисовал (я) (на рисунке), на птичку похожий, мы называли *чизик*, значит. И, значит, делаем три, говоря по-русски, позиции. Сначала с десяти метров бросаем, потом с пяти метров, потом с двух метров, и вот такая, значит, бита <...>’.

Эта игра относится к типу муха: чиж сбивается броском палки с кола, вбитого в землю. Наименование *чизик* очевидно восходит к общераспространенному рус. *чижик*. Перенос

² У вологодских русских игра в чижа также называется *чирга*, *чиг* (Иваницкий, 1890: 157), *чирка*, *чиркой* (с. Бадого Вытегорского у. Олонецкой губ. ~ ныне Вологодской обл., зап. Т. Е. Репников.) (Детские игры, 1890: 9–10 (Смесь)). Эти наименования, скорее всего, гетерогенны к *чинок* ~ *чинка*. У Даля: «чирок, игра, и чурочка, кляп, чиж, по коему бьют палкою, и он взлетывает. *Пойдем в чирки играть*. Меньшая из диких уток» (Даль, 4: 1345). То же – *чирка* (Даль, 4: 1344). Исходное значение рус. слова *чирок* (*чирка*) – *Anas querquedula* (дикая утка, чирок-трескунок). Метафорическое «птичье» наименование взлетающего в игре предмета очень типично для лексики народных игр этого типа, ср. рус. *чижик*, *кулик* ‘то же (предмет игры и название игры)’. Слово *чирок* в русском языке восходит к праславянской основе *čirьkь / *čirьka / *čirьсь звукоподражательного характера (ЭССЯ, 4: 117). Лексема *чиг* как наименование игры в чижа (~ *чик*) восходит к основе звукоподражательного характера *čikati > рус. диал. *чичать* ‘бить, ударять’, ‘ударять в мяч, чиж локтю при игре’ и др. (ЭССЯ, 4: 110–111). От нее происходит целый ряд игровых терминов в русских диалектах (*чик*, *чика*, *чека*, *чичать*, *чекать* и др.), например, *чика* – удар мячом (подача мяча в игре типа лапты) (Яран. Вят.) (Зеленин, 1903: 178; СРНГ, 7: 342), *чека* – игра типа пыжа; маленькая палочка, сбиваемая ударом палки с кола в этой игре (Костром.) (Всеславин, 1863: 931).

ударения на второй слог соответствует фонетической системе мар. малмыжского говора; фонетический переход *ж > з* встречается в удмуртской игровой лексике, ср. удм. *чиз* 'чиж' (д. Лонки-Ворцы, Чуралуд) (Долганова, Морозов, 2002: 120). (По соседству с марийской д. Азиково находятся удмуртские деревни, и в школе марийские дети учились вместе с удмуртскими и русскими.) Игровой термин *чижжик* (в марийских источниках фиксируется как *чижжик*, *чиж*, *чижы*, *чижык*) достаточно широко распространен в марийских диалектах, которые испытали наибольшее русское воздействие: у горных и северо-западных мари (фиксации в с. Арды Козьмодемьянского у. Казанской губ. ~ ныне Килемарского р-на РМЭ, д. Юнга Кушерга, Сарлатово, с. Еласы, д. Апшак-Пеляк, Ванюково Горномарийского р-на РМЭ; с. Марьино Юринского р-на РМЭ, д. Отюково Яранского у. Вятской губ. ~ ныне Кировской обл.) (МНИ, № 1356, 1369, 1379, 1380, 1381; 1382, 1377); у луговых мари есть запись только в Новоторъяльском р-не РМЭ (д. Немда-Обалыш, п. Новый Торъял) (МНИ, № 1366, 1383); у уральских мари в д. Красный Луг Суксунского р-на Пермского края (МНИ, № 1371). У уральских и северо-западных мари наименование *чижжик* используется также в игре типа мухи (д. Красный Луг, Иванково Пермского края, с. Большие Селки Тоншаевского р-на Горьковской обл. ~ ныне Нижегородской) (Черных, Голева, Щукина 2013: 272; МНИ, № 1410, 1411). Русское название птицы *чижжик*, от которого и происходит игровой термин, считается звукоподражательным и восходит к праславянской основе **čižь* / **čižьkь* / **čižikь* (ЭССЯ, 4: 125).

В рассказе об этой *чижжик модыш* 'игра в чижа' на марийском языке наш информант Алевтина Александровна Денисова из д. Красный Луг использовала также несловарный глагол *галитлаш* с основой *галит-*, производной от рус. местного *галить* 'водить в игре (исполнять трудную роль)'³ (*-аш* – мар. суффикс инфинитива, *-л-* – регулярный вербализатор в марийском) (зап. в 2015 г. и в 2020 г.) (МНИ, № 1371). Этим глаголом в марийской игре выражается выполнение определенных действий при наказании «последнего» (набравшего в игре меньше всего очков), а именно: *галитлаш* – забрасывать чижик в квадрат, который охраняет наказуемый. (В речи того же информанта встретился также вариант *галитлыкташ* с понудительным мар. суффиксом *-ыкт.*) Наказуемый (*галёвый*, по терминологии нашего информанта) при этом пытается отбить прилетающий чиж палкой.

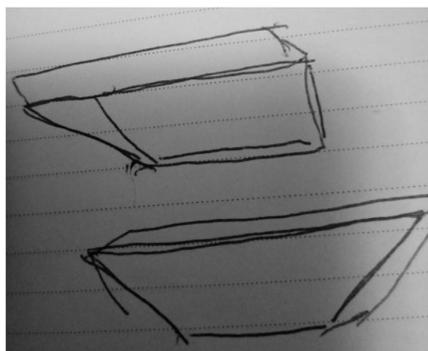

Рис. 4. Чижжик (рисунок информанта А. А. Денисовой)

3. Бакланом – название игры в чижа у пермских мари (д. Тукманы Суксунского р-на Пермского края) (Ключева, 2014: 391; МНИ, № 1388). На первый взгляд кажется очевидной «птичья семантика» данной лексемы: *баклан* (от лат. *Phalacrocorax*) – это средних размеров и крупная пернатая птица из отряда пеликанообразных. Однако «бакланом» в русских диа-

³ *Галить* – то же что и водить в русских диалектах (Перм., Челябин., Урал., Сиб., Том., Енис., Вост.-Казах., Свердлов., Арх.) (СРНГ, 6: 111), (Пермь, Челябинск, Коми, Ижевск, Удмуртия, Нижний Тагил, Томск, Казахстан, г. Балхаш) (Ключева, 2014: 77–78, 83). Соответственно *галящий*, *галя*, *галщик* – водящий, тот, кто галит (водит) в игре. Ср. *голить*: 1. конаться, считаться в игре (Курган., Тобол., 1896) (СРНГ, 6: 294); 2. водить (Красноярск, Норильск, Новосибирск, Иркутск) (Ключева, 2014: 78).

лектах, в том числе в Пермском крае, называют обрубок дерева, бревна, чурбан (Иркут., Якут., 1846, Сиб., Урал, Перм., Свяжж. Казан., Симб., Оренб., 1849) (СРНГ, 2: 60). А игра в чижа – это и есть игра с палочкой. На Среднем Урале слово *баклашка* (уменьш. от *баклан* ‘чурбан, обрубок дерева, обрезок бревна или доски’) фиксируется как игровой термин: *робята баклашками играют весь день* (СРГСУ, 1: 31). В ЭССЯ русское *баклан* в «деревянном» значении помещено в один ряд с русскими диалектными словами, означающими палку, чурбан, колышек, дубину: *баклуша, бакулька, баклуша, букла, буклинка, буклешка* (праславянская основа **bakul'a* (**bakъl'a*)) (ЭССЯ, 1: 142–144). Ареал этих лексем – Костром., Нижегород., Волог., Калуж., Тул., Псков., Твер. губ. (СРНГ, 2: 62–63; СРНГ, 3: 256). Ср. в играх рус. диал. *баклушка* – деревянная чурочка для игры в городки (Перм.) (СРНГ, 2: 63); «круглая, толщиной в вершок осиновая палочка длиной в 6–7 вершков для игры в бабки на льду. Баклушей бьют бабку так, что она летит по воздуху или катится по льду» (Тобол., 1911) (СРНГ, 2: 62).

Таким образом, название игры *бакланом* – проникновение в марийский из русских диалектов, тем более что слово сохраняет в марийском и морфологический показатель русского инструментала *-ом*. При этом могли иметь место смешение рус. диал. *баклан* ‘обрубок дерева’ с названием птицы (*баклан*), поскольку в игре деревяшка «летит», как птичка. (В соседней д. Красный Луг, как показано выше, игра называется *чижик*.)

4. Пли́шка – название биты в играх с костями в д. Тебеняки Суксунского р-на Пермского края (Ключева, 2014: 185; МНИ, № 1455). Этот термин зафиксирован в рассказе об игре на русском языке (инф. Иванов Алексей Савватеевич, 1935 г. р., зап. Голева Т. Г., Черных А. В. 12 апреля 2012 г.):

«Бабками мы играли, конскими бабками играли. [Соб.: Конскими?] Не конскими. Мелкими бабками. Я сам играл, ходил. Еще тогда денег не было... [Иванова Т. П. 1927 г. р.: На угол бросали ведь.] *Пли́шка* называется, который такой был. Такой ставляют, с ним бросали. Железный, чугунный, специальный залитый был. Я только видел раньше перед войны. Тогда мужиков навалом было. Видел, бабки ставят и бросают на него-то. У кого попадет, у кого нет. А потом война, да все, мужиков не стало, играть некому стало. По-марийски *ка́нке*. На угле поставишь, измеряешь. Рядом сел. На бабка, на бабке. Достанет – ты выиграл. Нет – так другой бросит. Иногда втроем играем. [Соб.: А плишку-то когда кидают?] На дороге ставят рядышком и бросают на него эту плишку-то <...>».

Наименование *плишка*, безусловно, связано с русской диалектной лексикой игр в кости, с названием биты в них: ср. владимирское *пли́шка* 1. то же, что плитка (Покров. Влад., 1895) *Хто скажет плишка, а хто бабка. Раньше больше плишка называли* (Калин.) (СРНГ, 27: 143); *плитка* (Сольвыч. Волог., 1897). *Плиткой бьют в кон* (Вят., Арх., Ворон., Тобол.), бита из замороженного навоза (Енис., 1909) (СРНГ, 27: 141), *плитки* ‘городки’ (Том., 1964) (СРНГ, 27: 141); *плита́* ‘металлическая пластинка-бита, употребляемая для игры в бабки’. = *Плита. Плитой давайте играть! Мне плиту кидай!* (Костром., 1904) = *Плита* (Мещов. Калуж., 1916) (СРНГ, 27: 140). Этимологию русского *плита*, связанного с др.-рус. *плита* ‘камень, кирпич’, см. (Фасмер, 3: 283).

5. Панóк (банóк, ванóк) – еще одно название биты в этой игре в кости (*канке*) (д. Красный Луг Пермского края, инф. Осипов Андриан Осипович, 1935 г. р., зап. Голева Т. Г., Черных А. В. в 2011–2012 гг.) (МНИ, № 1455):

Панóк – который вбивали дак, это панóк называется <...> *Банок* – ну, кость он, выдолбленный. Туда, он чтоб тяжелый был, олово пускали туда. <...> *Кость долбили, а там пускату сняли, а туда, чтобы он, банок-то был тяжелый, олово пускали.*

Хотя в данном примере слово *панок* используется в рассказе об игре на русском языке, имеются и другие фиксации термина *панок* как названия биты в играх восточных мари (в том числе в мариийских текстах):

– в игре *шакмак* (д. Вашинга (Старо-Орьебаш) Бирского у. Уфимской губ. ~ ныне д. Старый Орьебаш Калтасинского р-на РБ): деревянной битой (*панок*) сбивают выстроенные в ряд деревянные чурочки (*шакмак*) (Веке, IV₇: 2283; МНИ, № 1443);

– в игре *Павай* ‘Дед’ (д. Мари-Буляр Муслюмовского р-на РТ):

Пу^{bl}ке-н (чура-к) лие-ш, павай оз’а- вйзля’, пано-кым луйа-т, икта-т ок логалте – ку^{bl} ржыт тунгалме верыш.

‘Есть чурак, хозяин павая бежит, мечут панок, никто не попадет – бегут туда, откуда начали’ (Вершинин, 2011: 411; МНИ, № 1431);

– *Ванок дене модаш* ‘Играть с косточками’ (д. Укозяш Мишкинского р-на Башкирской АССР) < рус. *панок* (Гордеев, 1983: 40; МНИ, № 2483);

– в игре *Пакал* ‘Кости’ (д. Мещерево Шаранского р-на РБ):

«Для игры заготавливают кости с кисти ног (с лодыжки) теленка, одна побольше, другая поменьше – Панок и Масай. Более ушлые дети для большей устойчивости костей просверливали отверстие и заливали свинец. Дети собираются на улице, подкидывают панок. У кого панок ляжет горбинкой наверх, тот и начинает игру. Ставят панок и примерно с одного метра сшибают его костью-масай. Если сбил – измеряют расстояние между панок и масай. Расстояние измеряется мерой длины, равной черык (литер. *чырык*) (в переводе – четверть) – четверть аршина (60 см), измеряется расстоянием между вытянутыми в разные стороны указательным и большим пальцами. Если расстояние между панок и масай меньше черык, значит, выиграл – кость твоя. Если не сбил кость или расстояние между костями больше четверти, ход переходит к следующему игроку. Более взрослые ребята играли на деньги» (А. Салимов, самозапись) (URL: <http://mariez.ru/tradicii-i-obryady/mariyskie-igry>; МНИ, № 1497).

Слово *панок* отсутствует в мариийских словарях, т. е. не считается мариийским словом. Термин *панок* в мариийских играх, безусловно, связан с русской игровой лексикой, заимствован из русского языка: ср. рус. диал. *панки* и *панок*, *паночек* ‘игральная кость, бабка, бита в игре’, обычно большая – от лошади или коровы, может быть с налитым внутрь свинцом, кость-бита (Вят., Перм., Урал, Прикамье, Волог., Костром., Влад., Тамб., Орл., Симб., Южн. Сиб., Tobol., Том., Новосиб., Кемер.) (СРНГ, 25: 197–198), *панок* (Суксунский р-н Пермского края, Нижнетагильский р-н Свердловской обл. (СРГСУ, 3: 112), *панки* – игра в городки (Урал, Калуж.) (СРНГ, 25: 197).

Игровой термин *панок* употребляется также у мордвы и удмуртов: морд. *панок* ‘бабка’ (Брыжинский 2009: 52), удм. *панок* ‘бита’ (РУС), *понок* ‘бита (массивная галька или металлическая бита)’ (Долганова, Морозов 2002: 114), у чуваш – чув. *панук* ~ *панок* ‘биток, большой козан’ (Ашмарин, 9: 91), причем маленький козон может называться *лаккай* (< рус. *лакей*) (Ашмарин, 8: 12). Согласно ЭССЯ, рус. *панок* ‘суставная кость животного, обычно используемая при игре в бабки’, восходит к праслав. **panogъь* < **nogъь* (> рус. *ноготь*) + префикс *pa-* (со значением подобия или смежности) [ЭССЯ, 41: 98–99, 25: 170–173]⁴.

6. Пешки – это расколотые пополам липовые лутошки, с которыми происходит игра типа щелчки⁵ (д. Красный Луг Суксунского р-на Пермского края) (Черных, Голева, Щукина,

⁴ В мариийской лингвистической литературе была высказана и версия противоположного направления заимствования: рус. яран. *играть в панки* ‘в бабки’ ~ *панок* ‘свинчанка, биток’ (Вят., Перм.) (Зеленин, 1903: 109) от мар. *панга* ~ мар. СЗ *панка* ‘палочка, чурочка’ (Иванов, 1969: 110).

⁵ Эта игра аналогична игре *шорчок* ~ *шолчок*, см. описание ниже в п. 8.

2013: 272–273; Ключева, 2014: 185–186; МНИ, № 1488). Описание этой игры приведено в источнике на русском языке, т. е. слово зафиксировано в русской речи мари. В марийских словарях оно отсутствует; логично считать его не столько заимствованием, сколько проникновением из русского. Ср. в русских диалектах: *пешка*, ж. 1. Фигура в шашечной игре – шашка. Вязник. Влад., Тобол.; 2. Мн. Игра в шашки. Олон., 1846. Арх., Перм., Сиб., Тобол. 3. Мн. Игра в камешки. Екатеринбург. Перм. (СРНГ, 27: 13–14). Игра, аналогичная марийской, с таким же названием – *пешкаос* ‘пешки’ – известна удмуртам (Долганова, Морозов, 2002: 61, 209), впервые записана Верещагиным в Сосновской волости Сарапульского у. Вятской губ.

7. Шишка

Также проникновением из русского языка является зафиксированный в рассказе марийского информанта на русском языке термин *шишка* ‘бабка’ (д. Красный Луг Суксунского р-на Пермского края, инф. Осипов Андриан Осипович 1935 г. р., зап. Голева Т. Г. в 2011 г.) (МНИ, № 1455):

<...> Бабки-то, шишки-то ставят [Соб.: в ряд, да?] [Осипова Л. Е., 1939 г. р.: В ряд, аха.], как кто попадет, все вычистит – все, его выигрыш <...>.

Слово *шишка* в русском считается исконным, см. (Фасмер, 4: 445).

8. Шорчок, шолчок

В материалах Э. Беке времен Первой мировой войны в Малмыжском у. Вятской губ. зафиксированы названия марийской игры в щелчки: *šor(š)so·k* ~ *шорчók* (д. Старый Ноньгеръ (*Тошто-ял*)) и *šol(š)so·k* ~ *шолчók* (д. Карманкино (*Моркы-ял*)) (Беке, IV₇: 2467; Brewster, 1965: 265–267; МНИ, № 1485). Из описания игры *Шорчок* становится ясно, что ее название происходит от названия предметов игры:

šor(š)so·k pangà: den štâme, urbèzəbla·k mòdât kudaltè·n; d'ârçèške lámâšte-βaram püŕškedà·t, pokçše-šš šè·lât, βara· tudum iktâže kâškalè·š; βara· kò·mòðk tene kò·mòðkâm ŕššmalta·t, kumuk tene kumikum ŕššmalta·t; loyalè·š kâñ, kiðäškäže poçà; oye·š loçà·l çâñ, βe·še kâškale·š.

‘Шорчок сделан из деревяшки, ребята играют-бросают; круглую жердь напильвают, раскалывают пополам, потом их кто-нибудь вываливает; затем ту, что лежит горбиком вверх, щелкают в лежащую горбиком вверх, лежащую ничкой (брюшком вверх) в ничку (букв. горбиком горбик щелкают, ничку ничкой щелкают); если попадет – собирает в ладонь, если не попадет – кидает другой’.

Очевидно, что мар. *шолчок* и *шорчок* являются заимствованиями из русского с изменением значения от наименования действия к наименованию предмета (< рус. *щелчок*, игра в щелчки < звукоподражательный глагол *щёлкать*, см. (Фасмер, 4: 501)). Судя по вокализму, исходное рус. диал. слово имело вид *шолчок* или *шолчок*. «В словах, заимствованных из окающего северновеликорусского говора, на месте русского этимологического *e* в предударном слоге марийцы произносят *o*: *Йогор* < рус. *Йогор*, *жолтухы* < рус. *жолтухъ*, *жолудкы* < рус. *жолудок*» и т. п. (Саваткова, 1969: 18). Ср. коми-пермяцкое разговорное *шолчок* ‘щелчок’ (КПРС, 1985: 564).

Ср. игра «в звонкие камушки» называется в морд. Э *щёлксо* букв. ‘в щёлк’ [Брыжинский 2009: 71].

9. Капке, бабки

Капке (*карке*) – игра с маленькими косточками (д. Нижний Потам Красноуфимской губ.) (Moisio, Saارينen, 2008: 223; МНИ, № 1453) – со ссылкой на материалы Арвида Генетца (1887 г.). Эта игра упоминается также в сказке *Нөнчык эрге* ‘Сын из теста’: *эрге-влак капке шынден модыт* ‘мальчики играют-ставят бабки (*капке*)’ (д. Сарсаде Пермской обл., инф. Илюшкин

Мадиар Ильин 1890 г. р., зап. Макаров Н. в 1960 г.) (МДЭ-60 № 78, л. 81; МНИ, № 1454). Наконец, есть поздние записи этой игры: поставленные в ряд *капкэ* выбиваются броском биты; игра происходит на льду (д. Красный Луг и Тебеньки Пермского края, инф. Осипов Андриан Осипович 1935 г. р. (Красный Луг), Иванов Алексей Савватеевич 1935 г. р. (Тебеньки), зап. Голева Т. Г., Черных А. В. в 2011–2012 гг.) (Ключева, 2014: 185; МНИ, № 1455).

Марийская лексема *капке* (*капкэ*, *капке*) ‘игральная кость, кости, игра в кости’ уникальная, ее этимология затруднена. Слово включено в словарь русских заимствований с краткой записью «**капке** бабки (игра)» [Исанбаев, 2014: 44]. Полагаем, что данный игровой термин восходит к рус. *бабки*. В одной из соседних деревень – Тебеньки – бытует и собственно русское название этой же игры – *бабки*, см. цитату в п. 4. Зафиксированы случаи аналогичного перехода начального рус. *б-* в мар. *з-* (> *к-*): рус. *буфет* > мар. *гүфет*, рус. *бумага* > рус. обл. *гумага* > мар. *кымага* и др. (Саваткова, 1969: 28). Оглушение начальных согласных при заимствованиях из русского и тюркских является для марийского языка закономерным (ср. рус. *бабка* ‘гриб (диал. название)’ > мар. *пакка́* ‘то же’, тат. *бәрәңге* ‘картошка’ > мар. *парёнге* ‘то же’ и т. п.). На возможность фонетического перехода начального *п-* (*ф-*) > *к-* в марийском языке указывают также следующие лексические факты:

– марийское название игры *кэрэмэч*: *Топ дэнэ модмаш, пэрэн куржыт* (Васильев, 1926: 101) ‘Игра с мячом, ударяя (мяч) бегут’. По-видимому, это игра типа лапты и название ее происходит от рус. *перемет* (*перемёт*) – одно из названий подобной игры с мячом. Ср. *панский перемет* – игра с мячом: две партии соревнуются в перебросе и ловле мяча (с. Бежбатман Свяжского у. Казанской губ.) (Можаровский, 1898: 439), ныне с. Бишбатман Зеленодольского р-на РТ⁶;

– мар. *пәри* ‘мяч (или иной предмет), пойманный на лету при броске’ (д. Унур-Киясово (Уськур) Киясовского р-на Удмуртии) и то же – *кари́* (д. Усть-Сакла (Шопкер) Каракулинского р-на Удмуртии), *гару́* (д. Кадряково (Кадрек) Агрызского р-на Татарстана) (Вершинин 2011: 422–423); *käri* Р ~ *kärí* ‘деревянный мяч’ (д. Сарсы (Сарсаде) Красноуфимского у. Пермской губ. ~ ныне Свердловской обл.) (Веке 1998 IV: 684). Игровая мар. лексема *кари* фиксируется также в архивных записях 1968 г. в д. Тебеньки Суксунского р-на Пермской обл. и в с. Старобухарово Нижнесергинского р-на Свердловской обл. (МНИ, № 1338, 1339);

– рус. *фуйфайка* > мар. Г *куфайкы* (Саваткова, 2008: 305). (Фонема «ф» в марийском языке встречается практически только в заимствованных словах и стандартным является переход типа рус. *фонарь* > мар. *понар*);

– переход *-п* > *-к* в конце слова: рус. *заступ* (железная лопата) > мар. диал. *састу́к* ‘то же’ (СМЯ, 6: 160).

Итак, как показали представленные материалы (марийская игровая лексика русского происхождения), марийские говоры Пермского и Вятского края (малмыжский, кунгурский, красноуфимский) находятся под значительным влиянием местных русских диалектов. Некоторые рассмотренные русские заимствования вошли и в другие диалекты марийского языка, а также в другие финно-угорские языки Урало-Поволжья (удмуртский, коми, мордовские) и в чувашский.

Список сокращений:

Общие

АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика; букв. – буквально; г. – год / город; г. р. – год рождения; гор. – городской; губ. – губерния; д. – деревня; диал. – диалектное; зап. – записал; инф. – информант; литер. – литературное; мн. – множественное число;

⁶ Переход конечного *-т* в *-ч* (*перемет* > *керемеч*) также закономерен, ср. рус. *пистолет* > мар. *пистолеч*, рус. *может* > мар. *можыч*, рус. *кровать* > мар. *кыровач*, *кыравач* (Саваткова, 1969: 39).

обл. – область; п. – поселок; р-н – район; рис. – рисунок; с. – село; см. – смотри(те); ср. – сравни(те); соб. – собиратель; у. – уезд; уменьш. – уменьшительное; устар. – устаревшее.

Языки

др.-рус. – древнерусский; лат. – латинский; мар. – марийский; мар. Г – горное наречие мар. языка; мар. СЗ – северо-западное наречие мар. языка; рус. – русский; тат. – татарский; удм. – удмуртский.

Географические наименования

Арх. – Архангельская губ. (обл.); Влад. – Владимирская губ. (обл.); Волог. – Вологодская губ. (обл.); Ворон. – Воронежская губ. (обл.); Вост.-Казахс. – Восточный Казахстан; Вязник. Влад. – Вязниковский у. Владимирской губ.; Вят. – Вятская губ.; Екатеринбург. Перм. – Екатеринбургский у. Пермской губ.; Енис. – Енисейская губ.; Иркут. – Иркутская губ. (обл.); Казан. – Казанская губ.; Калинин. – Калининская обл.; Калуж. – Калужская губ. (обл.); Кемер. – Кемеровская обл.; Костром. – Костромская губ. (обл.); Курган. – Курганский у. (обл.); Мещов. Калуж. – Мещовский у. Калужской губ.; Нижегород. – Нижегородская губ. (обл.); Новосиб. – Новосибирская обл.; Олон. – Олонецкая губ.; Оренб. – Оренбургская губ.; Орл. – Орловская губ. (обл.); Перм. – Пермская губ. (обл.); Покров. Влад. – Покровский у. Владимирской губ.; Псков. – Псковская губ. (обл.); РБ – Республика Башкортостан; РМЭ – Республика Марий Эл; РТ – Республика Татарстан; Сверд. – Свердловская обл.; Свяж. Каз. – Свяжский у. Казанской губ.; Сиб. – Сибирь; Симб. – Симбирская губ.; Сольвычег. Волог. – Сольвычегодский у. Вологодской губ.; Тамб. – Тамбовская губ. (обл.); Твер. – Тверская губ. (обл.); Тобол. – Тобольская губ.; Том. – Томская губ. (обл.); Тул. – Тульская губ. (обл.); Челяб. – Челябинская губ. (обл.); Южн. Сиб. – Южная Сибирь; Якут. – Якутия (Республика Саха); Яран. Вят. – Яранский у. Вятской губ.

Литература:

- Ашмарин Н. И.** Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1928–1950 (Репринт – Чебоксары: Руссика, 1994–2000).
- Брыжинский В. С.** Мордовские народные игры. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2009. 272 с.
- Васильев В. М.** Марий мутер = Сравнительный словарь наречий марийского языка. М.: Центральное изд-во народов СССР, 1926. 345 с.
- Вершинин В. И.** Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2011. 794 с.
- Всеславин В.** Детские игры в Костромской губернии // Учитель. 1863. № 18. С. 929–931.
- Гаврилова В. Г.** Марийско-русский билингвизм: переключение и смешение кодов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. 212 с.
- Гордеев Ф. И.** Этимологический словарь марийского языка. Т. 2. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1983. 287 с.
- Даль В. И.** Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.; М.: Издание товарищества М. О. Вольфа, 1903–1909.
- Петров К. М., Репников Т. Е.** Детские игры // Живая старина. 1890. Вып. 1. Отдел 4 (Смесь). С. 1–10.
- Долганова Л. Н., Морозов И. А.** Игры и развлечения удмуртов. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2002. 382 с.
- Иваницкий Н. А.** Материалы по этнографии Вологодской губернии: сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России / под ред. Н. Харузина (Известия ИОЛЕАЭ). Вып. 2. М.: тип. А. А. Левенсон и К°, 1890. 234 с.
- Зеленин Д. К.** Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1903. 189 с.
- Иванов И. Г.** Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края // Современное финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1969. № 2. С. 105–113.
- Исанбаев Н. И.** Русские лексические заимствования дореволюционного периода в марийском языке: словарь-справочник. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2014. 97 с.
- Ключева М. А.** Народные подвижные детские игры: современный фольклорный сборник. М.: Форум; Неолит, 2014. 400 с.

- Ключева М. А.** К генезису марийской игры «клёк» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2016. № 4 (14). С. 119–128.
- Ключева М. А.** Мнимые и скрытые зоонимы в марийской игровой лексике // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2020. С. 204–209.
- Ключева М. А.** Чурания (формулы-восклицания) в марийских прятках // Acta Linguistica Petropolitana. 2022. Т. 18, № 2. Р. 155–199.
- КПРС** – Коми-пермяцко-русский словарь / Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М.: Русский язык, 1985. 624 с.
- МДЭ-60 № 78** – Материалы диалектологических экспедиций. Записи Н. Макарова в 1960 г. в Пермской области // Архив МарНИИЯЛИ.
- МНИ** — Марийские народные игры = Марий калык модыш / автор-сост. М. А. Ключева. Йошкар-Ола, МарНИИЯЛИ, 2016–2021 (Серия «Свод марийского фольклора») // Архив МарНИИЯЛИ, оп. 3, д. 449.
- Можаровский А. Ф.** Игры крестьянских детей Казанской губернии, Свияжского уезда, с. Бежбатман // Живая старина. СПб., 1898. Вып. 3–4. С. 437–442.
- Рассыхаев А. Н.** Детский игровой фольклор коми: жанровый аспект. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2014. 166 с.
- РУС** – Русско-удмуртский словарь онлайн. URL: <http://udmurtinfo.ru/rusko-udmurtskij-slovar/>
- Саваткова А. А.** Словарь горномарийского языка. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2008. 404 с.
- Саваткова А. А.** Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1969. 129 с.
- Сибатрова С. С.** Марийско-русские языковые контакты: морфология марийского языка. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. 426 с.
- СМЯ** – Словарь марийского языка: в 10 т. / гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1990–2005.
- СРГСУ** – Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. с доп. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1964–1996.
- СРНГ** – Словарь русских народных говоров. Т. 1–. Л.: Наука, 1965–.
- Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986–1987.
- ЭССЯ** – Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд). Вып. 1. М.: Наука, 1974.
- Веке Ö.** Mari nyelvjárás szótár = Tscheremissisches Dialektwörterbuch // Bibliotheca ceremissica. Tomus IV₁₋₉. Szombathely: Savariae, Berzsenyi Dániel Főiskola, 1997–2001.
- Brewster P. G.** The Cheremis Game Selcekteny-Mudone and the Russian Game Scelcki // Zeitschrift für Ethnologie. 1965. No 90 (2). P. 265–267.
- Moisio A., Saarinen S.** Tscheremissisches wörterbuch aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjo Wichmann, Martti Rasanen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura; Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2008. 925 p.

Мария Аркадьевна Ключева.

Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник.

Марийский научно-исследовательский институт им. В. М. Васильева.

Ул. Красноармейская, 44, Йошкар-Ола. 424036.

Институт системного программирования им. В. П. Иванникова.

Ул. А. Солженицына, 25, Москва. 109004.

E-mail: keymachine@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 18 января 2023 г.

M. A. Klyucheva

THE VOCABULARY OF FOLK GAMES IN THE DIALECTS OF THE VYATKA AND THE URAL MARI: RUSSIAN BORROWINGS

The article deals with the vocabulary of folk games in the Eastern dialect of the Mari language: Malmyzh, Kungur, and Krasnoufimsk subdialects. Games studied include dice, tip-cat, and a variation of skittles game (in which a stick is thrown at a piece of wood impaled on a stake twisted into the ground). The research is based on Russian and foreign publications on the Mari language, folklore, ethnography, and archival and modern field data, which are being put into scientific circulation for the first time. The main research method is comparative:

the words in question are compared with the vocabulary of folk games in the dialects of Mari, Russian, and other Finno-Ugric languages. The Mari dialects studied in the article (in the north of the Mari region) are strongly influenced by the local Russian dialects, while the Mari dialects of the southern region experience a stronger Turkic influence and borrowings from Chuvash and Tatar languages predominate in their vocabulary for folk games. The article deals with the names of playthings (pieces of wood) and the names of games with them (*chinok, chizik, chizhik, baklanom, plishka, panok, peshki, shishka, shorchok, sholchok, kapke, babki*), as well as with the verbs *galitlash, galitlyktash* ‘to play a difficult role in the game’. Most of these lexemes are not included in the Mari dictionaries. Some of them are not so much borrowings as the result of changing codes in the situation of Mari Russian bilingualism, especially since some words (*baklanom, plyshka, shishka, peshki*) were used by Mari informants when they told Russian ethnologists about Mari games in Russian. Thus, the Mari speak local Russian dialects and represent specific local Russian folk game terminology. The Russian words in the Mari language revealed in this article are also found in other Finno-Ugric languages of the Volga-Ural region: Mordovian, Udmurtian, Komi, and Chuvash.

Keywords: *Folk games, Mari language, game vocabulary, game terminology, Finno-Ugric languages, dialectology, folk lexicology, Russian dialects, borrowings, language contacts, borrowings, etymology*

References:

- Ashmarin N. I.** Slovar' chuvashskogo yazyka [A dictionary of the Chuvash language]: in 17 vols. Cheboksary: Chuvashskoe gos. izd-vo, 1928–1950 (Reprint – Cheboksary: Russika, 1994–2000) (in Russian).
- Beke Ö.** Mari nyelvjárásí szótár = Tschermisssches Dialektwörterbuch. Bibliotheca ceremissica. Tomus IV₁₋₉. Szombathely: Savariae, Berzsényi Dániel Főiskola, 1997–2001.
- Brewster P. G.** The Cheremis Game Selckenty-Mudone and the Russian Game Scelcki // Zeitschrift für Ethnologie. 1965, 90 (2). P. 265–267.
- Bryzhinskii V. S.** Mordovskie narodnye igry [Mordovian folk games]. Saransk: Mordovskoe kn. izd-vo, 2009. 272 p. (in Russian).
- Dal' V. I.** Tolkovy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]: in 4 vols. SPb.; M.: Izdanie tovarishchestva M. O. Vol'fa, 1903–1909 (in Russian).
- Detskie igry** [Children's games] / Petrov K. M., Repnikov T. E. Zhivaya starina. 1890. Vyp. 1. Otdel 4 (Smes'). P. 1–10 (in Russian).
- Dolganova L. N., Morozov I. A.** Igry i razvlecheniya udmurtov [Traditional games and entertainment of Udmurts]. Izhevsk: Udmurtskii in-t istorii, yazyka i literatury URO RAN, 2002. 382 p. (in Russian).
- EHSSYA** – Ehtimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov (Praslavyanskii leksicheskii fond) [Etymological Dictionary of Slavic Languages (Proto-Slavic Lexical Fund)]. Vyp. 1. M.: Nauka, 1974 (in Russian).
- Fasmer M.** Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka [Etymological dictionary of the Russian language]: in 4 vols. / Per. s nem. i dop. O. N. Trubacheva. M.: Progress, 1986–1987 (in Russian).
- Gavrilova V. G.** Mariisko-russkii bilingvizm: pereklyuchenie i smeshenie kodov. Ioshkar-Ola [Mari-Russian bilingualism: switching and mixing codes]: Mar. gos. un-t, 2014. 212 p. (in Russian).
- Gordeev F. I.** Ehtimologicheskii slovar' mariiskogo yazyka [Etymological dictionary of the Mari language]. Vol. 2. Ioshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo, 1983. 287 p. (in Russian).
- Isanbaev N. I.** Russkie leksicheskie zaimstvovaniya dorevolutsionnogo perioda v mariiskom yazyke: slovar'-spravochnik [Russian lexical borrowings of the pre-revolutionary period in the Mari language: a dictionary-reference book]. Ioshkar-Ola: Mar. gos. un-t, 2014. 97 p. (in Russian).
- Ivanitskii N. A.** Materialy po ehtnografii Vologodskoi gubernii. Sbornik svedenii dlya izucheniya byta krest'yanskogo naseleniya Rossii [Materials on the ethnography of the Vologda province. Collection of information for studying the life of the peasant population of Russia] / pod red. Nikolaya Kharuzina. (Izvestiya IOLEAEH). Vyp. 2. / M.: tip. A. A. Levenson i K°, 1890. 234 p. (in Russian).
- Ivanov I. G.** Mariiskie leksicheskie zaimstvovaniya v russkikh govorakh Vyatskogo kraya [Mari lexical borrowings in Russian dialects of the Vyatka region]. Sovremennoe finno-ugrovedenie. Ioshkar-Ola, 1969. No 2. P. 105–113 (in Russian).
- Klyucheva M. A.** Churaniya (formuly-vosklitsaniya) v mariiskikh pryatkakh [Exclamation formulas in children's games of hide-and-peek in Mari]. Acta Linguistica Petropolitana. 2022. Vol. 18.2. P. 155–199 (in Russian).
- Klyucheva M. A.** K genezisu mariiskoi igry «kl'ok» [Towards the genesis of a Mari game “klyok”]. Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2016. No 4 (14). P. 119–128 (in Russian).
- Klyucheva M. A.** Mnimye i skrytye zoonimy v mariiskoi igrovoi leksike [Deceptive and hidden zoonyms in the Mari game vocabulary]. Problemy mariiskoi i sravnitel'noi filologii: sb. statei. Ioshkar-Ola: Mar. gos. un-t, 2020. P. 204–209 (in Russian).

- Klyucheva M. A.** Narodnye podvizhnye detskie igry: sovremennyy fol'klorny sbornik [Folk active children's games: Collection of contemporary folklore]. M.: Forum; Neolit, 2014. 400 p. (in Russian).
- KPRS** – Komi-permyatsko-russkii slovar' [Komi-Permyak-Russian Dictionary] / R. M. Batalova, A. S. Krivoshchekova-Gantman. M.: Russkii yazyk, 1985. 624 p. (in Russian).
- MDEH-60 No 78** – Materialy dialektologicheskikh ehkspeditsii [Materials of dialectological expeditions]. Zapisi N. Makarova v 1960 g. v Permskoi oblasti // Arkhiv MaRNIIYALI (in Russian).
- MNI** — Mariiskie narodnye igry = Marii kalyk modysh [Mari folk games] / avtor-sost. M. A. Klyucheva. Ioshkar-Ola, MaRNIIYALI, 2016–2021. (Seriya «Svod mariiskogo fol'klora») // Arkhiv MaRNIIYALI, op. 3, d. 449. (in Russian).
- Moisio A., Saarinen S.** Tscheremissisches wörterbuch aufgezeichnet von Volmari Porkka, Arvid Genetz, Yrjo Wichmann, Martti Rasanen, T. E. Uotila und Erkki Itkonen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura; Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 2008. 925 p.
- Mozharovskii A. F.** Igry krest'yanskikh detei Kazanskoi gubernii, Sviyazhskogo uezda, s. Bezhbatman [Games of peasant children of the Kazan province, Sviyazhsky district, p. Bezhbatman]. Zhivaya starina. SPb., 1898. Vyp. 3–4. P. 437–442 (in Russian).
- Rassykhaev A. N.** Detskiy igrovoy fol'klor komi: zhanrovyy aspekt [Children's game folklore of the Komi: genre aspect]. Syktyvkar: Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTs UrO RAN, 2014. 166 p. (in Russian).
- RUS** – Russko-udmurtskii slovar' onlain [Russian-Udmurt dictionary online]. URL: <http://udmurtinfo.ru/russko-udmurtskij-slovar> (in Russian).
- Savatkova A. A.** Russkie zaimstvovaniya v mariiskom yazyke [Russian borrowings in the Mari language]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo, 1969. 129 p. (in Russian).
- Savatkova A. A.** Slovar' gornomariiskogo yazyka [Dictionary of the Mountain Mari language]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo, 2008. 404 p. (in Russian).
- Sibatrova S. S.** Mariisko-russkie yazykovye kontakty: morfologiya mariiskogo yazyka [Mari-Russian language contacts: the morphology of the Mari language]. Ioshkar-Ola: MaRNIIYALI, 2021. 426 p. (in Russian).
- SMYA** – Slovar' mariiskogo yazyka [Dictionary of the Mari language]: v 10 t. / Gl. red. I. S. Galkin. Ioshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo, 1990–2005 (in Russian).
- SRGSU** – Slovar' russkikh govorov Srednego Urala [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals]: v 7 t. s dop. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1964–1996 (in Russian).
- SRNG** – Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1–. L.: Nauka, 1965–. (in Russian).
- Vasil'ev V. M.** Marii muter = Sravnitel'nyi slovar' narechii mariiskogo yazyka [Comparative dictionary of Mari dialects]. M.: Tsentral'noe izdatel'stvo narodov SSSR, 1926. 345 p. (in Russian).
- Vershinin V. I.** Slovar' mariiskikh govorov Tatarstana i Udmurtii [Dictionary of Mari dialects of Tatarstan and Udmurtia]. Ioshkar-Ola: MaRNIIYALI, 2011. 794 p. (in Russian).
- Vseslavin V.** Detskie igry v Kostromskoi gubernii [Children's games in the Kostroma province]. Uchitel'. 1863. No 18. P. 929–931 (in Russian).
- Zelenin D. K.** Otchet o dialektologicheskoi poezdke v Vyatskuyu guberniyu [Report on a dialectological trip to the Vyatka province]. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1903. 189 p. (in Russian).

Klyucheva Maria Arkad'evna.

Candidate in History of Arts, Senior Researcher.

Mari Research Institute of Language, Literature and History

Named after V. M. Vasilyev.

Krasnoarmeyskaya Str., 44, Yoshkar-Ola, Russia, 424000.

Ivannikov Institute for System Programming, RAS.

Alexander Solzhenitsyn Str., 25, Moscow, Russia, 109004.

E-mail: keymachine@yandex.ru

Я. В. Стручкова

ОРОГРАФИЧЕСКИЕ АПЕЛЛЯТИВЫ ВОЗВЫШЕННОГО РЕЛЬЕФА В ЯКУТСКОЙ ОРОНИМИИ

Анализируются орографические апеллятивы возвышенного рельефа на материале якутской оронимии в сравнительно-сопоставительном аспекте с тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими языками. Рассматривается их семантика, дистрибуция и определяется их роль в формировании оронимов. Материал исследования извлечен главным образом из двуязычных, лексикографических, этимологических, диалектологических, топонимических словарей, лингвистических работ, содержащих сведения об орографических апеллятивах. В исследовании также использовались материалы, собранные автором во время полевых экспедиций, проводимых с 2020 г. в центральных районах Республики Саха (Якутия). Цель статьи – выявление и сравнительно-историческое описание орографических апеллятивов возвышенного рельефа в якутской оронимии. Актуальность исследования обусловлена безотлагательной необходимостью фиксации, систематизации, изучения и сохранения в информационном поле лингвистов столь специфического пласта якутской топонимической лексики, как оронимия, находящегося под угрозой исчезновения в силу ряда причин социолингвистического и социоэкономического характера. Результат описательного метода показывает, что орографические апеллятивы, встречающиеся в якутской оронимии, отражают физико-географические особенности рельефа местности, на которой они функционируют. Статистический метод показал, что апеллятивы возвышенного рельефа составляют примерно 27 % всех якутских оронимов. Наиболее активными в образовании оронимов являются апеллятивы *хайа* ‘гора, скала’ (20 %), *булгуннях* ‘булгуннях, бугор пучения’ (19 %), *таас* ‘скала, гора’ (7 %), *тумул* ‘мыс’ (7 %). Словообразовательная структура большинства якутских оронимов с апеллятивами возвышенного рельефа представлена двусловными атрибутивными конструкциями и образуется по моделям типа «существительное + существительное» и «прилагательное + существительное». Сравнительно-историческим методом установлено, что орографические апеллятивы возвышенного рельефа в якутской оронимии представлены тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, а также общими алтайскими основами. Этимологический анализ апеллятивов, обозначающих различные формы рельефа, позволяет углубить и расширить изучение генетического родства алтайских языков, путей их исторического развития. Некоторые апеллятивы возвышенного рельефа находятся в стадии своего становления, другие устоялись и существуют во многих тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

Ключевые слова: якутский язык, оронимия, оронимы, орографические апеллятивы, возвышенный рельеф

Введение

Якутский язык занимает особое положение среди тюркских языков и заметно отличается от родственных ему языков по своему звуковому и грамматическому строю и по лексическому составу (Бурыкин, 2000: 213).

В якутском языке широко и многообразно представлена лексика, отражающая своеобразный характер рельефа Якутии. Благодаря значительному протяжению территория республики отличается большим разнообразием рельефа, от горных хребтов до низменностей, а также наличием перемежающихся ландшафтов тундры, тайги и степи. Вечная мерзлота во взаимодействии с резко континентальным климатом является могучим фактором, влияющим на характер рельефа, растительности, животного мира и на направление хозяйственной деятельности населения.

Лексика ландшафта относится к одному из самых древних пластов любого языка. Не составляет исключения и якутский язык, в котором данная группа лексики возводится к общеалтайской эпохе. Судя по реконструкциям исследователей, ландшафтная лексика с базовым значением ‘открытое место, поле, равнина, долина’ в якутском языке представлена как исконно тюркскими, монгольскими и общими тюрко-монгольскими основами (Данилова, 2021: 65). Ср. як. *алыы*, *алаас* ‘узкая длинная речная долина, поросшая кустарником, кочкарником, молодыми березками’ < праалт. **p’âlà* ‘поляна, ровное место’ (EDAL, 2003: 1120); як. *таала*

‘равнина; возвышенность; долина, поле’ < праалт. *t'âlV ‘открытое место, открытое море’ (там же: 1396). Исследование ландшафтной лексики на материале топонимической лексики необходимо, как представляется, для понимания закономерностей формирования и особенностей якутской топонимии в целом.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении и сравнительно-историческом описании орографических апеллятивов возвышенного рельефа в якутской оронимии.

Актуальность исследования обусловлена безотлагательной необходимостью фиксации, систематизации, изучения и сохранения в информационном поле лингвистов столь специфического пласта якутской топонимической лексики, как оронимия, находящегося под угрозой исчезновения в силу ряда причин социолингвистического и социальноэкономического характера.

Теоретической базой исследования послужили труды предшественников, изучавших топонимию Якутии, а также научные исследования в области языкознания и тюркологии. До сих пор в основном исследовались частные вопросы якутской оронимики в трудах М. С. Иванова – Багдарыын Сүлбэ, анализировались отдельные названия, группы оронимов в топонимических исследованиях В. Д. Монастырева, Нь. М. Иванова. В той или иной степени полноты орографическая лексика в якутском языкознании отражена в работах Н. К. Антонова, С. А. Иванова, А. А. Кузьминой, Г. Г. Габышевой, Я. Е. Старостиной, Н. И. Даниловой и др.

В тюркологии большой вклад в изучение оронимов внесла алтайский топонимист О. Т. Молчанова, написавшая по данной теме большое количество научных трудов (Молчанова, 2018 и др.). Орографические апеллятивы в составе оронимов рассмотрены в тюркологических работах Е. А. Керимбаева, В. И. Исрафилова, Р. Д. Сунчугашева, Н. А. Ласыновой и др. В исследованиях таких ученых, как Е. В. Сундуева, Р. Г. Жамсанарова, Н. И. Данзанова, Е. Ч. Дыжитова, Л. В. Шулунова, орографические апеллятивы отмечаются в качестве важнейшего источника формирования исторически сложившейся топонимии. Авторы отмечают, что «номенклатурные географические термины являются основным первоисточником имяна-речения при “появлении” топонимов» (Дыжитова, 2019: 6).

В данной работе применяются традиционные методы исследования лингвистики, которыми пользуются исследователи ономастического материала: метод сплошной выборки, описательный, сопоставительный, полевой, а также метод компонентного анализа, сравнительно-исторический, метод этимологического анализа, статистические методы.

Материал исследования извлечен главным образом из двуязычных, лексикографических, этимологических, диалектологических, топонимических словарей, лингвистических работ, содержащих сведения об орографических апеллятивах. С целью определения лексического значения апеллятивов привлекаются семантические характеристики лексем из «Толкового словаря якутского языка» (ТСЯЯ), «Большого толкового словаря якутского языка» (БТСЯЯ), «Словаря якутского языка» (СЯЯ) Э. К. Пекарского, «Якутско-русского словаря» (ЯРС), «Словаря топонимной лексики Республики Саха» М. С. Иванова – Багдарыын Сүлбэ (СТЛ). Кроме того, в приведенных словарях якутского языка, как правило, приводится сравнительный материал, подтверждающий то или иное происхождение слова. В исследовании также использовались материалы, собранные автором во время полевых экспедиций, проводимых с 2020 г. в центральных районах Республики Саха (Якутия).

В данном исследовании одним из самых важных является этимологический анализ, который проводился с опорой на работы якутоведов, тюркологов и монголоведов: Н. К. Антонова, В. Д. Монастырева, Нь. М. Иванова, О. Т. Молчановой, Э. М. Мурзаева, А. М. Щербак, Р. Г. Жамсанаровой, Н. И. Данзановой и др. Следует отметить, что наши выводы в целом подтверждаются результатами этимологического анализа, выполненного предшественниками.

Следующим основополагающим методом при исследовании орографических апеллятивов является сравнительно-исторический метод позволяющий сравнить, сопоставить и выявить типологически релевантные характеристики в географической лексике с точки зрения

сходства и различия, независимо от этноязыковой принадлежности, например, в границах тюркских и монгольских языков. Обширный материал по орографическим апеллятивам тюркских языков с параллелями из монгольских и тунгусо-маньчжурских языков представлен в «Энциклопедии названий мест Горного Алтая» О. Т. Молчановой (ЭНМ, 2018). Значительным источником сопоставления послужил «Большой академический монгольско-русский словарь» (БАМРС, 2001), «Бурятско-русский словарь» (БРС, 1973), «Монгольско-русский словарь» (МРС, 1957), «Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков» (ССТМЯ, 1975; 1977), а также этимологические словари алтайских и тюркских языков: «Древнетюркский словарь» (ДТС, 1969), «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (СИГТЯ, 2001), «Этимологический словарь тюркских языков» (ЭСТЯ, 1980; 1989; 1997), «Этимологический словарь алтайских языков» (EDAL, 2003) и др.

Известно, что ороним – это «собственное имя любого элемента земной поверхности» (Подольская, 1978: 99); оронимия – совокупность оронимов на какой-либо определенной территории. Оронимия является одной из составных частей топонимии как совокупности всех географических названий данного региона (Сунчугашев, 1999: 18). Традиционно орографические апеллятивы делят на следующие лексико-семантические группы: «апеллятивы, служащие для обозначения положительных форм рельефа (гор, холмов, возвышенностей и т. д.); апеллятивы, служащие для обозначения отрицательных форм рельефа (оврагов, ложбин, ям и т. д.); апеллятивы, служащие для обозначения плоских форм рельефа (равнина); апеллятивы, служащие для обозначения переходных форм рельефа (склон, берег)» (там же: 19).

Якуты хорошо знали рельеф окружающего их мира, где расположены различные неровности, поднятия и понижения земли, овраги, поля, поляны и др. И каждая разновидность рельефа земной поверхности имела свое собственное название. Исследование любой топонимической системы должно начинаться именно с изучения географических апеллятивов и образованных от них топонимов: «Топонимы, образованные от географических терминов и природных признаков, являются более древними и многочисленными, сохраняют первоначальные особенности языка, составляя основу топонимической системы любого ареала» (Хисамов, 2022: 6).

Основные результаты исследования

В 2 500 географических названий, зафиксированных нами, апеллятивы возвышенного рельефа встречаются в составе около 27 % оронимов. По нашим наблюдениям, в образовании оронимов участвуют свыше 50 апеллятивов возвышенного рельефа: *аартык* ‘горный перевал’, *адаар* ‘скалистые горы’, *булгуннях* ‘булгуннях, бугор пучения’, *булун* (*булун*) ‘отдельно стоящий пригорок, мыс’, *дабаан* ‘возвышенность’, *дьаангы* ‘каменная скала, голец’, *дьугдьуур* ‘горный хребет’, *кирбии* ‘хребет’, *күрбэ* ‘береговая гора’, *кыйа* (*кыйыа*) ‘горы вдоль рек’, *кырбаат* ‘горный перевал’, *кырдал* ‘возвышенность’, *мөбөһүн* ‘холм’, *мөлдөгөй* ‘холм, пригорок’, *мыраан* (*быраан*) ‘гора, холм’, *өнкөөт* ‘горы вдоль рек’, *сис* ‘гора’, *суорба* ‘гора’, *сыыр* ‘горка’, *таас* ‘скала, каменные горы’, *таскыл* ‘голец, каменная сопка’, *тобой* ‘мыс’, *томтор* ‘пригорок’, *тумус* ‘мыс’, *тумул* ‘мыс’, *тумуһах* ‘небольшой лесной мыс’, *хадаар* ‘скала, утес’, *хадаба* ‘скала’, *хайа* ‘гора, скала’, *халдьаайы* ‘косогор’, *чочур* (*чучур*) ‘сопка’, *эниэ* ‘горка’ и т. д.

Наибольшей частотностью обладает апеллятив *хайа* ‘гора, скала’ (20 %), за ним следует *булгуннях* ‘булгуннях, бугор пучения’ (19 %), *таас* ‘скала, гора’ (7 %), *тумул* ‘мыс’ (7 %), *мыраан* (*быраан*) ‘гора, холм’ (5 %), *кырдал* ‘возвышенность’ (3 %), *тумуһах* ‘небольшой лесной мыс’ (3 %). Применение других апеллятивов (*дабаан* ‘возвышенность’, *тобой* ‘мыс’, *тумус* ‘мыс’) составляет 1–2 %. Словообразовательная структура большинства якутских оронимов с апеллятивами возвышенного рельефа являются двусловными атрибутивными

конструкциями и образуются по моделям типа «существительное + существительное» и «прилагательное + существительное».

Рассмотрим, как орографические апеллятивы возвышенного рельефа находят отражение в якутской оронимии. Выбор слов, анализируемых в данной работе, проводится на основании их частого использования в составе якутских оронимов. Далее анализируются данные апеллятивы в алфавитном порядке.

Апеллятивом возвышенного рельефа в якутском языке является лексема *булгуннях* ‘булгуннях; курган; холм, большой бугор, сопка’ (ТСЯЯ, 2005: 494; СЯЯ, 1959: 544). Булгуннях, или многолетние бугры пучения, возникают в местах замерзания подземных вод, они достигают высоты до нескольких десятков метров (рис. 1). По определению Э. М. Мурзаева, «булгунях – бугор вспучивания с ледяным ядром (гидролаколлит) в тундре, на побережье арктических морей, в области вечной мерзлоты» (Мурзаев, 1984: 134). Данный орографический объект характерен в основном для Центральной Якутии, поэтому апеллятив *булгуннях* не имеет диалектного эквивалента. По данным топонимиста М. С. Иванова – Багдарыын Сүлбэ, апеллятив *булгуннях* распространен по всей Центральной Якутии, однако в Алданском, Верхнеколымском, Ленском, Мирнинском, Нерюнгринском районах еще не зафиксирован (СТЛ, 2019: 70). На исследуемой территории обнаружено 127 оронимов с данным апеллятивом: булг. **Эдэр Булгуннях** (як. *эдэр* ‘молодой’, букв. ‘молодой булгуннях’), булг. **Арамаанптар Булгунняхтара** (як. *Арамаанптар* – антропоним от рус. Романовы, букв. ‘булгуннях Романовых’), булг. **Күтүр Булгуннях** (як. *күтүр* ‘огромный, громадный’, т. е. ‘большой булгуннях’), булг. **Муус Булгуннях** (як. *муус* ‘лед’, букв. ‘ледяной булгуннях’) и т. п. Лексических и топонимических соответствий в других тюркских и монгольских языках не обнаружено. О происхождении слова высказываются разные предположения. Н. К. Антонов считает *булгуннях* словом тюркского происхождения и сравнивает с осм. *бэлэк*, *бэлик* ‘холм, бугор’; кирг., казах. *бэлэс* ‘холм’ (Антонов, 1971: 16). По предположению Н. М. Иванова, апеллятив *булгуннях* имеет монгольское происхождение, который исследователь сравнивает с бурятской глагольной основой *булхай-* ‘быть выпуклым, быть пухлым или вздутым, надутым’ (Иванов, 2001: 24). От этой основы посредством омертвелого аффикса якутского языка *-нях* образовался апеллятив *булгуннях*, как от *бөлкөй-*¹ *бөлкөнньөх*; *орбой-* > *орбонньох* (там же: 24). Той же точки зрения относительно семантического пути развития лексемы придерживается Багдарыын Сүлбэ. Автор считает возможным образование *булгуннях* от глагола *былбай-* (СТЛ, 2019: 71) со значением ‘чрезмерно расползеть, выпирать мясистой массой’ (ТСЯЯ, 2005: 699). Вероятнее всего, в основе апеллятива *булгуннях* лежит древний монгольский корень *бул-*, обозначающий ‘какую-либо выдающуюся, выступающую местность’ (Иванов, 2001: 24). Надо отметить, что представленный корень с вариантами *бол-*, *был-* участвует в образовании и других апеллятивов возвышенного рельефа: ср. як. *булбаат/былбаат* (диал.) ‘бугристая, ухабистая местность’, як. *быллаар/буллаар* ‘местность, покрытая небольшими буграми; маленький бугорок, неровность земли’, як. *былдаат* (диал.) ‘кочкарник’, як. *боллох* ‘бугор, глыба земли’ и др. По поводу данного корня в монгольских языках Т. А. Бертагаев замечает следующее: «Корень *бул-* находится в глубоком этимологическом родстве с группой слов, означающей нечто выделяющееся или нечто выдвинутое: *бүл-т-л-э-х* ‘выбивать’, *бүл-т-гэр* ‘пучеглазый’, *бул-уу* ‘нечто утолщенное’, ‘шишка’, *бол-с-уу* ‘наконечник стрелы’, *бол-д-о-г* ‘бугорок’ и т. п.» (Бертагаев, 1971: 94). В EDAL приводится основа *pūla* ‘набухать, опухать’, от которой произошли тунг. **pul-* ‘1. горб; 2. опухоль; 3. выпуклость’ и монг. **bul-* ‘опухоль; выпуклость’ (EDAL, 2003: 1108). В монгольских языках от корня *бул-* образовано большое количество географических терминов: ср. п.-монг. *булдуруу*, монг. *булдруу* ‘шишка; бугор, холмик, кочка, сопки, курганы’ (БАМРС, 2001а: 285), п.-монг. *булчим*, монг. *булчим* ‘насыпь

¹ В данной статье знак > означает происхождение одной лексемы из другой.

из песка; скат горы; мыс; крутая гора' (БАМРС, 2001а: 287), ср.-монг. *болдах*, п.-монг. *болдог* 'бугорок, сопка', монг. *болдог* 'бугор, холмик; кочковатая, неровная местность' (БАМРС, 2001а: 257), бур. *болдог* 'кочка, холмик, бугор' (БРС, 1973: 136), калм. *болдг* 'холм, бугор; не-большой курган' (КРС, 1977: 106). Приведенные апеллиативы также отражаются в оронимии в местах проживания монгольских народов: сопка **Хара Болдог** – вулканическая сопка в Тункинской впадине на территории Бурятии (бур. *хара* 'черный', букв. 'черный бугор'), дол. **Дэлүүн Болдог** – долина в Монголии и России (монг. *дэлүүн* 'селезенка', букв. 'селезенка-бугор') и т. п. Таким образом, вслед за другими исследователями мы склонны считать апеллиатив *булгунных* монгольским по происхождению.

Рис. 1. Многолетний бугор пучения

Мыраан-быраан-бураан-мураан – горы, холмы вдоль берега или долины реки; коренной берег, высокая терраса (обычно у рек, текущих по плоскогорью) (ТСЯЯ, 2005: 719), холм, гора; горный кряж; хребет (СТЛ, 2019: 79). Обращаясь к диалектным характеристикам, обнаруживаем, что *мураан* в абыйском и верхнеколымском говорах имеет определенные семантические различия: '1. обширное чистое поле; 2. долина' (ДСЯЯ, 1976: 166). Выявлено 36 оронимов, например, мыс **Ухун Быраан** (як. *ухун* 'длинный', букв. 'длинный мыс'), холм **Манган Атыыр Быраана** (як. *манган* 'белый', як. *атыыр* 'жеребец', букв. 'холм белого/буланого жеребца'), г. **Чочур Мураан** (як. *чочур* 'остроконечный', букв. 'остроконечная гора'), холм **Сыгыннах Мыраан** (як. 'голый', т. е. 'холм, не покрытый лесом') и т. п. Лексема *мыраан* однозначно рассматривается исследователями как слово монгольского происхождения (Дьячковский, 1977: 82; Кузьмина, 2017: 57 и др.). Апеллиатив соотносится с п.-монг. *мөрөн*, монг. *мөрөн*, бур. *мүрэн*, калм. *мөрн* '(большая, широкая) река' (ЭСМЯ, 2016: 177). В Монголии есть большой город с названием **Мурэн**. Волгу монголы называли **Ижил-Мурэн**. Также зафиксированы монгольские, бурятские гидронимы с данным апеллиативом: р. **Дэлгэрмөрөн** (монг. *дэлгэр* 'широкий' в Северо-Восточном Китае, реки **Мурун** (бур. *мүрэн* 'большая река; поток') в Южном Прибайкалье.

В ряд апеллиативов возвышенного рельефа следует отнести апеллиатив *дабаан*, имеющий значение 'возвышенность; гора, пригорок' (ТСЯЯ, 2006: 70; СЯЯ, 1959: 658; СТЛ, 2019: 86), выявленный в таких оронимах: пер. **Обус Дабаан** (як. *обус* 'бык', букв. 'бык-гора', т. е. гора, отличающаяся большими размерами), хр. **Арбаа Дабаан** (як. *арбаа* 'западная', букв. 'западная гора'), хр. **Уөһээ Дабаан** (як. *уөһээ* 'верхний', букв. 'верхняя гора'), хр. **Буор Дабаан** (як. *Буор* 'земля', букв. 'земляная гора') и т. п. В результате исследования зафиксировано 16 оронимов. Лексему *дабаан* авторы ТСЯЯ сравнивают с п.-монг. *Дабабан* 'горный проход; горный перевал' (ТСЯЯ, 2006: 71). Э. В. Севортян отмечает: «Распространено мнение, что кирг. *даба:н*,

дабан, уйг. *даван*, *довун*, узб. *дав°ан* – монгольское заимствование. Однако в уйгурском языке отмечен глагол *даба-* ‘переходить через гору, через горный проход; переваливать через гору’, из которых прямо выводится *дабан*, *даван*» (ЭСТЯ, 1980: 112). Тем не менее авторы «Этимологического словаря алтайских языков» сближают лишь прамонгольскую, пратунгусскую и прапунскую основы. Так, в EDAL приводится общеалтайская основа **dāpà-* ‘переходить через гору’, которая в пратунгусском **dāb-* ‘переплавляться’, в прамонгольском **daba-* ‘переваливать (через гору)’ и прапунском **dàtà* ‘гора’ (EDAL, 2003: 464). Топонимический ареал распространения *дава/даба/даба(н)* от Дальнего Востока до Кавказа и Ирана. Термин широко представлен в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках: ср. п.-монг. *дабажан* ‘горный проход; горный перевал’, ср.-монг. *дабаан*, калм. *дава* ‘горный перевал’ (Данзанова, 2012: 113), монг. *даваа(н)* ‘горный перевал’ (БАМРС, 2001б: 8), бур. *дабаа(н)* ‘возвышенность; горный перевал’ (БРС, 1973: 196), эвенк. *даван* ‘перевал’ (РЭС, 1948: 199), эв., нан., *дабан*, маньчж. *дабаган* ‘горный перевал’. В «Топонимическом словаре этнической Бурятии» выявлено 19 оронимов с апеллятивом *дабаан*: пер. **Адун-Дабан** (бур. *адуун* ‘табун’, букв. табун-перевал), пер. **Нарин-Дабан** (бур. *нарин* ‘узкий’, букв. ‘узкий перевал’, пер. **Хара-Дабан** (бур. *хара* ‘черный’, букв. ‘черный перевал’) и др. (ТСЭБ, 2007).

Апеллятив *кырдал* ‘релка; возвышенность’ (СЯЯ, 1959: 1414; БТСЯЯ, 2008: 324; СТЛ, 2019: 142) функционирует в составе 22 оронимов: релка **Энэ Кырдала** (як. *энэ* ‘медведь’, букв. ‘релка медведя’), релка **Сылгыһыт Кырдала** (як. *сылгыһыт* ‘табунщик’, букв. ‘релка табунщика’), релка **Уһун Кырдал** (як. *уһун* ‘длинный’, букв. ‘длинная релка’), релка **Кыһыл Кырдал** (як. *кыһыл* ‘красный’, букв. ‘красная релка’) и т. п. Авторы БТСЯЯ сравнивают апеллятив *кырдал* с тюркским *кыр* ‘гребень горы; холмистая степь; грань’ (БТСЯЯ, 2008: 324). Близкое к этому значение зафиксировано в EDAL, где приводится общеалтайская основа **k'āre* со значением ‘край’: пратунгусская **xāri-* ‘кайма, обшивка’, прамонгольская **kīra* ‘край, горный хребет’, пратюркская **kīr:* ‘1. отдельно стоящая гора; 2. вершина горы, гребень горы, возвышенность; 3. степь, пустыня, равнина; 4. край’ (EDAL, 2003: 768). Э. М. Мурзаев указал на широкое распространение в тюркской топонимии слова *кыр* (Мурзаев, 1996: 111). Ср. алт. *кыр* ‘гора, возвышенность; холмистая степь’, башк. *кыр* ‘1. поле, нива; 2. грань, *кырака* – горная цепь, гора’, кирг. *кыр* ‘1. горный хребет; гребень горы; 2. холмистая степь; возвышенность; 3. грань, тув. *кыр* ‘горный хребет’; хак. *хыр* ‘край, грань; гора, горный хребет, гребень горы; холм; возвышенность’ (ЭНМ, 2018: 101). Есть оронимы с данным апеллятивом г. **Пөзік Хыр** (хак. *пөзік* ‘высокая’, букв. ‘высокая гора’), г. **Оох Хырлар** (хак. *оох* ‘мелкий’, букв. ‘мелкие холмы’) в Хакасии, хр. **Кара-Кыр** (алт. *кара* ‘черный’, букв. ‘черная гора’) в Горном Алтае. *Кыр* имеет широкое распространение также в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках: ср. п.-монг. *кыра* ‘гребень (горы)’, монг. *хяр* ‘гребень (возвышенности)’, бур. *хяра* ‘гребень (горы)’, эвенк. *кыра:* ‘1. край, бок; 2. грань; 3. ребро, угол; 4. гребень горы; 5. сторона’, нан. *қыра* ‘1. край предмета; 2. берег, 3. опушка (леса)’ и т. п. (там же: 101). Активное употребление данного апеллятива в составе якутских оронимов свидетельствует о том, что тюркоязычные предки якутов обозначили данной лексемой орографический объект, знакомый им по месту прежнего обитания.

Широкое распространение в якутской оронимии получил апеллятив *таас* со значениями ‘камень, возвышенное горное место’ (БТСЯЯ, 2013: 88), ‘(каменная) гора, камень, утес, скала’ (СЯЯ, 1959: 2590). Обращаясь к диалектным характеристикам, обнаруживаем, что *таас* в говорах якутского языка имеет определенные семантические различия: а) каменистые горы; утес, скала; б) самая высокая, окраинная с сухим твердым грунтом и бедной растительностью часть аласа, луга, поля (СТЛ, 2019: 229), которые, вероятно, обусловлены локальными особенностями ландшафта. В якутской оронимии обнаружено 48 оронимов с апеллятивом *таас*, выступающих в формах *таас*, *тааһа*, *таастаах*: ск. **Тулайых Таас** (як. *тулайых* ‘сирота; перен. одинокий’, т. е. ‘одинокая скала’), ск. **Тиис Тааһа** (як. *тиис* ‘зуб’, т. е. выступающая

острая скала), г. **Илин Таас** (як. *илин* ‘восточный’, букв. ‘восточная гора’), ск. **Манган Таас** (як. *манган* ‘белый’, букв. ‘белая скала’), ск. **Күрбэ Таастаах** (як. *күрбэ* ‘массивный’, букв. ‘(скала) с массивным камнем’). Значения ‘камень; скала’ апеллятив сохраняет и в других тюркских языках в похожих словах с небольшими фонетическими отклонениями: алт. *таш* ‘камень; гора, сопка, возвышенность, сложенные из твердых пород с их обнажениями’, башк. *таш*, кирг. *таш*, тув. *даш* ‘камень; скала; что-то сделанное из камня; твердый, как камень’, хак. *тас* ‘камень’ (ЭНМ, 2018: 120). Тюркологи отмечают присутствие слова *таш* уже в древнетюркских памятниках в значении ‘камень’ (ДТС, 1969: 229) и сравнивают с монг. *čilaγu(n)* ‘камень’ (ЭСТЯ, 1980: 168). Г. Дерфер восстанавливает праформу лексемы в виде **tjāša* (Doerfer, 1971: 291). Эти же значения приводит «Этимологический словарь алтайских языков», где представлена пратунгусская основа **žola* ‘камень’, прамонгольская **čilaγu* ‘камень’, пратюркская **diāl* ‘камень’ (EDAL, 2003: 1373). Широкий анализ лексемы *да:ш* на материале тюркских языков представлен в Этимологическом словаре тюркских языков (ЭСТЯ, 1980: 167). Зафиксированы следующие оронимы в тюркской топонимии: г. **Ажу Таш** (алт. *ажу* ‘перевал’, букв. ‘перевал-гора’), лог **Ак Таш** (алт. *ак* ‘белый’, букв. ‘белый камень’) в Горном Алтае, г. **Көк Тас** (хак. *көк* ‘синий’, букв. ‘синий камень’, г. **Төрт Тас** (хак. *төрт* ‘четыре’, букв. ‘четыре камня’) в Хакасии, г. **Кызылташ** (башк. *кызыл* ‘красный’, букв. ‘красный камень’), г. **Һандыкташ** (башк. *һандык* ‘сундук’, т. е. камень, имеющий форму сундука) в Башкирии.

Апеллятив *тобой* ‘мыс’ (БТСЯЯ, 2013: 412) функционирует в составе 18 оронимов: мыс **Улуу Тобой** (як. *улуу* ‘великий’, букв. ‘великий мыс’), г. **Өндөрөөскү Уолун Тобойо** (як. *Өндөрөөскү* – антропоним от русск. Андрей, як. *уол* ‘сын’, букв. ‘мыс сына Андрея’), мыс **Кыра Тобой** (як. *кыра* ‘маленький’, букв. ‘маленький мыс’), мыс **Арыылаах Тобойо** (т. е. мыс в Арылахе) и т. п. Якутское *тобой* используется как в орографии, так и в гидрографии. В БТСЯЯ находим гидрографическое значение ‘изгиб, излуцина, извилина (дороги или реки, озера с заливом’, которое при этом занимает первую позицию, в то время как орографическое значение – второстепенную ‘полуостров, мыс’ (БТСЯЯ, 2013: 412). В монгольских языках соматический термин *тохой* ‘локоть (часть руки от локтя до кисти)’ имеет только гидрографическую номинацию: п.-монг. *тохой*, бур. *тохой*, калм. *тоха* ‘излучина, изгиб, лука реки’ (ЭСМЯ, 2018: 173). В бурятском языке слово *тохой* самостоятельно функционирует также в значении ‘залив’. Например, зал. **Нуур-Тохой** (бур. *нуур* ‘озеро’, букв. ‘озеро-изгиб’) в Бурятии. По замечанию М. М. Содномпиловой, в традиционном мировоззрении монгольских народов водные объекты наравне с горными входили в число наиболее осмысленных человеком природных объектов: «Так же как к отдельным горам, горным массивам, по отношению к рекам в обозначениях их элементов используется антропоморфный код. У реки находят рот – *аман* (устье), горло – *хоолой* (протока, рукав, пролив между озерами), локоть – *тохой* (излучина), а берега (*эрве*) очень часто называют по-иному – *бэе* (тело)» (Содномпилова, 2009: 112). В якутском языке лексема *тобой* используется только в географическом значении и сохранилась в составе топонимов, хотя как часть тела человека почти все монгольские народы ее активно используют. В EDAL приводится основа *t'ük'V* ‘ключица, локоть’, от которой произошли пратунгусская основа **tükre* со значениями: ‘1. ключица; 2. верхнее ребро’ и прамонгольская **tokoj* в значении ‘локоть’, которая со ссылкой на Ст. Калужинского соотносится с якутским *toγonox* (EDAL, 2003: 1471) со значением ‘локоть’ (БТСЯЯ, 2013: 412). В тюркских языках находим следующие топонимические соответствия: ср. алт. *токой*: ‘1. полуостров, выдающийся полукругом берег реки; 2. лес’, башк. *тугай*: ‘1. кустарник; 2. диал. луг, пойма’, кирг. *токой*: ‘1. лес; 2. заросли кустарника, часто смешанного с камышом, по поймам рек, речек, по берегам озер, на болотистых местах’, татар. *тугай*: ‘1. извив, излуцина реки; 2. луг, пойма’ и др. (ЭНМ, 2018: 120). Согласно сведениям Н. Поппе, «каракалп. *тогай* ‘лес’ не принадлежит к той самой группе, как як. *тыла* ‘лес’ < **tāγ* ‘гора’, потому что *тогай* < *токай* является

монгольским заимствованным словом» (Рорре, 1974: 129). Как показал наш анализ, якутское *тобой* имеет монгольское происхождение.

Соматический термин *тумус* ‘нос; клюв’ в современной орографии функционирует в значениях ‘мыс, мысок; выступ’ (БТСЯЯ, 2014: 108; СЯЯ, 1959: 2811; СТЛ, 2019: 247). В данном случае номинация орографического объекта произведена по принципу ассоциативных связей, вызванных внешним сходством. Апеллятив *тумус* участвует в образовании 19 оронимов: мыс **Кыһыл Тумус** (як. *кыһыл* ‘красный’, букв. ‘красный нос’), мыс **Кумах Тумус** (як. *кумах* ‘песок’, букв. ‘песчаный нос’), мыс **Кылаабыһа Тумса** (як. *кылаабыһа* ‘кладбище’, букв. ‘нос кладбища’) и т. п. Апеллятив *тумус* является общетюркским: ср. алт. *тумчук* ‘нос, клюв; выступ горы, маленькое возвышение’, башк. *томшоҡ* ‘морда, рыло (у животных); выступ горы’, казах. *тумсыҡ* ‘клюв, морда; крутой удлиненный выступ возвышенности, мыс’; каракалп. *тумсыҡ* ‘клюв; морда; щипец; хобот; мыс’; кирг. *тумишук* ‘клюв, морда; мыс, спускающийся вниз, продолговатый выступ предгорья’; тув. *думчук* ‘нос; клюв; хобот; уступ (горы)’; хак. *тумзух* ‘нос, клюв, хобот; мыс’; шорск. *тунчук* ‘клюв птицы; губа; мыс’ и т. п. (ЭНМ, 2018: 123). Зафиксированы алтайские оронимы: г. **Темир-Тумчук** (алт. *темир* ‘железный’, букв. ‘железный нос’), г. **Тумчук-Кыр** (букв. *тумчук* ‘нос’, *кыр* ‘гора’, букв. ‘нос-гора’, т. е. гора, похожая на нос) в Горном Алтае.

От апеллятива *тумус* в якутском языке образовались производные термины *тумуһах* ‘небольшой лесной мыс, сопка’ (БТСЯЯ, 2014: 111) и *тумул* ‘выступ в водоем, равнину, мыс (обычно горный)’ (СЯЯ, 1959: 2810; БТСЯЯ, 2014: 105). Насчитывается 23 оронима с апеллятивом *тумуһах*: мыс **Хаар Тумуһах** (як. *хаар* ‘снег’, букв. ‘снежный мыс’), мыс **Кустуур Тумуһах** (як. *кустуур* образовано от *кустаа-* ‘охотиться на уток’ (*кус* ‘утка’ + *-лаа*) при помощи аффикса *-уур*, т. е. мыс, где охотятся на уток), мыс **Хара Тумуһах** (як. *хара* ‘черный’, букв. ‘черный мыс’) и т. п.

Тумул ‘мыс’ считался местом, отчетливо просматриваемым сверху и особенно излюбленным духами и шаманами; *тумулы* озер и рек являются местом отдыха не только духов – хозяев местности, но также через них ‘проходит воздушная дорога’, по которой ‘проезжают’ всевозможные духи (СТЛ, 2019: 247). Якутские могилы часто располагаются на *тумулах*. На исследуемой территории апеллятив *тумул* употребляется в достаточной степени активно и в живой речи, и в образовании оронимов: мыс **Улуу Тумул** (як. *улуу* ‘великий’, букв. ‘великий мыс’), мыс **Харыйа Тумул** (як. *харыйа* ‘ель’, т. е. мыс, где растет ель), мыс **Элэмэс Тумул** (як. *элэмэс* ‘пестрый’, букв. ‘пестрый мыс’), мыс **Илбис Тумула** (як. *Илбис* – антропоним, дух кровожадности, войны, букв. ‘мыс духа войны Илбис’), мыс **Ыарыппыт Тумула** (як. *ыарыппыт* образовано от *ыарый-* ‘болеть’ при помощи аффикса *-быт*, букв. ‘мыс заболевшего’) и т. п.

В якутской оронимии активно функционирует апеллятив *хайа* ‘гора’ (БТСЯЯ, 2016: 186), ‘гора, горы, цепь или хребет гор; высокая гора, утес, скала, каменные горы’ (СЯЯ, 1959: 3242), ‘гора; холм, булгуннях, возвышенность’ (СТЛ, 2018: 280). Данный апеллятив очень продуктивен в образовании всех видов оронимов и на исследуемой территории встречается в составе 138 оронимов, например, г. **Болбукта Хайата** (як. *болбукта* ‘кедровый стланик’, букв. ‘гора кедрового стланика’, т. е. ‘гора, где растет кедровый стланик’), г. **Суруктаах Хайа** (як. *сурук* ‘письмо’, букв. ‘скала с письменами’), г. **Үрүн Хайа** (як. *үрүн* ‘белый; чистый; святой’, букв. ‘белая/святая гора’), г. **Ытык Хайа** (як. *ытык* ‘священный’, букв. ‘священная гора’), г. **Хаптаҕай Хайа** (як. *халтаҕай* ‘плоский’, т. е. ‘плоскогорье’) и т. д. В древнетюркском языке *qaja* в значении ‘скала’ зарегистрировано в словаре Махмуда Кашгарского 1072–1076 гг. (ДТС, 1969: 406). Это значение ‘скала, утес’ апеллятив сохраняет и в других тюркских языках в разных фонетических вариантах: алт. *кайа* ‘скала, утес’, башк. *кая* ‘скала, утес: *кая тау* – отвесная высокая гора, *кая таш* – каменный утес; казах. *қыя* ‘возвышенность с крутыми каменистыми склонами; скала’, ног. *кая*: ‘1) скала, гора, утес; 2) высокий крутой берег реки’, татар. *кыя* ‘скала; скалистый’, тув. *хая* ‘скала’; хак. *хайа*, шорск. *қайа* ‘скала, утес’ и т. п. (ЭНМ, 2018: 74). В лингвистической литературе существуют мнения как о заимствовании

слова *хайа* из монгольского в тюркские, так и обратное (Räsänen, 1969: 221; Clauson, 1972: 674; ЭСТЯ, 1997: 199; Щербак, 1997: 132; СИГТЯ, 2001: 96; EDAL, 2003: 629; ЭНМ, 2018: 74). Авторы EDAL приводят общеалтайскую основу **kadV* ‘скала, гора’: пратунгусская **kada(r)* ‘скала’, прамонгольская **kada* ‘скала’, пратюркская **K(i)aja*: ‘1. скала; 2. гора; 3. склон’ (EDAL, 2003: 629). Ср. монг. *хад(ан)*: ‘1. скала, утес, каменная гора; 2. каменный; скалистый’ (МРС, 1957: 497), бур. *хада*: ‘1. гора; 2. горный; гористый’ (БРС, 1973: 529), эвенк. *кадауа*: ‘1. каменная россыпь (на крутом склоне); 2. скала; 3. гора’, эв. *қадақу*: ‘1. скалистый; 2. утес’, маньчж. *зада* ‘скала, пик, вершина’ (ЭНМ, 2018: 74). Выявлены хакасские и алтайские оронимы: ск. **Хызыл Хайа** (хак. *хызыл* ‘красный’, букв. ‘красная скала’), ск. **Чочах Хайа** (хак. *чочах* ‘острый’, букв. ‘острая скала’) в Хакасии, г. **Янылу Кайа** (алт. *janгы* ‘эхэ’, букв. ‘скала с эхом’), г. **Өлө Кайа** (алт. *өлө* ‘пестрый’, букв. ‘пестрая скала’) в Горном Алтае.

Интересно отметить, что в некоторых диалектных зонах встречаются эквиваленты якутского слова *хайа*: 1) *сис* (диал.) ‘гора’ (ДСЯЯ, 1976: 209), которое соответствует др. тюрк. *jış* ‘нагорье с долинами, удобными для поселений’ (ДТС, 1969: 268) и тюрк. *žiş* ‘горы, покрытые лесом, чернь’ (ЭСТЯ, 1989: 44); 2) *суорба* (диал.) ‘гора’ (ДСЯЯ, 1976: 215): *суорба таас хайа* ‘утес’, *суорба хайа* ‘отвесная скалистая гора’ (ЯРС, 1972: 343). от *суор-* ‘тесать, обтесывать’ (БТСЯЯ, 2012: 147), соответствующего тюрк. *йоон-* ‘строгать, тесать’ и монг. *зор-* ‘строгать, скоблить, срезать, снимать кожицу’ (ЭСТЯ, 1989: 222) + *-ба* (застывший аффикс, образующий отглагольное существительное и имеющий значение результата действия) (Иванов, 2017: 185); 3) *таас* (диал.) ‘скалы, каменные горы’ (ДСЯЯ, 1976: 231) – от общеякутского (общетюркского) *таас, тааш* ‘камень’. По мнению С. А. Иванова, якутское терминологического характера слово *таас* со значением ‘каменные горы, скалы’ возникло в результате сокращения словосочетания *таас хайа* ‘каменная гора’ и метафорического переноса значения слова *таас* на наименование каменной горы, скалы, утеса (Иванов, 2017: 185); 4) *хадаар* (диал.) ‘скала, утес’ от эвенкийского *кадар* ‘скала, утес’ (ДСЯЯ, 1976: 275). Существуют варианты *хадаба, хадар* (СЯЯ, 1959: 3226), которые рассматриваются как эвенкизмы в якутском языке, восходящие к п.-монг. *qada(n)* ‘скала, утес, гора’ (ССТМЯ, 1975: 360; ЭСТЯ, 1997: 199). Упомянутые апеллятивы широко представлены в якутских оронимах: ск. **Суопуйа Суорбата** (як. *Суопуйа* – антропоним от русск. Софья, т. е. скала Софьи), г. **Хадаарындья** (як. *хадаар* ‘скала’, – *ндья* – в якутском языке топоформант имеет увеличительное значение), хр. **Туора Сис** (як. *туора* ‘поперечный’, букв. ‘поперечный хребет’) и др.

Приведенная ниже диаграмма (рис. 2) отражает степень продуктивности рассмотренных орографических апеллятивов возвышенного рельефа:

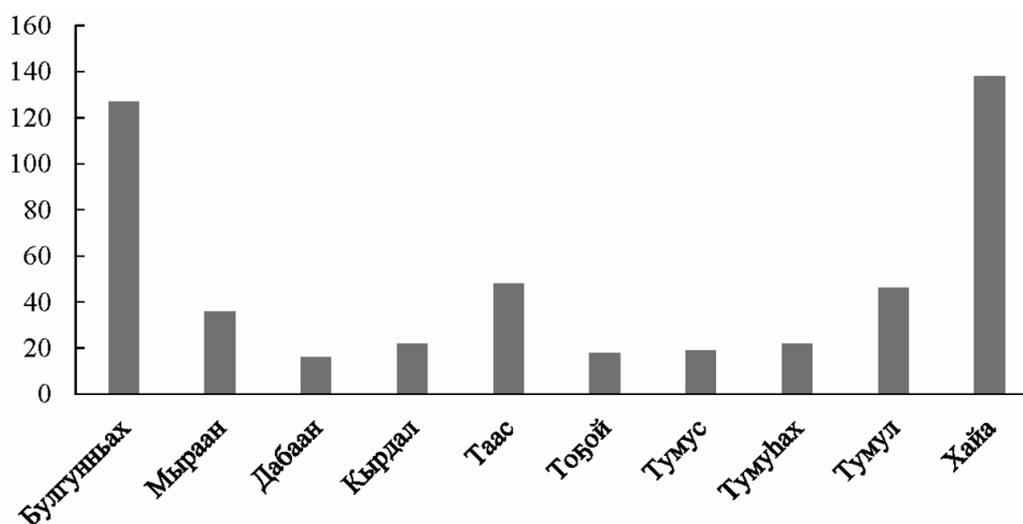

Рис. 2. Степень продуктивности апеллятивов возвышенного рельефа

Заключение

Таким образом, анализ семантики орографических апеллятивов возвышенного рельефа в якутской оронимии позволяет сделать следующие выводы.

1. Основным и самым главным источником наполнения якутской оронимии являются орографические апеллятивы возвышенного рельефа. Они составляют основу топонимической системы Якутии.

2. Апеллятивы возвышенного рельефа составляют примерно 27 % всех оронимов. Наиболее активными в их составе являются апеллятивы *хайа* 'гора, скала', *булгуннях* 'булгуннях, бугор пучения', *таас* 'скала, гора', *тумул* 'мыс', *мыраан (быраан)* 'гора, холм', *кырдал* 'возвышенность', *тумуһах* 'небольшой лесной мыс', *дабаан* 'возвышенность', *тобой* 'мыс', *тумус* 'мыс'.

3. По словообразовательной структуре большинство якутских оронимов с апеллятивами возвышенного рельефа является двусловными атрибутивными конструкциями и образуется по моделям типа «существительное + существительное» и «прилагательное + существительное».

4. Орографические апеллятивы возвышенного рельефа, встречающиеся в якутской оронимии, отражают физико-географические особенности рельефа местности, на которой они функционируют.

5. Орографические апеллятивы возвышенного рельефа представлены тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, а также общими алтайскими основами. Анализ апеллятивов, обозначающих различные формы рельефа, с точки зрения семантического наполнения, особенностей этимологии, позволяет углубить и расширить изучение генетического родства алтайских языков, путей их исторического развития. Некоторые апеллятивы возвышенного рельефа находятся в стадии своего становления, другие устоялись и существуют во многих тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках.

Список сокращений:

алт. – алтайский, **букв.** – буквально, **булг.** – булгуннях, **бур.** – бурятский, **г.** – гора, **диал.** – диалект, **дол.** – долина, **др. тюрк.** – древне-тюркский, **казах.** – казахский, **калм.** – калмыцкий, **каракалп** – каракалпакский, **кирг.** – киргизский, **маньчж.** – маньчжурский, **монг.** – монгольский, **нан.** – нанайский, **ног.** – ногайский, **осм.** – османский, **пер.** – перевал, **п.-монг.** – письменно-монгольский, **р.** – река, **русск.** – русский, **ск.** – скала, **сол.** – солонский, **ср.** – сравни, **ср.-монг.** – среднемонгольский язык, **татар.** – татарский, **тув.** – тувинский, **тунг.** – тунгусский, **туркм.** – туркменский, **тюрк.** – тюркский, **узб.** – узбекский, **уйг.** – уйгурский, **хак.** – хакасский, **хр.** – хребет, **эв.** – эвенский, **эвенк.** – эвенкийский, **як.** – якутский.

Словари:

БАМРС 2001a – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Т. 1. А–Г. М.: Academia, 2001. 520 с.

БАМРС 2001b – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Т. 2: Д–О. М.: Academia, 2001. 485 с.

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка: В 15 т. Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2008; 2012; 2013; 2014; 2016.

ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка. Сост. П. С. Афанасьев, П. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 392 с.

ДТС – Древнетюркский словарь. Под ред. В. М. Наделяева. Л., 1969. 677 с.

КРС – Калмыцко-русский словарь. Под ред. Б. Д. Муниева. М.: Изд-во «Русский язык», 1977. 765 с.

МРС – Монгольско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1957. 715 с.

- РЭС** – Русско-эвенкийский (русско-тунгусский) словарь. Сост. Г. М. Василевич. М.: ОГИЗ, 1948. 331 с.
- ТСЭБ** – Топонимический словарь этнической Бурятии. Сост. И. А. Дамбуев, Ю. Ф. Манжуева, А. В. Ринчинова. Улан-Удэ, 2007. 190 с.
- ТСЯЯ** – Толковый словарь якутского языка: В 15 т. Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2005, 2006.
- СИГТЯ 2001** – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- СТЛ 2019** – Багдарыын Сүлбэ. Словарь топонимной лексики Республики Саха. Местные географические термины и понятия. Якутск, 2019. 324 с.
- СЯЯ 1959** – Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: В 3 т. Л.: Изд-во АН СССР, 1958–1959. Т. 1. 1200 стб.; Т. 2. 2010 стб.; Т. 3. 3858 стб.
- ЭНМ 2018** – Молчанова О. Т. Энциклопедия названий мест Горного Алтая. Щецин: Daniel Krzanowski, 2018. Т. 1: А–К. 598 с.; Т. 2: Л–Я. 506 с.
- ЭСМЯ 2016** – Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН. Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. Том II: G–P. 2016. 232 с.
- ЭСМЯ 2018** – Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН. Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2018. Том III: Q–Z. 2018. 240 с.
- ЭСТЯ 1980** – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «В», «Г», «Д». М.: Наука, 1978. 348 с.
- ЭСТЯ 1989** – Севортян Э. В., Левитская Л. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й». М.: Наука, 1989. 291 с.
- ЯРС 1972** – Якутско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1972. 608 с.
- EDAL 2003** – Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages (with the assistance of I. Gruntov and V. Glumov). Leiden, 2003. Pp. 1556.

Литература:

- Антонов Н. К.** Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Кн. изд-во, 1971. 176 с.
- Бертагаев Т. А.** Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. Ленинград: Наука, 1971. С. 90–109.
- Бурькин А. А.** Система терминов родства якутов в синхронном, сравнительно-историческом и ареальном аспектах // Алгебра родства. Вып. 5. СПб., 2000. С. 213–242.
- Данзанова Н. И.** Орографическая терминология в монгольских языках: формы возвышенного рельефа: дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2012. 158 с.
- Данилова Н. И., Попова Н. И.** Ландшафтная лексика в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. № 4 (37). С. 65–76.
- Дыжитова Е. В.** Топономастическая лексика Восточного Забайкалья: сравнительно-исторический, сопоставительно-типологический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Чита, 2019. 214 с.
- Дьячковский Н. Д.** Звуковой строй якутского языка. Ч. 2. Консонантизм. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1977. 256 с.
- Иванов Н. М.** Монголизмы в топонимии Якутии. Якутск, 2001. 204 с.
- Иванов С. А.** Лексические особенности говоров якутского языка. Новосибирск: Наука, 2017. 392 с.
- Кузьмина А. А.** Типы корневых основ имен существительных якутского языка (формирование одно- и двусложных основ): дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2017. 287 с.
- Монастырев В. Д.** Структура и семантика топонимов (на материале топонимии правобережных районов Центральной Якутии): дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1993. 223 с.
- Мурзаев Э. М.** Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 656 с.
- Мурзаев Э. М.** Тюркские географические названия. М., 1996. 253 с.
- Подольская Н. В.** Словарь русской ономастической терминологии. Москва: Наука, 1978. 201 с.
- Содномпилова М. М.** Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
- Сунчугашев Р. Д.** Оронимия Хакасии: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1999. 180 с.
- Хисамов О. Р.** Тюрко-татарская географическая лексика Западной Сибири: ареальный аспект: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2022. 536 с.
- Щербак А. М.** Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.). СПб., 1997. 294 с.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 989 p.

Doerfer Gerhard. Khalaj Materials. Bloomington: Indiana university publications, 1971. 331 p.

Poppe N. N. Remarks on Comparative Study of the Vocabulary of the Altaic Languages // Ural-Altaische Jahrbücher, 1974. P. 120–134.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki, 1969. 533 p.

Стручкова Яна Васильевна.

Ведущий методист Музея письменности.

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Ул. Белинского, 58, Якутск, 677000.

E-mail: yanavasstruchkova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 26 декабря 2022 г.

Y. V. Struchkova

OROGRAPHIC APPELLATIVES OF HIGH RELIEF IN YAKUT ORONYMY

The article analyzes the orographic appellatives of high relief on the material of Yakut oronymy in a comparative aspect with Turkic, Mongolian, and Manchu-Tungus languages. The author examines their semantics and distribution. In addition, their role in the formation of oronyms is determined. The research material comes mainly from bilingual, lexicographic, etymological, dialectological, and toponymic dictionaries and linguistic works containing information on orographic appellatives. The study also used material collected by the author during the field expeditions conducted in the central regions of the Republic of Sakha (Yakutia) since 2020. The article aims to identify the orographic appellatives of the high relief in Yakut oronymy and to describe them comparatively historically. Nowadays, such a specific layer of the Yakut toponymic vocabulary as oronymy is considered endangered for a number of sociolinguistic and socioeconomic reasons and needs collection, systematization, study, and preservation in linguistic databases. The result of the descriptive method shows that the orographic appellatives occurring in Yakut oronymy reflect the physical and geographical features of the terrain in which they function. The statistical method has shown that high relief appellatives account for about 27% of all Yakut oronyms. The most active in forming oronyms are the appellatives *haya* ‘mountain, rock’ (20%), *bulguniakh* ‘pingo’ (19%), *taas* ‘rock, mountain’ (7%), *tumul* ‘cape’ (7%). The word formation structure of most of the Yakut oronyms with appellatives of high relief is represented by two-word attributive constructions and is formed according to models such as “noun + noun” and “adjective + noun”. The comparative historical method has shown that the orographic appellatives of high relief in Yakut oronymy are represented by Turkic, Mongolian, Manchu-Tungusic, as well as common Altaic word stems. The etymological analysis of the appellatives denoting different forms of relief allows us to deepen and broaden the study of the genetic relationship of the Altai languages and the ways of their historical development. Some appellatives of high relief are in the stage of their formation, and others are well established and exist in many Turkic, Mongolian, and Manchu-Tungus languages.

Keywords: *Yakut language, oronymy, oronyms, orographic appellatives, high relief*

References:

Antonov N. K. Materialy po istoricheskoy leksike yakutskogo yazyka [The Yakut language: materials on historical vocabulary]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1971. 174 p. (in Russian).

Afanas'ev P. S., Voronkin M. S., Alekseev M. P. Dialektologicheskoy slovar' jakutskogo jazyka [Dialectological dictionary of the Yakut language]. Moscow: Science Publ., 1976. 392 p. (in Yakut).

Bagdaryyn Sylbje. Slovar' toponimnoj leksiki Respubliki Saha. Mestnye geograficheskie terminy i ponjatija [Dictionary of Toponym Vocabulary of the Sakha Republic. Local geographical terms and concepts]. Jakutsk, 2019. 324 p. (in Russian).

Bertagaev T. A. Vnutrennyaya rekonstruktsiya i etimologiya slov v altaiskikh yazykakh [Internal reconstruction and etymology of words in Altai languages] // Problema obshchnosti altaiskikh yazykov [The problem of the community of Altai languages]. Leningrad, Nauka Publ., 1971. P. 90–109. (in Russian).

Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Vol. 2. Letters A–B. Moscow: Academia Publ., 2001. 520 p. (in Russian).

- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'** [Great academic Mongolian-Russian dictionary]. Vol. 2. Letters D–O. Moscow: Academia Publ., 2001. 485 p. (in Russian).
- Bol'shoj tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka:** v 15 t. [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk: Science Publ., 2008; 2009; 2013; 2014; 2016 (in Yakut).
- Burykin A. A.** Sistema terminov rodstva yakutov v sinhronnom, sravnitel'no-istoricheskom i areal'nom aspektah [The system of kinship terms of Sakha in the synchronous, comparative historical and areal aspects] // Algebra rodstva. Vol 5, 2000. P. 213–242 (in Russian).
- Clauson G.** An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. 989 p. (in English).
- Dambuev I. A., Manzhueva Yu. F., Rinchinova A. V.** Toponimicheskij slovar' etnicheskoy Buryatii [Toponymic dictionary of ethnic Buryatia]. Ulan-Ude, 2007. 190 p. (in Russian).
- Danzanova N. I.** Orograficheskaya terminologiya v mongol'skikh yazykakh (formy vozvyshehnogo rel'efa) [Orographic Terminology in Mongolian Languages (Forms of Elevated Relief)]. Cand. ... philol. sci. diss. Ulan-Ude, 2012. 158 p. (in Russian).
- Danilova N. I., Popova N. I.** Landshaftnaya leksika v yakutskom yazyke [The landscape vocabulary in the Yakut language] // Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik [North-Eastern humanitarian bulletin]. 2021. No 4 (37). P. 65–76. (in Russian).
- Doerfer Gerhard.** Khalaj Materials. Bloomington: Indiana university publications, 1971. 331 p. (in English).
- Drevnetjurkskij slovar' [Old Turkic dictionary]. Leningrad: Science Publ., 1969. 677 p. (in Russian).
- Dyzhitova E. V.** Toponomasticheskaya leksika Vostochnogo Zabaykal'ya: sravnitel'no-istoricheskiy, sopostavitel'no-tipologicheskij aspekty. Cand. ... philol. sci. diss. Chita, 2019. 214 p. (in Russian).
- D'jachkovskij N. D.** Zvukovoj stroj yakutskogo yazyka. Ch. 2. Konsonantizm [The sound system of the Yakut language. Part 2. Consonantism]. Yakutsk: Yakutsk book Publ., 1977. 256 p. (in Russian).
- Ivanov N. M.** Mongolizmy v toponimii Yakutii [Mongolisms in the toponymy of Yakutia]. Yakutsk, 2001. 204 p. (in Russian).
- Ivanov S. A.** Leksicheskie osobennosti govorov jakutskogo jazyka [Lexical characteristics of Yakut patois]. Novosibirsk: Science Publ., 2017. 392 p. (in Russian).
- Jakutsko-russkij slovar' [Yakut-Russian dictionary]. Moscow: Soviet encyclopedia Publ., 1972. 608 p. (in Yakut).
- Kalmytsko-russkij slovar' [Kalmyk-Russian dictionary]. Moscow: «Russian language» Publ, 1977. 765 p. (in Russian).
- Khisamov O. R.** Tyurko-tatarskaya geograficheskaya leksika Zapadnoy Sibiri: areal'nyy aspekt [The Turkic-Tatar geographical vocabulary of Western Siberia: the areal aspect]. Dr. ... philol. sci. diss. Kazan, 2022. 536 p. (in Russian).
- Kuz'mina A. A.** Tipy kornevykh osnov imen sushchestvitel'nykh yakutskogo yazyka (formirovanie odno- i dvuslozhnykh osnov) [The types of root bases of nouns of the Yakut language (formation of one- and two-syllable bases)]. Cand. ... philol. sci. diss. Yakutsk, 2017. 287 p. (in Russian).
- Molchanova O. T.** Entsiklopediya nazvaniy mest Gornogo Altaya [Encyclopedia of place names of Gorny Altai]. Shchetin: Volumi-na.pl Daniel Krzanowski, 2018, vol. 1: A-K. 598 p.; vol. 2: L-Ya, 506 p. (in Russian).
- Monastyrev V. D.** Struktura i semantika toponimov: (na materiale toponimii pravoberezhnykh rayonov Tsentral'noy Yakutii) [The structure and semantics of toponyms: (based on the material of toponymy of the right-bank districts of Central Yakutia)]. Cand. ... philol. sci. diss. Yakutsk, 1993, 223 p. (in Russian).
- Mongol'sko-russkij slovar' [Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1957. 715 p. (in Russian).
- Murzaev Je. M.** Slovar' narodnyh geograficheskikh terminov [The dictionary of folklore geographical terms]. Moscow: Thoughts Publ., 1984. 656 p. (in Russian).
- Murzaev E. M.** Tyurkskie geograficheskie nazvaniya [The turkic geographical names]. Moscow, 1996. 253 p. (in Russian).
- Pekarskij Je. K.** Slovar' jakutskogo jazyka [Dictionary of the Yakut language]. In 3 vols, ed. 2. Moscow, 1958–1959. 3858 stlb. (in Yakut).
- Podol'skaya N. V.** Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii [The dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow: Science Publ., 1978. 201 p. (in Russian).
- Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka: V 15 t. [Great explanatory dictionary of the Yakut language]. P. A. Sleptsov (Ed.). Novosibirsk: Science Publ., 2005; 2006 (in Yakut).
- Poppe N. N.** Remarks on Comparative Study of the Vocabulary of the Altaic Languages // Ural-Altische Jahrbücher, 1974. P. 120–134 (in English).
- Räsänen M.** Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. Helsinki, 1969. 533 p. (in German).

Sanzhiyev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etimologicheskiy slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t. [Etymological dictionary of the Mongolian language: in 3 vols]. G. D. Sanzheyev (Ed. in Chief), L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Ya. D. Leman (Eds). Vol. 3: Q–Z. Moscow: IV RAN, 2018. 232 p. (in Russian).

Sanzhiyev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etimologicheskiy slovar' mongol'skikh yazykov: v 3 t. [Etymological dictionary of the Mongolian language: in 3 vols]. G. D. Sanzheyev (Ed. in Chief), L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Ya. D. Leman (Eds). Vol. 2: G–P. Moscow: IV RAN, 2016. 240 p. (in Russian).

Sevortjan Je. V., Levitskaja L. V. Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na bukvy «Ж», «Zh», «J» [Etymological dictionary of Turkic language. Common Turkic and Inter-Turkic stems which end on the letters “D”, “Zh”, and “J”]. Moscow: Science Publ., 1989. 291 p. (in Russian).

Shcherbak A. M. Rannie tyurksko-mongol'skie yazykovye svyazi (VIII-XIV vv.) [Early Turkic-Mongolian language links (VIII-XIV centuries)]. Saint-Petersburg, 1997. 294 p. (in Russian).

Sodnompilova M. M. Mir v traditsionnom mirovozzrenii i prakticheskoy deyatelnosti mongol'skikh narodov [The world in traditional world view and practice of Mongolian people]. Ulan-Udje: BNC SO RAN Publ., 2009. 366 p. (in Russian).

Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Leksika [Comparative historical grammar of Turkic languages]. Vocabulary, Edition 2. Moscow: Science Publ., 2001. 822 p. (in Russian).

Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages (with the assistance of I. Gruntov and V. Glumov). Leiden, 2003. 1556 p.

Sunchugashev R. D. Oronimiya Khakasii [The oronymy of Khakassia]. Cand. ... philol. sci. diss. Moscow, 1999, 180 p. (in Russian).

Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskih jazykov [Comparative dictionary of Tungusic languages]. Volume 1. Letters A – N. Leningrad: Science Publ., 1975. 672 p. (in Russian).

Vasilevich G. M. Russko-evenkiyskiy (russko-tungusskiy) slovar' [Russian Russian-Evenk (Russian-Tunguska) dictionary]. Moscow: OGIZ, 1948. 331 p. (in Russian).

Struchkova Yana Vasilievna.

Leading methodologist of the Museum of Writing.

M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Belinsky Str., 58, Yakutsk, Russia, 677000.

E-mail: yanavasstruchkova@mail.ru

А. Ю. Урманчиева

К ЭТИМОЛОГИИ ПРОБАБИЛИТИВНОГО ПОКАЗАТЕЛЯ ТУНДРОВОГО НЕНЕЦКОГО -QXIӘ¹

Предложена этимология показателя -qxіә², который входит в состав нескольких морфологически элементарных глагольных грамматических показателей тундрового ненецкого языка. По крайней мере, для некоторых таких форм в последние годы устоявшимися терминами являются «пробабилитив» или «пробабилитив». Пробабилитив маркирует эпистемическую оценку, основанием для которой служат общие знания о мире. Этот показатель имеет нетривиальную морфологическую позицию: он входит в качестве второго компонента в составные показатели, первым компонентом которых могут выступать морфемы, исторически представляющие собой причастные показатели. Между тем в ненецком после причастных показателей невозможно употребление каких-либо морфем, за исключением лично-числовых показателей. Родственные ненецкому -qxіә показатели обнаруживаются в лесном энецком и в нганасанском. В лесном энецком когнатный показатель также является частью составного аффикса, в котором предшествующий компонент, как и в ненецком, исторически представлял собой суффикс причастия. В нганасанском когнатный показатель с тем же значением представляет собой элемент, который может употребляться либо как постпозитивная частица при любой финитной глагольной форме, либо как вспомогательный отрицательный глагол (при котором смысловой глагол стоит в неизменяемой форме – коннегативе). Нетривиальная морфологическая позиция рассматриваемого показателя в тундровом ненецком и его когната в лесном энецком указывают на то, что и в этих языках интересующие нас формы восходят к аналитическим конструкциям. В то же время структура и грамматическое оформление элементов этих конструкций окончательно оформились независимо в каждом из трех языков.

Ключевые слова: *этимология, глагольная морфология, северно-самодийские языки, тундровый ненецкий язык, энецкий язык, нганасанский язык*

1. Пробабилитив в тундровом ненецком

Рассматривается этимология показателя -qxіә³, который входит в состав нескольких морфологически неэлементарных глагольных грамматических показателей тундрового ненецкого языка. В работах последнего времени для большинства форм из этого ряда используются термины «пробабилитив» (Salminen, 1997: 98, Nikolaeva, 2014: 92, 99–101) или «пробабилитив» (Буркова, 2010: 284–286). Семантика этих форм, на взгляд автора статьи, практически исчерпывающим образом описана С. И. Бурковой. Она отмечает, что пробабилитив выражает значение эпистемической модальности (низкая степень уверенности в достоверности высказывания) и описывает его следующим образом:

«Пробабилитив выражает эпистемическую оценку на основании логического вывода, общих знаний говорящего или отсутствия у него исходной информации. <...> Формы пробабилитива кодируют ситуацию, которую говорящий не воспринимает непосредственно, и его предположение о ней строится на основании косвенных признаков или отсутствия источника информации.

Показателем пробабилитива является аффикс -кы/-кэ, который всегда выступает в сочетании с тем или иным эвиденциальным аффиксом, кодирующим источник информации, лежащей в основе эпистемической оценки.

¹ Исследование поддержано грантом РФ № 22-28-01975 «Историческая грамматика самодийских языков».

² Формы грамматических показателей в тексте статьи записываются в соответствии с системой, используемой в [Salminen 1997; 1998], за исключением использования η вместо диграфа ng и символа ә вместо Ø и °. Текстовые примеры цитируются в орфографии источников.

³ Формы грамматических показателей в тексте статьи записываются в соответствии с системой, используемой в [Salminen 1997; 1998], за исключением использования η вместо диграфа ng и символа ә вместо Ø и °. При этом текстовые примеры цитируются в орфографии источников.

Структура словоформы пробабилитива имеет вид:

$Tv-(CL)-(FUT)-EV-PROB-//-(PAST)$,

где Tv – основа глагола, CL – позиция для интраклитики, FUT – позиция для показателя будущего времени, EV – позиция для эвиденциального аффикса, $PROB$ – позиция для показателя пробабилитива *-кы / -кэ*, $//$ – позиция для лично-числового аффикса, $PAST$ – позиция для показателя прошедшего времени» (Буркова, 2010: 284–285).

С. И. Буркова указывает на важную семантическую характеристику пробабилитива: этот показатель выражает эпистемическую оценку только определенного типа. А именно существуют ограничения на основание для эпистемической оценки – им могут быть общие знания о мире⁴.

К сожалению, в указанной работе не перечислены все возможные комбинации показателей, занимающих различные слоты в морфологической модели пробабилитивных форм, приведенной в процитированном фрагменте. Удалось найти пять различных форм пробабилитива; первые четыре хорошо известны, упоминаний последней не встречается. Примеры этих форм:

1. Сочетание пробабилитивного показателя *-qxix* с предшествующим показателем инферентива *-we/-me ~ -wix/-mix*; самостоятельное употребление показателя инферентива (совпадающего с причастием прошедшего времени) представлено примером (1), примеры (2)–(6) иллюстрируют сочетание инферентива и пробабилитива:

- (1) *Тикэвана сей-ко-ни хэ-сь нюдя Ябтоңэ’ ва’в-’*
 тогда сердце-Dim-Gen.1 уйти-Inf младший PN постель-Асс
хор-ңа-м’, мале ва’в хазе-вы-Ө.
 искать-Aог-о1 уже постель остыть-Infer-s3
 ‘Тогда, испугавшись, я проверила постель младшего Ябтоңэ, а постель уже **остыла, оказывается** (т. е. он уже давно ушел – А. У.)’ (Куприянова, 1965: 399).

Пример (1) иллюстрирует классический контекст употребления инферентивной формы: говорящий непосредственно наблюдает результат, но приведшая к этому результату ситуация не засвидетельствована (в момент наблюдения зафиксирована уже остывшая постель). На первый взгляд кажется, что инферентив и пробабилитив логически несовместимы: инферентив маркирует суждения, основанные на интерпретации наблюдаемых результатов (или иных более косвенных признаков) незасвидетельствованной ситуации, пробабилитив – суждения, основанные на общих знаниях о мире (в отсутствие каких-либо конкретных наблюдаемых проявлений ситуации). Поэтому прокомментируем подробнее примеры (2)–(4). В каждом из них есть наблюдаемый результирующий компонент незасвидетельствованной ситуации, обуславливающий описание ситуации при помощи инферентивной формы. В то же время этот наблюдаемый результирующий компонент допускает несколько различных интерпретаций, из которых говорящий выбирает одну, исходя из общих знаний о мире – этим обусловлено употребление пробабилитивного показателя. Так, в примере (2) из двух ушедших шаманов один вернулся, а второго, вопреки ожиданиям, нет. Это те самые наблюдаемые признаки, которыми обусловлено употребление инферентивного показателя на глаголе ‘умереть’. Вместе с тем эти наблюдаемые признаки являются достаточно косвенным указанием на возможную гибель

⁴ С. И. Буркова указывает также такой источник эпистемической оценки, как отсутствие исходной информации, но, на мой взгляд, и в этих случаях говорящий выносит суждения, основанные на общих представлениях о порядке вещей, иначе бы мы должны были допустить парадоксальную ситуацию, когда при отсутствии исходной информации говорящий может потенциально сформулировать абсолютно любое суждение не будучи ограничен абсолютно ничем в своих рассуждениях.

нганасанского шамана (его отсутствие может в принципе объясняться целым рядом других причин), поэтому употреблен показатель пробабилитива – показатель эпистемической оценки, основанной на общих знаниях о мире: с опорой на эти знания говорящий выбирает из нескольких возможностей наиболее вероятную.

- (2) *Тыгу-* *тадебя-хо* *то-Ø*, *тавысо-* *тадьбя*
 тунгус-GenPl шаман-Emph прийти.Aor.s3 нганасан-GenPl шаман
ягу-Ø. *Ха-ва-кы-Ø.*
 не.иметься.Aor-s3 умереть-Infer-Prob-s3
 ‘Шаман-тунгус вернулся, а шамана-нганасана нет. Он, **наверное**, умер (Куприянова, 1965: 302).

В примере (3) наблюдаемым результатом является отсутствие людей в чуме, поэтому глагол ‘уйти’ употреблен в форме инферентива. В то же время в контексте явно содержится указание на то, что для оценки времени их ухода (да и самого факта добровольного ухода, а не, например, какого-либо произошедшего с жителями чума несчастья) у говорящего недостаточно данных (‘следов не видно, ничего не видно’), поэтому говорящий выносит суждение, в значительной степени дополняя скудные наблюдаемые результаты общими знаниями о мире:

- (3) *Сяхо* *хэ-ва-кы-*, *яля-* *хэ-ва-кы-*, *у-*
 когда.то уйти-Infer-Prob-3Pl день-Gen уйти-Infer-Prob-3Pl след
ни *адю-*, *амгэ* *ни* *адю-*.
 Neg.Aor-s3 видимым.быть-Сп что Neg.Aor-s3 видимым.быть-Сп
 [Люди вошли в чум, и оказалось, что в чуме пусто].
 ‘Наверное, они некоторое время назад **ушли, наверное**, они вчера **ушли, наверное**, следов не видно, ничего не видно’ (Куприянова, 1965: 299).

В примере (4) наблюдаемым результатом являются оставшиеся на опустевшем стойбище олени головы. Интерпретируя этот наблюдаемый результат, говорящий, используя форму инферентива, выносит суждение о том, что сыновья, оставленные пасти оленей, вероятно, забивали некоторых оленей на мясо. В то же время этот наблюдаемый результат может потенциально свидетельствовать и о других сценариях того, что произошло на стойбище (сыновей говорящий не нашел, и что с ними произошло, ему на тот момент неизвестно), поэтому говорящий выбирает наиболее вероятную из нескольких возможных интерпретаций, опираясь при этом на общие знания о мире, поэтому в (4) употреблен пробабилитивный показатель:

- (4) *Мядэ-на-нту* *ты* *ңэва-’’* *хаю-вы-’’*.
 оставленное.стойбище-LocAdv-3Pl олень голова-Pl остаться-Infer-s3Pl
ңачекы-да харту тыду *ңөр-ма-кы-’’*.
 парень-3 сам.3Pl олень-AccPl.3Pl есть-Infer-Prob-s3Pl
 ‘На покинутом стойбище головы оленей остались, оказывается. **Наверное**, его парни (= сыновья, оставленные пасти оленей – А. У.) **ели** своих собственных оленей’ (Лаба-наускас: 15).

2. Сочетание пробабилитивного показателя *-qxia* с предшествующим показателем причастия настоящего времени *-nal/-tal/-da*. Самостоятельного употребления в виде финитного предиката эта причастная форма не имеет. В (Буркова, 2010: 285, 294–295) этому причастному показателю в составе составных глагольных маркеров приписывается функция выражения

презюмтивного значения, что кажется совершенно справедливым. Грамматическое значение презюмтива относится к сфере косвенной эвиденциальности. В (Плунгян, 2011: 473) про презюмтивные значения сказано, что они «обозначают утверждения о ситуации, делаемые говорящим не на основании конкретных наблюдаемых результатов, а на основании знания определенных причинно-следственных связей» (Плунгян, 2011: 473)). В (Aikhenvald, 2004) используются термины *assumed evidential* или *assumption* («based on evidence other than visible results: this may include logical reasoning, assumption, or simply general knowledge» (Aikhenvald, 2004: 63)). Итак, показатель презюмтива позволяет говорящему маркировать такой источник информации, как выводы, основанные на общих знаниях о мире. Стоит отметить, что диахронически к показателю причастия настоящего времени, по всей видимости, восходит показатель презюмтива в другом самодийском языке – селькупском: это форма так называемого латентива с показателем *-ntə*. Оба показателя – ненецкий *-na/-ta/-da* и селькупский *-ntə* – восходят к прасамодийскому причастному показателю **-ntā*. Очевидно, что значения презюмтива и пробабилитива в значительной степени пересекаются: презюмтив – эвиденциальная форма, маркирующая такой источник информации, как общие знания о мире, пробабилитив – форма эпистемической модальности, употребляющаяся в том случае, если основанием для эпистемической оценки служат общие знания о мире⁵. Вероятно, именно это значительное семантическое пересечение этимологической презюмтивной формы т. нен. *-na/-ta/-da* и пробабилитивного показателя т. нен. *-qxiə* обусловило амальгамирование двух названных морфем в единый показатель таким образом, что этимологический презюмтив в ненецком в самостоятельном употреблении в итоге исчез. Ниже приводятся несколько примеров на употребление этой формы. Очевидно, что суждение в (5) основано именно на общих представлениях: мужчина собирается свататься и раздумывает, сколько оленей необходимо взять в качестве калыма:

- (5) *He* *хадңо''* *мире-та-кы-Ө.* *Чета чет юр''*
женщина как.бы.ни.было цена-VDN.Pres-Prob-s3 теперь четыре сто
тэ-д-ми хана-псу-дм.
олень-Dest-Acc.1 взять-Deb-o1
‘Невеста, **наверное, дорого ценится**. Мне придется теперь взять с собой четыреста оленей’ (Лабанаускас: 36).

В (6) говорящий также не апеллирует к каким-либо особенностям внешности (изможденный внешний вид) или поведения (жадные взгляды, бросаемые на еду) адресата, утверждая, что адресат, вероятно, устал и голоден. Это суждение опирается только на то, что говорящий знает – девушка прошла довольно долгий путь, а в такой ситуации люди обычно успевают устать и проголодаться:

- (6) *Чедāв* *ңōр-ъи-н.* *Понку ядер-чь* *никада-на-кэ-н,*
теперь есть-Snj-s2 долго ходить-Inf устать-Pres-Prob-2
мэн харбила-на-кэ-н
сытость-2 захотеть-Pres-Prob-s2
‘Поешь теперь. От долгой ходьбы ты, **наверное, устала и проголодалась**’ (Лабанаускас: 13).

3. Форма, в которой сочетание показателя причастия настоящего времени *-na/-ta/-da* и пробабилитивного суффикса *-qxiə* дополнительно предшествует показателю будущего времени *-nə/-tə/-ŋgo*. Эта форма имеет референцию к будущему времени как и форма, представленная

⁵ С. И. Буркова специально отмечает отличие презюмтива от другой формы эпистемической модальности – аппроксиматива, употребляющейся в том случае, если эпистемическая оценка строится на непосредственном восприятии ситуации говорящим.

в п. 4, поэтому значения обеих форм удобно обсудить после второй группы примеров после того, как читатель ознакомится с ними:

- (7) *Ни-хва-б-то'* *тара'* *хад* *тане-сети-Ø.* *Хад-хана*
 Neg-Emph-VACond-3Pl надо-Сп пурга иметься-Nab-s3 пурга-Loc
сю'-м *е-т-на-кы-Ø.*
 PronAcc-1 потерять-Fut-Pres-Prob-s3
 'Хорошо бы поднялась пурга (досл: Когда не нужно, бывает пурга. В пургу он меня, **наверное, потеряет**' (Куприянова 1965: 302);
- (8) ... *ваук-ха''* *уосла-вы* *хано-да* *мание-Ø* *уани,*
 яма-LatPl склониться-PtPraet нарта-AccPl.3 увидеть.Аок-s3 опять
ман-ма-Ø: – *Чедāv* *соду* *ныкла-уго-да-на-кы-''*
 сказать-Infer-s3 теперь.Emph поводок-Pl.3Pl порваться-Fut-Pres-Prob-s3Pl
 '... увидел накренившиеся в ямы нарты и сказал: «Теперь-то постромки, **наверное, порвутся**»' (Лабанаускас: 48).

4. Сочетание пробабилитивного показателя *-qxǝ* с предшествующим показателем дебитива *-bca*, как уже упоминалось выше, эта форма также имеет референцию к будущему времени:

- (9) *Мань поер-чь* *ехэра-дм.* *Не-ми* *хэ-пса-кы-Ø.*
 я рубить.дрова-Inf не.знать.Аог-s1 жена-1 сходить.за-Deb-Prob-s3
 [– Сам доставляй дрова для своего чума!]
 '– Не мое дело ездить по дрова! Жена, **думаю, должна ездить**' (Лабанаускас: 62);
- (10) *Хар-ти'* *мя-кна* *ни-ди'* *торомда-бца-кэ-'*.
 сам-3Du чум-Loc товарищ.Pl-3Du привыкнуть-Deb-Prob-s3Pl
 [Жених приехал жить в стойбище невесты, сидит на улице, не хочет войти в чум семьи невесты. Отец невесты говорит: '– Женщины, поставьте чум. Он не хочет войти в наш чум. Он никогда нас не видел, поэтому он нас боится.] 'Они, **наверное, должны привыкнуть** друг к другу в отдельном чуме.' (Куприянова, 1965: 317).
- (11) *Эдале-да-ко* *таня-вы-Ø-не'*, *то-бца-кы-Ø.*
 ездить-PtPraes-Dim иметься-Infer-s3-NegEmph прийти-Deb-Prob-s3
 [Так шагая, я дошел до кучи бревен. Тут оказался санный путь. Видимо, кто-то увозил дрова. Я подумал: «Я очень устал.»] 'Есть ездок, он, **наверное, должен приехать**' (Куприянова, 1965: 321–322).

Теперь следует рассмотреть семантическое различие между формами, проиллюстрированными примерами из группы 3 и группы 4. С. И. Буркова комментирует только значение формы *-bca-qxǝ*: она указывает, что показатель *-bca* «выражает значение “ментального” проспектива, указывающего на предопределенность некоторой потенциальной ситуации намерениями говорящего, либо реже внешними по отношению к участнику описываемой ситуации обстоятельствами, наблюдаемым говорящим или известными ему» (Буркова, 2010: 286). Значение «ментального» проспектива С. И. Буркова при этом относит к эвиденциальным значениям – хотя в более традиционной трактовке дебитив связывается с модальностью необходимости или долженствования, а также с эпистемической необходимостью. Отнесение этого показателя к группе эвиденциальных позволяет С. И. Бурковой, в частности, объяснить с чисто синхронных позиций сочетаемость этого показателя с показателем эпистемической

возможности – пробабилитивным *-qxiä*. В данной статье в группах 3 и 4 примеры были подобраны таким образом, чтобы среди них не было примеров с 1-м и 2-м лицом: формы с показателем *-qxiä* (являющемся показателем эпистемической возможности) при употреблении по отношению к локуторам легко развивают дополнительные значения вежливого предложения, побуждения, вежливого выражения собственных намерений (как правило, намерений сделать что-то самостоятельно, не привлекая слушающего) и т. п. При сопоставлении примеров с 3-м лицом видно, что разница между примерами из 3 и 4 группы не так велика и скорее обусловлена (в случае группы 4) приращением дебитивной, нежели эвиденциальной семантики. Так, в примере (9) форма *-bca-qxiä* комбинирует выражение деонтической необходимости (необходимость совершения действия лицом социально более низкого статуса – женой) со значением пробабилитива (маркирующего мнение имеющего более высокий социальный статус говорящего о мироустройстве как основание для суждения). Усматривать в этом примере специфическую эвиденциальную семантику кажется излишним. Пример (10) невозможно однозначно интерпретировать как выражающий значение внутренней необходимости (молодожены должны в уединении привыкнуть друг к другу) либо как эпистемическое долженствование, то есть высокую степень уверенности (молодожены в уединении наверняка привыкнут друг к другу), пример (11) определенно выражает эпистемическое долженствование – эпистемическая оценка основана на анализе внешних обстоятельств, в которых, исходя из общих законов миропорядка, будущая ситуация наступит с высокой вероятностью. Теперь перейдем к примерам из группы 3. Пример (7) является транспонированием чистого презумптивного значения (суждения, выносимого исходя из общих знаний о мире) в сферу будущего времени. Но в примере (8) контекст, по сути, не отличается от контекста примера (11): в обоих случаях присутствует определенный набор внешних обстоятельств, на основании анализа которых, исходя из общих представлений о мироустройстве, говорящий выносит суждение о наступлении будущей ситуации. Усматривать между (8) и (11) разницу в источнике информации о будущей ситуации – разницу такого порядка, которая предопределила бы интерпретацию этих примеров как представляющих различные эвиденциальные формы – все же не удастся. Нисколько не умаляя достоинства тонкого семантического анализа этих форм в работе С. И. Бурковой – анализа, значительно превосходящего по глубине и точности, например более позднюю грамматику (Nikolaeva, 2014), в данном случае видится по отношению к ряду форм более оправданным не столь последовательное применение структурного подхода, при котором семантика морфологически неэлементарных форм представляется как сумма значений морфем, образующих составной показатель. Некоторые такие комбинации следует рассматривать уже как идиоматизированные. Например, показатель *-bca-qxiä* представляет собой уже семантическую амальгаму, что снимает проблему сочетания двух показателей одной категории (эпистемической модальности в данном случае) в одной словоформе.

Надо сказать, что эта проблема, очевидно, изначально и не возникала: в этой работе этимология пробабилитивного показателя указывает на исконно аналитическую конструкцию, а в аналитической конструкции требований к тому, чтобы в пределах конструкции не было дублирования выражения одного и того же значения, конечно, нет.

5. Форма, в которой сочетанию показателя инферентива *-we/-me ~ -wiä/-miä* и пробабилитивного суффикса *-qxiä* дополнительно предшествует показатель будущего времени *-nä/-tä/-ŋgo*, форма имеет значение ирреалиса⁶:

(12)	<i>Чедāв</i>	<i>не</i>	<i>ню-ни</i>	<i>мюд</i>	<i>тэд</i>	<i>нянэся</i>
	теперь.Emph	женщина	ребенок-Gen.1	аргиш	олень-P1.2	правда

⁶ Сочетание в одной глагольной форме, синтетической либо аналитической, футурального и претеритального показателей для выражения ирреальной семантики обычно для северно-самодийских языков.

<i>хо-д.</i>	<i>Ню-ми</i>	<i>ха-вы</i>	<i>ңэ-п-та</i>	<i>чуку</i>
найти. Aor-op12	ребенок-1	умереть-PtPraet	быть-VACond-3	этот
<i>ты-да</i>	<i>таси</i>	<i>илаң-гана</i>	<i>мэт-ңго-ва-кы-да.</i>	
олень- Acc.Pl-3	нижний	мир- Loc	использовать-Fut-Infer-Prob-op13	

‘Теперь ты, действительно, нашел оленей из аргиша моей дочери. Если бы она умерла, она **запрягала бы, наверное**, этих оленей в потустороннем мире.’ (Лабанаускас: 27).

Итак, во всех формах из этого ряда показатель *-qxiä* выражает значение эпистемической оценки, основанной на общих знаниях о мироустройстве. Но для этимологизации данного показателя важна не только семантика, но и его морфологические свойства, а именно его позиция в словоформе: как уже обсуждалось, он занимает слот после причастных показателей. Если бы показатель пробабилитива происходил из какого-либо деривационного суффикса, его позиция была бы в конце основы до грамматического показателя причастия, если бы из интраклитики (об интраклитиках см. (Жданова, 2000; Буркова, 2010: 333–341)) он занимал бы позицию после словообразовательных показателей, но до словоизменяемых, то есть также предшествовал бы причастному показателю. Соответственно, наиболее вероятным выглядит предположение о стяжении какой-либо конструкции, в которой причастная форма знаменательного глагола сочеталась со вспомогательным глаголом либо частицей. Праформа этого показателя на основании данных тундрового ненецкого восстанавливается как **-t³kâjâ* (развитие последовательности **-âjâ* > т. нен. *iä* можно проиллюстрировать, например, формой перфективного (пассивного) причастия: **-mâä* (ср. нг. *mää*) > т. нен. *-miä ~ -wiä*).

2. Пробабилитив в нганасанском

В нганасанском есть вспомогательный элемент *äki*, который может выступать либо как частица, согласующаяся по числу с подлежащим (либо, что то же самое, со смысловым глаголом), см. (13)), либо как спрягаемый глагол с дефективной парадигмой (и в корпусе, и в грамматике (Wagner-Nagy, 2018) можно найти только спрягаемые формы презенса этого глагола), в последнем случае смысловой глагол имеет форму коннегатива, см. (14). Б. Вагнер-Надь обращает внимание на две нестандартные особенности этого вспомогательного глагола: он всегда стоит после смыслового глагола⁷ и не имеет собственного гармонического класса, уподобляясь по гармонии смысловому глаголу (Wagner-Nagy, 2018: 102–103), ср. (14) с формами U-гармонии и (15) с формами I-гармонии. Б. Вагнер-Надь считает, что первичной была частица *äki*, лексикализовавшаяся во вспомогательный глагол (Wagner-Nagy, 2018: 102–103). Вспомогательный глагол при этом образует более грамматикализованную конструкцию: проверка по нганасанскому корпусу показала, что частица, в отличие от вспомогательного глагола, является гармонически независимой. Значение частицы *äki* и вспомогательного глагола *äki-/äkj-* – маркировать предположение, основанное на общих знаниях о мире. Так, примеры (13) и (14) представляют собой комментарии рассказчика к рассказываемому им тексту: в обоих случаях известная ему каноническая версия текста, очевидно, не содержит никаких сведений о том, что вынесено в его комментарий, однако из общих знаний о миропорядке он с высокой степенью вероятности может утверждать, что на стойбище должна быть собака (или, как сам он себя поправляет, даже, скорее, собаки, а не собака) и что братья говорят друг с другом на одном (родном для них обоих) языке. А в (15) говорящий из общих соображений утверждает, что люди не всегда рады, когда к ним приходят в гости слишком большой компанией.

⁷ Обычный отрицательный глагол стоит в препозиции к смысловому и может уходить в постпозицию только в особой конструкции, которая в итоге имеет значение эмфатического утверждения, см. об этой конструкции (Гусев, 2020).

- (13) *Тә, тах. тәни?иа малүтү-ндә-туң, каңгүчекүәнәи?,*
 вот Excl так жить.на.одном.месте-Praes-s3P1 когда.то
бана-?ку-туң тәи-сюә-Ø әку-Ø бану-чуң
 собака-Dim-3P1 иметься-Praet-s3 Pres собака-P1.3P1
тәи-сюә-? әку-?, банә-? логиалә?-мыны-чиң.
 иметься-Praet-s3P1 Pres-P1 собака-P1 залаять-Aud-3P1
 ‘Так они жили, когда-то, собачка **была, наверное**, у них, **может**, собаки **были**, собаки залаяли, слышно’;
- (14) *Тә, тәти ниньбтiа-?ку-зу муну-муну-чу һадя-ту дя,*
 вот теперь старший-Dim-3 сказать-Aud-3 брат-Gen.3 к
һонә-н-ту сиәде-мәнү-нту буә? әку-ту-Ø<...>
 сам-Gen-3 язык-Prol-3 говорить-Cп Pres-Praes-s3
 ‘Старший сказал своему брату, на своем родном языке, **наверное, говорит**: <...>’
- (15) *Тәти канә-гүә салдаатә-рә мынтыде-?, куә хирә-гүә,*
 теперь сколько-Emph солдат-2 взять-imps2 какой высота-Emph
бәнъдикаа ни-не мынтәлә-?, һукәгәә мазай-чу минтiагәны
 весь Neg-impopl2 брать-Cп много гостить-PtPraes вероятно
ни-? әкы-ты-Ø ху-?, канә-гүә-рә кои-?
 Neg-s3P1 Pres-Praes-s3 хотеть-Cп сколько-Emph-2 оставить-imps2
 ‘Сколько-то солдат с собой возьми, всех не бери, много гостей они, **может быть, не хотят**, сколько-то оставь’.

3. Пробабилитив в лесном энецком

В лесном энецком есть застывшая форма, которая может употребляться либо в значении пробабилитива будущего времени (16), (17), либо в значении хабитуалиса (18), (19) с дополнительным компонентом эмфатической ассерции (это значение легко выводимо из первого, см. комментарии в переводах примеров (18) и (19):

- (16) *Амули-р ань техе, тэза, тэза не-хи дябу-да-Ø,*
 черт-2 опять потом сейчас сейчас ребенок-Du[Acc] догнать-Fut-s3
ань то-зкода-Ø чики мя-т.
 опять прийти-Pres-s3 тот чум-Lat
 ‘Великанша-то вот, сейчас детей догонит, тоже **наверняка придет** в этот чум’ (Сорокина, Болина, 2005: 61 // текст 12, предл. 170);
- (17) *Модь-хо но-ны-нь то-о һир һа-Ø.*
 я-Emph к-Лос-1 прийти-Nmlz высота быть.Aor-s3
То-хоо-сы то-зкода-Ø чики-р.
 прийти-Emph-Inf прийти-Pres-s3 тот-2
 ‘По-моему, он в силах прийти. Прийти-то **придет он, думаю**’ (Сорокина, Болина, 2005: 126// текст 23, предл. 51–52);
- (18) *Эчуй кане-хаз мят ме кабе-раха э-зкода-Ø.*
 Ребенок [-GenP1] уйти.Nmlz-El чум-Lat чум мертвый-Comp быть-Pres-s3
 ‘После отъезда детей домой чум как вымершим **бывает**’ (= ‘как вымерший, конечно, будет’) (Сорокина, Болина, 2005: 79 // текст 71, предл. 79);

- (19) *Ани-хин* *кадя-ць* *дязу-бу-та* *нери* *неузумною*
 опять-LocPl охотиться-Inf ходить-VACond-3 всегда вечером
куру-ун ***то-зкода-Ø***
 куда-ProI прийти-Pres-s3
 ‘Когда он иногда уходит охотиться, всегда вечером вовремя **приходит** (= ‘вечером
 вовремя, конечно, придет’)’ (Сорокина, Болина, 2005: 190 // текст 45, предл. 25).

В лесном энецком эти презумптивные формы встречаются редко: зафиксированы только формы 3-го лица единственного числа субъектного спряжения и только от двух глаголов: *to-* ‘прийти’ и *e-* ‘быть’. Формы эти выглядят как *to-δkoda* и *e-δkoda* соответственно. Показателем презумптива является составной суффикс */-δ[V]koda/* – трехсложная структура показателя и в этом случае указывает на стяжение аналитической конструкции – и логично предположить, что в этой конструкции участвовал тот же вспомогательный элемент, который сохраняет самостоятельность в нганасанском. Оба глагола – *to-* ‘прийти’ и *e-* ‘быть’ – этимологически представляют собой основы с **j* в ауслауте, соответственно, первый согласный *δ* презумптивного показателя лесного энецкого может отражать кластер **nt* (финальный *j* основы и начальный кластер *nt* суффикса образуют трехсложный кластер, который упрощается следующим образом: **jnt>jt>t>* эн. *δ*). Соответственно, в энецком мы имеем показатель вида:

*-ntâ-t ³ ko-ntâ	vs.	*-ntâ=t ³ kâ-ntâ
-Fut/Np.Cn=t ³ ko-Fut		PtPraes=t ³ kâ-Fut-

В первом случае (если предполагать, что в конструкции произошло стяжение с коннегативом смыслового глагола) конструкция оказывается ближе к нганасанской (футуральный показатель в северно-самодийских языках закономерно остается в коннегативной форме смыслового глагола):

*ОСНОВА-*ntâ-t³ko-ntâ* < *ОСНОВА-*ntâ-?* *ât³ko-ntâ*
 *ОСНОВА-Fut/Np-Cn Pres-Fut

Между энецким и нганасанским редко, но встречается соответствие нг. *и* = эн. *о*, ср. нг. *тухы* ‘пуговица’, т. эн. *tobe* ‘застежка в оленьей упряжи’.

Во втором случае (если предполагать, что в стяжении участвовала причастная форма смыслового глагола) конструкция оказывается ближе к ненецкой.

*ОСНОВА-*ntâ-t³kâ-ntâ* < *ОСНОВА-*nta* *ât³kâ-ntâ*
 *ОСНОВА-PtPraes Pres-Fut

Вторая интерпретация кажется предпочтительнее. Дело в том, что эта форма свойственна только лесному энецкому и она выглядит инновацией на фоне общеэнецкого презумптива с показателем *-ta*, ср. пример (20) из тундрового энецкого и (21) из лесного энецкого:

- (20) *Mod'i* *s'ii?* ***i-ta-?*** *soode-??*
 я PronAcc-1 Neg-Pres-s3Pl видеть-Cn
 [Чуть на меня не бросают <тесанный лес>. Что такое с ними?] ‘Наверно, они не видят
 меня?’;

- (21) *Каса-р* *тука-хо-за,* *обу-за,* *тука-за* *нери* *иҥа-Ø*
 товарищ-2 топор-Emph-3 что-3 топор-3 всегда Assert-s3
тонэ, *куру-за* ***тонэ-тау,*** *онэй* *энчи*
 иметься[-Cn] нож-3 иметься-Pres.Emph.s3 настоящий человек

ηа ниу.
 быть [.Cn] Neg.Emph.s3

‘Что касается этого товарища, топор-то, что ж, топор у него, конечно, всегда есть, думаю, нож есть, он ведь энец’ (Сорокина, Болина, 2005: 281 // текст 78, предл. 38).

Итак, учитывая наличие общеэнецкой формы презумптива, а также хорошо известный факт влияния тундрового ненецкого на лесной энецкий, можно думать, что в лесном энецком форма с показателем *-δkoda*, скорее всего, возникла под влиянием ненецкого. Причем учитывая, что она зафиксирована только для двух глаголов, она не является полноценной формой глагольной парадигмы: скорее, ее можно рассматривать как «застывшее» заимствование, использование которого расширяет возможности языка традиционного фольклора. Вместе с тем эта форма хоть и близка ненецкой, но не тождественна ей, что показывает, что заимствование в лесной энецкий произошло тогда, когда аналитическая конструкция в ненецком еще не стянулась и второй элемент в ней вел себя как вспомогательный глагол. Это, в частности, позволило присоединить к нему в лесном энецком футуральный показатель (*-δko-da*) аналогично тому, как в нганасанском к нему присоединяется презентный показатель (*эку-ту ~ эку-ты*).

Заключение

Таким образом, в трех северно-самодийских языках мы находим аналитические конструкции (конструкция стянулась в синтетическую форму в тундровом ненецком и лесном энецком и демонстрирует сильные ограничения на морфологическую форму вспомогательного элемента в нганасанском) со значением пробабилитива. Возвести эти три конструкции к единой праформе при этом невозможно. Во-первых, не получается напрямую отождествить элементы, отражающие в трех названных языках вспомогательный глагол:

- в нганасанском это спрягаемый элемент, возводимый к форме **â³kâ(-Praes)-Px* либо частица, возводимая к праформе **â³ka-Sg²Du/Pl*;
- в лесном энецком это реликт спрягаемого элемента, возводимый к праформе *ât3kâ-Fut(-Px)*;
- в тундровом ненецком суффикс *-qxîä* отражает праформу типа **â³kâ-jâ-Px*, в которой элемент *-jâ*, возможно, является атрибутивным показателем.

Различие в вокализме (**â* в нганасанском, **ê* в тундровом ненецком и энецком), вероятно, объясняется нерегулярными фонетическими изменениями, сопровождавшими стяжение аналитической конструкции.

Во-вторых, вспомогательный элемент может предъявлять различные требования к оформлению смыслового глагола:

- в нганасанском, если вспомогательный элемент спрягается, глагол стоит в форме коннегатива, если же вспомогательный элемент является частицей, он сочетается с любой финитной формой смыслового глагола;
- в тундровом ненецком, вероятно, вспомогательный элемент спрягался сам и при этом сочетался с тремя спрягаемыми формами смыслового глагола: презумптивом (восходящим к имперфективному причастию), инферентивом (восходящим к перфективному причастию) и дебитивом. Затем при стяжении аналитической конструкции личные показатели остались только на вспомогательном элементе;
- в лесной энецкий, вероятно, была заимствована аналитическая презумптивная форма тундрового ненецкого – смысловой глагол, так же как в аналогичной форме тундрового ненецкого, оформлен показателем имперфективного причаствия, но вспомогательный глагол в лесном энецком при этом отражает не зафиксированную для тундрового ненецкого стадию, в которой вспомогательный элемент сохранял возможность присоединять собственные показатели глагольных грамматических значений.

Итак, в северно-самодийских языках есть ряд форм с общим презумптивным значением, связанных общностью происхождения из аналитических конструкций с фонетически сходным вспомогательным элементом. Тем не менее, как видим, эти конструкции окончательно оформились независимо в каждом из трех языков (возможность варьирования структуры аналитической конструкции нганасанский сохраняет и на синхронном уровне).

Список сокращений:

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо; Acc – аккузатив; Aor – аорист; Aud – аудитив; Cn – коннегатив; Cnj – конъюнктив; Comp – компаратив (форма уподобления чему-либо); Deb – дебитив; Dest – дестинатив; Dim – диминутив; Du – двойственное число; El – элатив; Emph – интраклитика с эмфатическим значением; Excl – восклицание; Fut – будущее время; Gen – генитив; Hab – хабитуалис; imp – личные показатели императивной парадигмы; Inf – инфинитив; Infer – инферентив; Lat – латив; Loc – локатив; LocAdv – показатель локативного падежа, используемый в наречиях и послелогах; Neg – отрицательный вспомогательный глагол; Nmlz – номинализация; Nr – имперфектив; o – объектное спряжение; opl – объектное спряжение при объекте множественного числа; Pl – множественное число; PN – имя собственное; Praes – настоящее время; Praet – прошедшее время; Pres – презумптив; Prob – пробабилитив; Prol – пролатив; PronAcc – основа, используемая для образования аккузативных форм личных местоимений; PtPraes – имперфективное причастие; PtPraet – пурфективное причастие; s – субъектное спряжение; VACond – условное деепричастие; VDN – суффикс отыменного глагола.

Источники:

Лабанаускас К. И. (сост.). Ямидхы “лаханаку” – Сказы седой старины. М.: Русская литература, 2001.
Сорокина И. П., Болина Д. С. Энецкие тексты. СПб: Наука, 2002.
Куприянова З. Н. (сост.). Эпические песни ненцев. М.: Наука, 1965.

Литература:

Aikhenvald A. Yu. Evidentiality. Oxford: Oxford University press, 2004.
Nikolaeva I. A Grammar of Tundra Nenets. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014 (Mouton Grammar Library, 65).
Salminen T. Tundra Nenets Inflection. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997. (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 227)
Salminen T. A Morphological Dictionary of Tundra Nenets. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998 (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXVI).
Wagner-Nagy B. A Grammar of Nganasan. Leiden; Boston: Brill, 2018.
Буркова С. И. Краткий грамматический очерк восточных говоров тундрового диалекта ненецкого языка // С. И. Буркова, Н. Б. Кошкарева, Р. И. Лаптандер и др. (сост.). Диалектологический словарь ненецкого языка. Тюмень: БАСКО, 2010. С. 179–349.
Гусев В. Ю. ‘Разве он дороги не знает’: к грамматикализации риторических вопросов в северно-самодийских языках // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. P. 53–94. DOI: 10.30842/alp2306573716303
Жданова Т. Ю. Об интраклитических частицах в северно-самодийских языках (на материале ненецкого и нганасанского языков) // Congressus Novus internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II. Tartu. 2000. P. 287–288.
Плунзян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Урманчиева Анна Юрьевна.
Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Институт лингвистических исследований РАН.

Тучков пер., 9, Санкт-Петербург, 199004.

E-mail: urmanna@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 13 ноября 2022 г.

A. Yu. Urmanchieva

ON THE ETYMOLOGY OF THE PROBABILITATIVE SUFFIX -QXIӘ IN THE LANGUAGE OF THE TUNDRA NENETS

The article proposes the etymology of the suffix *-qxiә*, which is part of several morphologically complex verbal grammatical markers of the Tundra Nenets language. In recent publications, most of these forms use the terms probabilitive or probabilistic. The probabilitive suffix denotes an epistemic estimate based on common knowledge. This suffix has a non-trivial morphological position in the Tundra Nenets language: it is used as the second component in compound markers, the first component of which may be a morpheme based on suffixes of the perfective or imperfective participle. Conversely, no morphemes other than personal suffixes can be used after participial suffixes in the Tundra Nenets language. Grammatical markers historically related to Tundra Nenets *-qxiә* are found in the Forest Enets and Nganasan languages. In the Forest Enets language, the cognate morpheme is also part of a compound affix where the preceding component goes back to a participial suffix, as in the Tundra Nenets language. In Nganasan, the cognate marker with the same meaning is a syntactically independent element that can be used either as a particle attached to any finite verb form or as an auxiliary that marks the main verb with a connegative suffix. The nontrivial morphological position of the marker in the Tundra Nenets language and its cognate in the Forest Enets language suggests that the forms under consideration in these languages also derive from auxiliary constructions. At the same time, the structure and grammatical form of the elements of these constructions have developed independently in each of the three languages.

Keywords: *Etymology, verbal morphology, Northern Samoyedic languages, Tundra Nenets language, Enets language, Nganasan language*

References:

- Aikhenvald A. Yu.** Evidentiality. Oxford: Oxford University press, 2004.
- Burkova S. I.** Kratkiy grammaticheskiy ocherk vostochnykh govorov tundrovogo dialekta nenetskogo yazyka [A brief grammatical sketch of the Eastern varieties of the Tundra dialect of the Nenets language]. In: S. I. Burkova, N. B. Koshkareva, R. I. Laptander et al. (comp.). *Dialektologicheskiy slovar' nenetskogo yazyka* [Dialectological dictionary of the Nenets language]. Tyumen': BASKO, 2010. P. 179–349.
- Gusev V. Yu.** 'Razve on dorogi ne znayet': k grammatikalizatsii ritoricheskikh voprosov v severnosamodiyskikh yazykakh ['Does not he really know the way': On grammaticalization of rhetoric questions in North Samoyed languages] // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020. Vol. 16.3. P. 53–94. DOI: 10.30842/alp2306573716303
- Nikolaeva I.** *A Grammar of Tundra Nenets*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2014 (Mouton Grammar Library, 65).
- Plungian V. A.** *Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira* [The Introduction into Grammatical Semantics: Grammatical Meaning and Grammatical Systems of the World's Languages]. Moscow: RSUH, 2011.
- Salminen T.** *A Morphological Dictionary of Tundra Nenets*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1998 (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXVI).
- Salminen T.** *Tundra Nenets Inflection* Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997 (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia 227).
- Wagner-Nagy B.** *A Grammar of Nganasan*. Leiden; Boston: Brill, 2018.
- Zhdanova T. Yu.** *Ob intrakliticheskikh chastitsakh v svernosamodiyskikh yazykakh (na materiale nenetskogo i nganasanskogo yazykov)* [On Intraclitic Particles in North Samoyedic Languages (based on Nenets and Nganasan data)]. In: *Congressus Nonus internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II*. Tartu. 2000. P. 287–288.

Urmanchieva Anna Yuryevna
Candidate of Philology, senior Researcher.
Institute for Linguistic Studies RAS.
Tuchkov lane, 9, St. Petersburg, Russia. 190004.
E-mail: urmanna@yandex.ru

И. А. Хомченкова

РУССКИЕ СЛОВА В ОСЕТИНСКОЙ РЕЧИ: КОРПУСНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ¹

Осетинский язык (< ИРАНСКИЙ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ) взаимодействует с русским языком уже как минимум два столетия, и большинство осетин – осетино-русские билингвы. Влияние русского языка на развитие осетинской лексики, в частности проникновение русских слов, для которых нет осетинских аналогов, в лексический состав языка и их последующая адаптация (например, *скъола* ‘школа’, *стъл* ‘стол’ и др.), хорошо описано. В то же время внимания заслуживает и функционирование русских вкраплений, имеющих осетинские аналоги (например, *больница* вместо *рынчындон* ‘больница’). Представлено описание русских слов второго типа в осетинской речи (иронский диалект) на основе корпуса текстов, записанного в с. Даргавс. Общее количество русских единиц в рассматриваемых текстах сравнительно невелико, однако они встречаются в них достаточно регулярно. В данном исследовании, во-первых, представлены количественные данные их распределения: существительные и прилагательные являются самыми частотными, за ними следуют адвербиалы и дискурсивные маркеры; глаголы встречаются реже. Частицы, междометия и союзы употребляются на русском очень редко; немногочисленны и случаи межклаузального переключения. Во-вторых, рассмотрены структурные характеристики русских вставок в рамках теорий смешения и переключения кодов К. Майерс-Скоттон и П. Мейскена. Показано, что в терминологии рамочной теории матричного языка К. Майерс-Скоттон среди неоднословных русских словосочетаний частотны острова включенного языка (Embedded Language Islands); менее распространены смешанные составляющие (Matrix Language + Embedded Language Constituents), в которых русская лексика встраивается в морфосинтаксическую рамку осетинского языка; при этом словоформ с русскими морфологическими показателями (отличающимися от «немаркированных» форм) крайне мало. Также в терминах П. Мейскена для осетинской речи более характерна инсерция (insertion), чем альтернация (alternation), а надежных случаев конгруэнтной лексикализации (congruent lexicalization) не представлено. Таким образом, по характеру и количественному распределению русских вставок осетинский ведет себя как язык, не подвергающийся языковому сдвигу.

Ключевые слова: билингвизм, смешение кодов, корпусный анализ, русский язык, осетинский язык

Введение

Осетинский язык (< ИРАНСКИЙ < ИНДОЕВРОПЕЙСКИЙ) распространен на территории Республики Северная Осетия – Алания и Республики Южная Осетия. Согласно переписи 2010 г., на территории России около 450 тыс. человек владеет осетинским языком. В нем выделяют два диалекта – иронский и дигорский. Дигорский является более архаичным (см., например, (Абаев, 1949: 360)). Оба диалекта имеют письменную традицию, но иронский более распространен ввиду большего количества носителей.

Большинство осетин – осетино-русские билингвы (см. описание взаимодействия осетинского и русского языков в (Камболов, 2007)). Социолингвистическая ситуация для осетинского также описана, например, в (Валиева, 2012). Осетинско-русский билингвизм широко распространен как минимум сто лет. Информации о многоязычии до 1917 г. не так много; ожидается, что в XIX в. осетины (в Северной Осетии) также владели кабардинским, карачаево-балкарским и/или одним из нахских языков (Belyaev, 2019: 469).

В данной работе представлен корпусный анализ русских вставок, имеющих осетинские аналоги, в речи осетинско-русских билингвов (иронский диалект) на материале текстов, записанных в с. Даргавс коллективом экспедиции под руководством А. П. Выдрина в 2007–2009 гг. (см. подробнее раздел 1).

Существуют работы, посвященные влиянию русского языка на развитие осетинской лексики. Так, Т. А. Гуриев всесторонне обсуждает русские слова, вошедшие в осетинский, включая их фонетическую адаптацию. Он отмечает, что «осетинский язык из русского заимствовал

¹ Исследование поддержано грантом РНФ 22-28-01639 «Создание двуязычной цифровой версии Историко-этимологического словаря осетинского языка В. И. Абаева».

слова университет, бригада, парламент, патефон и т. д. в советскую эпоху, так как только теперь явилась потребность в выражении тех понятий, которые обозначают эти слова» (Гуриев, 1962: 7), т. е. для этих русских слов нет осетинских аналогов (и в настоящей работе они не рассматриваются). Напротив, в (Дзодзикова, Кульчиева, 2016) приводятся примеры использования русских существительных, прилагательных, числительных, глаголов, частиц и междометий, которые употребляются вместо соответствующих осетинских слов.

Отдельным сложным вопросом является статус русских слов такого типа – являются ли они заимствованиями или случаями смешения кодов,² ср., в частности, (Poplack, 1988), где обсуждается, что степень фонологической и морфологической интеграции не являются надежными критериями. В (Treffers-Daller, 1991) отмечается, что ни один критерий не может точно разграничить заимствование и смешение кодов. Далее мы не обсуждаем этот вопрос, концентрируясь на дистрибуции русских слов и на том, как они интегрируются в осетинскую речь.

Мы проанализировали все русские элементы (существительные, прилагательные, числительные, глаголы, союзы и др.), имеющие аналоги в осетинском языке, которые встретились в текстах (см. о корпусе в разделе 1). Мы приведем иллюстрации различных типов русских вставок с осетинскими аналогами, как было сделано в (Дзодзикова, Кульчиева, 2016), и представим количественные данные распределения русских единиц в именной группе (раздел 2), в глагольной группе и клаузе (раздел 3). В разделе 4 обсудим возможный анализ русских вставок в рамках теорий смешения и переключения кодов К. Майерс-Скоттон (см., например, Myers-Scotton, 1993) и П. Мёйсkena (Muysken, 2000).

1. Корпус

Осетинский устный корпус включает тексты из с. Даргавс (Северная Осетия, 2007–2009 гг.), с. Гизель (Северная Осетия, 2009 г.), с. Цхинвал (Южная Осетия, 2010 г.), г. Алагир (Северная Осетия, 2011 г.) и насчитывает ок. 60 000 словоупотреблений (<https://www.ossetic-studies.org/ru/texts/iron>). Для данного исследования мы использовали тексты, записанные в с. Даргавс.

С. Даргавс находится в юго-западной части Пригородного района Республики Северная Осетия – Алания, приблизительно в 40 километрах к юго-западу от г. Владикавказа. Все жители этого села владеют как осетинским, так и русским языком; большинство детей усваивает осетинский как родной – несмотря на влияние русского языка, степень сохранности осетинского языка высока. В то же время он относится к «уязвимым» языкам (Moseley, 2010), поскольку многие люди переезжают из сел в города, где повсеместно используется русский язык.

Согласно (Выдрин, 2009: 176–177), на жителей этого села «в наименьшей степени отразилось влияние русского языка», во Владикавказе «осетинскую речь, свободную от чрезмерного употребления русских заимствований (имеющих в осетинском языке свои аналоги), можно услышать только от приезжих сельских жителей. Большинство осетин – жителей Владикавказа в значительной степени утратило свой язык и перешло на русский». З. И. Валиева также отмечает, что «в городах во всех сферах речевой деятельности преобладает русский язык, в то время как в сельской местности – осетинский» (Валиева, 2012: 117).

Подкорпус из с. Даргавс включает 20 текстов (ок. 10 000 словоупотреблений). В нем представлено 15 нарративных текстов (из них 6 – сказки), 2 диалога, одна инструкция (рецепт) и два описательных текста. Распределение русских слов по жанрам представлено в табл. 1 (при подсчетах в этой таблице не учитывались инструктивные и описательные тексты ввиду их маленького объема): русские слова частотны как в нарративах (за исключением сказок), так и в диалогических текстах.

² Вслед за (Muysken, 2001) мы понимаем под смешением кодов случаи, когда в одном предложении используются слова из двух языков.

Русские слова в осетинском корпусе: распределение по жанрам

Жанр	Кол-во русских слов	Кол-во клауз	Кол-во русских слов на одну клаузу, %
нарратив	56	196	29
диалог	98	438	22
нарратив (сказка)	10	163	6

Возраст носителей (на момент записи текстов) варьирует от 40 до 80; средний возраст составляет 65 лет (см. подробнее: <https://www.ossetic-studies.org/ru/about/consultants>). Как и ожидается, русские слова в речи сельских жителей встречаются не очень часто (но достаточно для их описания и анализа): процентное соотношение количества русских слов и клауз – 20 % (167 слов / 819 клауз).

2. Русские слова в именной группе

Большое количество русских элементов представлено **существительными**, см. список в (1). В скобках приводятся осетинские аналоги, указано, сколько раз слово встретилось в корпусе; подчеркнуты существительные, которые не относятся к исконно осетинским реалиям, но тем не менее имеют осетинский аналог.

(1) арми ‘армия’ (ос. *æфсад*; 3 раза), больница (ос. *рынчындон*; 3 раза), внук (ос. *фыртыфырт*), всё (ос. *цууылдар*), выходной (ос. *æнцойбон*), дарственная (ос. *дарственный*), дрож ‘дрожжи’ (ос. *цырв, æнхъызæн*), доля (ос. *хай*), завещани(е) (ос. *ныстуан*; 6 раз), заграница (ос. *фæсарæн*; 2 раза), задаток (ос. *развалгъау*; 3 раза), запас (ос. *æварæн*), заявлени (ос. *курдитат*), калекæ (ос. *цæнкуыл, гуылмыз*), квартира (ос. *фатер*; 3 раза), комнат (ос. *уат*), масæ ‘мясо’ (ос. *дзидза*), мусор (ос. *бырон*), надзиратель (ос. *цæстдарæг*; 2 раза), объявлений (ос. *хъусинаг*), пироги (ос. *чъиритæ*), подарæкк (ос. *лавар*; 2 раза), подход (в значении ‘нужен подход’, ос. *хи баласын*; 2 раза) покупатель (ос. *æлхæнаг*), приход (в значении ‘прибыль’, ос. *æфтиаг*), производство (ос. *куыстад*), сволочь (ос. *цъаммар*), семилетка (ос. *авдазон*), сметанæ (ос. *хъаймагъ*), спасибо (ос. *бузныг*), список (ос. *номхыгъд*; 3 раза), стихотворение (ос. *æмдзæвгæ*), сторож (ос. *гæс*), судья (ос. *тæрхонгæнаг*), целина (ос. *науу, заерæстон*), час (ос. *сахат*).

К осетинскому аналогу для слова *дарственная* мы условно относим форму *дарственный*, поскольку во втором случае русское слово адаптируется, теряя форму женского рода, ср. (2) и (3).

- (2) *кæд* *дам* *дын* *æй* ***дарственная*** *с-кодт-а*
 если мол 2SG.DAT 3SG.GEN PV-делать-PST.3SG
 {Они говорят: «смотри,} ‘если, мол, [дом] оформлен как дарственная,’ {то она его продаст, ты останешься на улице».} [«Дома и дети», 16.6];
- (3) *куыд* *ыс-кодт-ам* ***дарственный*** *æви,* *зæгъ-ын,* *завещани?*
 как PV-делать-PST.1PL дарственная или говорить-PRS.1SG завещание
 {Я позвонила Руфине, говорю:} ‘«Как мы оформили, – говорю, – дарственную или завещание?»’ [«Дома и дети», 16.8].

В некоторых случаях, несмотря на наличие осетинских аналогов, кажется, что русское слово в некоторых контекстах более уместно, чем осетинское (например, *целина*), и в разго-

ворной речи употребляется именно оно. Другими словами, его можно считать вошедшим в узус (Hasselmo, 1970; цит. по Poplack, 1980: 598). Некоторые слова из списка также встречаются (хотя и редко) в осетинском национальном корпусе (http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru): *квартира, надзиратель, сволочь*.

Интересные случаи представлены лексемами *подход* и *приход*. Лексема *подход* используется в сочетании с глаголом *хъæуын* ‘быть нужным’, как в (4), т. е. происходит калькирование русского выражения. В осетинском же в таком значении употребляется сочетание *хи баласын* ‘суметь подойти, найти подход’ (см. https://iron_rus.academic.ru/19632/хи+баласын). Лексема *приход* употребляется в значении *прибыль* и является бухгалтерским термином, в русском языке сочетание *сделать приход* не распространено в обиходе.

- (4) *Подход, дам, хъæу-ы лæг-мæ, подход.*
 мол быть_нужным-PRS.3SG человек-ALL
 ‘Подход, мол, нужен к человеку, подход’ [«Дома и дети – 2», 135.5];
- (5) *æмæ тынг бирæ приход кодт-а Митя Куыдзиаг-æй*
 и очень много прибыль делать-PST.3SG Митя Кузиаты-ABL
 ‘Была большая прибыль от Мити Кузиаты’ [«Охота на туров», 1.8].

Русские существительные присоединяют осетинские суффиксы: показатели множественного числа (6), падежные показатели (7), но могут и сохранять русскую морфологию (8).

- (6) *æмæ уым цæр-ыну гъер нæ внук-тæ, нæ бæрæг*
 и там жить-PRS.3PL сейчас POSS.1PL внук-PL 1PL.GEN заметный
кæн-ыну, алы выхондой-тт-ы дæр ам вæйй-ыну
 делать-PRS.3PL каждый выходной-PL-IN ADD здесь бывать-PRS.3PL
 ‘И там они живут, наши внуки нас проводят, каждые выходные бывают здесь’ [«Автобиография Марии Батиевой», 5.5];
- (7) *афтæ больница-мæ мæ цæу-ын нæ хъуыд-и*
 так больница-ALL 1SG.GEN идти-INF NEG быть_нужным-PST.3SG
операци-мæ
 операция-ALL
 ‘тогда в больницу мне не надо было идти на операцию’ [«Дома и дети», 6.3];
- (8) *æмæ сын æз ну тур-ы масæ-йæ фыдджын-тæ*
 и 3PL.DAT 1SG ну тур-GEN мясо-ABL пирог_с_мясом-PL
с-кодт-он пироги фыдджын-тæ с-кодт-он æмæ...
 PV-делать-PST.1SG пирог_с_мясом-PL PV-делать-PST.1SG и
 ‘и я им из мяса тура сделала фыдджыны, пироги, фыдджыны сделала и...’ [«Охота на туров», 1.22].

В некоторых случаях мы наблюдаем дублирование: в (8) русское слово *пироги* использовано в одном предложении с осетинским словом *фыдджын* ‘пирог с мясом’; в (9) русское слово *всё* употребляется наряду с осетинским *иууылдæр* ‘всё, все’.

- (9) *уже документ-тæ а-давт-а, домовой, купля-продажа, всё,*
 документ-PL PV-нести-PST.3SG домовая_книга
лицевой-тæ, иууылдæр
 лицевой_счет-PL все
 ‘Уже документы отнес, домовую книгу, купля-продажа, все, лицевой, все’ [«Дома и дети», 6.6].

Встретились также именные группы с **прилагательными**, см. (10а). В ряде случаев русские прилагательные употребляются с исконно русскими словами, но не имеющими аналогов в осетинском (10б). Некоторые примеры представлены сочетанием русского прилагательного с исконно осетинским словом (10в).

- (10) а. *английский язык, детски кроватка, знаменитый охотник, общий двор*;
 б. *американский [президент], газовый [пец], геолого-разведочный [партий], какой [дарственный], подсолнечный [масла], поисковый [партий], средни [скваля], уличны [басячка], электронный [факультет]*;
 в. *верхний [Саниба 'Саниба'], знаменитый [абыраг 'абрек'], общий [каерт 'двор']*.

Осетинские прилагательные часто содержат суффиксы *-он* и *-аг*, что позволяет отличать их от русских прилагательных, ср. рус. *электронный* и ос. *электрон*, рус. *американский* и ос. *америкаг*, а также рус. *геолого-разведочный* и ос. *геологонразведкаганаг* (где *ганаг* происходит от глагола *канын* в форме причастия настоящего времени).

Н. К. Багаев отмечает, что «в разговорном языке часто употребляются имена прилагательные русского языка без перевода их на осетинский язык. В этом случае они обычно употребляются в форме мужского рода, независимо от того, определяемое этим прилагательным слово русское или нерусское» (Багаев, 1965: 203).

В некоторых случаях русские прилагательные употребляются без существительного. Это происходит либо в предикативной позиции, либо в случае эллипсиса (11).

- (11) а. предикативная позиция: *ненормальный, пьяный*;
 б. эллипсис: *коммунальный, одна (= однокомнатный), однокомнатный, простой, трех (= трехкомнатный; 2 раза), экономический*.

Прилагательные с элидированной вершиной могут также присоединять осетинские суффиксы, см. показатель суперэссива в (12) и показатель множественно числа в (13).

- (12) *О, одна дам, одна та дам с-каен-ут, ныр раз*
 да мол РТСЛ мол PV-делать-IMP.2PL сейчас
трех-ыл *отказать с-кодт-ай*
 трехкомнатный-SUPER PV-делать-PST.2SG
 'Да, однокомнатную, мол, сделайте, раз от трехкомнатной ты отказалась' {то давайте выделим часть ребенку} [«Дома и дети», 15.1];

- (13) *цы-даер простой-та ба-лхаедт-он махæдаг*
 что-INDEF простой-PL PV-купить-PST.1SG POSS.1SG.REFL
 'Какие-то простые [люстры] я купила сама' [«Дома и дети – 2», 34.11].

Аналогично примерам (8)–(9) с существительными дублирование лексики на двух языках наблюдается и в предложениях с русскими прилагательными. В (14) осетинское существительное *каерт* 'двор' заменено на русское; в (15) русское прилагательное дублирует осетинское прилагательное *расыг* 'пьяный'.

- (14) *æмае общий каерт-ы ба-лхаен-æд, общий двор-ы*
 и двор-IN PV-купить-IMP.3SG двор-IN
 'И пусть купит в общем дворе' [«Дома и дети», 7.10];

- (15) *уæртæ уым с-расыг и пьяный*
 вон там PV-пьяный быть.PRS.3SG
 ‘Там стал пьяным’ [«Охота на туров», 1.25].

Также было зафиксировано употребление русского кванторного слова в сочетании с существительным (16). (Отметим, что в этом случае местоимение *весь* согласуется с существительным *жизнь*.)

- (16) *Всю жизнь йæ мад æмæ йæ фыд наæ цæр-дз-ысты* [нрзб]
 POSS.3SG мать и POSS.3SG отец NEG жить-FUT-3PL
 ‘Всю жизнь ее мать с отцом жить не будут...’ [«Дома и дети – 2», 39.1].

На русском языке также употребляются и **числительные** (см. также (Хомченкова, 2021) о соотношении русских и осетинских числительных в речи жителей с. Даргавс). В одном случае представлено сочетание русского количественного числительного и существительного во множественном числе (17), в другом случае – дробное числительное, сохраняющее русскую морфологию (18).

- (17) *æз пятьдесят лет уæлæ фыййау-мæ хъомгæс куы фæ-цыдт-æн*
 я вон_наверху пастух-ALL пастух ведь PV-идти-PST.1SG
 ‘Я ведь пятьдесят лет там, наверху работала пастухом’ [«Дома и дети – 2», 20.5];

- (18) *Раз сын с-кодт-он уæд одна пятая вот значит*
 3PL.DAT PV-делать-PST.1SG тогда
сывæллон дæр мæн дæр иумæ дзæбаех-дæр куыд уæм
 ребенок ADD я.GEN ADD вместе здоровый-CMPR чтобы быть.SUBJ.1PL
афтæ
 так
 ‘Раз я сделала одну пятую, значит, ребенок тоже мой, чтобы лучше вместе жили’ [«Аферистка», 1.8].

Порядковые числительные употребляются на русском значительно чаще, чем числительные других разрядов (по-видимому, это верно не только для осетинского языка, ср. (Хомченкова, Pleshak, 2021) о русских числительных в горномарийской и мокшанской речи). В четырех примерах русское числительное использовано в сочетании с русским существительным (во всех четырех случаях со словом *этаж*) и осетинской морфологией, как в (19).

- (19) *Кæд афтæ уæд первый этаж-ы ба-лхæн-æм*
 если так тогда -IN PV-купить-PRS.1PL
 ‘Ну если так, тогда на первом этаже мы купим’ [«Дома и дети», 4.6].

В восьми примерах русское порядковое числительное употреблено с осетинским существительным как в (20). Отметим, что в (20) также представлено дублирование числительного на осетинском языке.

- (20) *æмæ скъола ра-йдыдт-а сорок четвертый аз-ы, иу мин*
 и школа PV-начинать-PST.3SG ГОД-IN один тысяча
фараст сæдæ цыппур цыппæр-æм аз-ы
 девять сто сорок четыре-ORD ГОД-IN
 {После войны школы же не было,} ‘и школа началась в 44 году, в 1944 году’ [«Рассказ о жизни», 1.1].

Наконец, в пяти примерах русское порядковое числительное употребляется без существительных, напрямую присоединяя осетинскую морфологию (ср. также выше об эллипсисе при прилагательных), см., например, (21).

- (21) *æмæ пятый-т-æм ба-цъд-ыстæм*
и -PL-ALL PV-идти-PST.1PL
'И в пятый [класс] мы пошли' [Автобиография Марии Батиевой, 2.2].

Обобщим информацию в табл. 2. Русские элементы, встраиваясь в осетинскую речь, могут употребляться как без осетинских аффиксов, так и с ними; присоединение русской морфологии нечастотно.

Таблица 2

Распределение русских вставок в осетинском корпусе: именная группа

	Без ос. аффиксов	С ос. аффиксами	С русской морфологией
Рус. существительное	27	29	1
Рус. прилагательное / определительное местоимение / числительное + рус. существительное	2	6	3
Рус. прилагательное / числительное (эллипсис, предикат)	7	8	
Рус. прилагательное / числительное (+ ос. существительное)	19		

3. Русские слова в глагольной группе и клаузе

Русские глаголы встраиваются в осетинскую речь в форме инфинитива в конструкции с глаголом *кæнын* 'делать', см. (22), то есть используется стратегия с легким глаголом в соответствии с классификацией стратегий заимствования глаголов (Wohlgemuth, 2009). Эта классификация была использована Д. Форкер при анализе русских глаголов (Forker, 2020), где также не проводилась граница между заимствованием и смешением кодов. Лишь в одном примере, содержащем речевой сбой, был употреблен глагол с русской морфологией (23).

- (22) *Уый ревновать кодт-а*
он делать-PST.3SG
'Но он [другой парень] ревновал' [«Про ревность», 5.4].

- (23) *æмæ арс говорит... ой, арс дзур-ы... ед-æн...*
и медведь медведь говорить-PRS.3SG HES-DAT
Бесекк-æн
Бесекк-DAT
'И медведь говорит... ой, медведь говорит... этому... Бесекку: <...>' [«Лиса и медведь», 1.5].

Д. Форкер отмечает, что к русским инфинитивам могут присоединяться превербы (Forker, 2020: 260–261), приводя пример из дигорского осетинского (24); в наших данных таких примеров не встретилось, и превербы присоединялись к осетинскому глаголу *кæнын*, см., например, (25). (Как отмечается в (Гращенко, 2016: 108), в конструкциях со сложными глаголами преверб может располагаться как на именной части, так и на глаголе.).

ДИГОРСКИЙ ОСЕТИНСКИЙ³

(24) Цæйбæрцæ къумбул-и ис-æ-сдават кæн-ианæ
 сколько свекла-NUM PV-EP-сдавать.INF[R] делать-НАВ.1PL
 ‘Сколько свеклы мы раньше сдавали [в колхоз]!’ (Пример Д. Эршлера, цит. по Forker, 2020: 261);

(25) æмæ цæмæй йæ уырдыгæй **выписать** с-кæн-ой...
 и чтобы 3SG.GEN оттуда PV-делать-PST.3PL
 ‘И чтобы ее выписали оттуда’ {Славик на нее иск подал} [«Дома и дети», 15.3].

В аналогичных конструкциях используются не только русские инфинитивы, но и существительные (26). Интересно, что К. Е. Гагкаев, приводя пример *бунт кæнын* ‘бунтовать’, отмечает, что осетинские сложные глаголы образуются «из осетинских и усвоенных из других языков имен в сочетании с осетинскими вспомогательными глаголами» (Гагкаев, 1952: 80).

(26) æмæ **спор** кæн-гæ цæу-æм
 и делать-CVB идти-PRS.1PL
 ‘И мы спорили (букв. ‘спор делали’) и шли’ [«Дома и дети», 7.5].

Если русский глагол содержит показатель *-ся*, то он может как отсутствовать (27), так и присутствовать (28). При этом в дигорском диалекте осетинского языка, согласно (Forker, 2020: 255), встраивание русских глаголов с *-ся* в осетинскую речь происходит с добавлением рефлексивного местоимения *хе*, который заменяет *-ся* на русском инфинитиве (29).

(27) Ныр раз трех-ыл **отказать** с-кодт-ай
 сейчас трехкомнатная-SUPER PV-делать-PST.2SG
 ‘Раз от трехкомнатной ты отказалась, <...>’ [«Дома и дети», 15.1];

(28) æмæ уырдыгæй **выписаться** с-кодт-он
 и оттуда PV-делать-PST.1SG
 ‘И я оттуда выписалась’ [«Дома и дети», 6.5];

ДИГОРСКИЙ ОСЕТИНСКИЙ

(29) Дæ=хе **сдават** кæн-ис
 2SG=REFL сдавать.INF[R] делать-PRS.2SG
 ‘Ты (хочешь/собираешься) сдаться’ (Пример Д. Эршлера, цит. по Forker, 2020: 255).

Многочисленны вставки русских **адвербиальных** элементов в осетинскую речь, представленные в (30), см., например, (31).

(30) *действительно, до того, там, как раз (2 раза), уже (13 раз);*

(31) æмæ гъер **уже** с-лаг-тæ сты
 и сейчас PV-муж-PL быть.PRS.3PL
 ‘Теперь они уже выросли’ [«Традиционная свадьба», 2.10].

З. Б. Дзодзикова и М. Б. Кульчиева отмечают, что «в редких случаях значение русского слова нельзя бывает передать одним осетинским словом, т. е. перевод получается несколько громоздкий. К ним можно отнести, например, слова и сочетания *уже, вообще, именно*»

³ Для последовательности мы перевели в кириллицу примеры из дигорского осетинского, которые в цитируемой работе были записаны латиницей.

(Дзодзикова, Кульчиева, 2016: 119). Именно этим можно объяснить большое количество слова *уже* в нашем корпусе.

К адвербиалам примыкают примеры с **предложными группами** (*с ночевкой, по обычаю*) и с **предикативом** (32).

- (32) *ничи* *уыд-и* **против**
 никто быть-PST.3SG
 ‘Никто не против’ [«Дома и дети», 4.11].

Русские **союзы** в осетинской речи практически не представлены – встретилось лишь два союза *раз* и один союз *зато*, см. иллюстрации:

- (33) *О, одна дам, одна та дам с-каен-ут,* *ныр* **раз**
 да мол PTCL мол PV-делать-IMP.2PL сейчас
трех-ыл *отказать* *с-кодт-ай*
 трехкомнатный-SUPER PV-делать-PST.2SG
 ‘Да, однокомнатную, мол, сделайте, раз от трехкомнатной ты отказалась’ {то давайте выделим часть ребенку} [«Дома и дети», 15.1];

- (34) **Зато** *дзы да къух фысс-ыс*
 3SG.IN POSS.2SG рука писать-PRS.2SG
 ‘Зато ты подписываешь все’ [«Дома и дети – 2», 115].

Дискурсивные маркеры представлены более широко, см. список в (35) и несколько иллюстраций в (36)–(37).

- (35) *короче, оказывается, представляешь, смотри, значит* (2 раза), *вот* (3 раза), *в общем* (4 раза), *может быть* (4 раза), *ну* (4 раза);

- (36) **В общем** *раджы-иу ус-бирагъ-та уыд-ис*
 давно-ITER женщина-волк-PL быть-PST.3SG
 ‘В общем, давным-давно были женщины-волки...’ [«Женщина-волк», 1.1];

- (37) *æмаæ дам смотри, кæд дам дын æй дарственная*
 и мол если мол 2SG.DAT 3SG.GEN
с-кодт-а, вот там уынджы а-ззай-дзынаæ
 PV-делать-PST.3SG улица.IN PV-оставаться-FUT.2SG
 ‘Они говорят, смотри, если дом оформлен как дарственная, то ты останешься на улице’ [«Дома и дети», 16.6].

Междометия и **частицы** представлены следующими элементами: *ужас, давай, просто, всё* (2 раза), см. несколько иллюстраций:

- (38) *Ислам дæр уырдаæм лас-æн нал,* **всё**
 Ислам ADD туда возить-PTCP.DEST больше_не
 ‘А Ислама туда нельзя везти, всё’ [«Дома и дети», 12.5];

- (39) *Æмаæ йæм ба-дзырдт-он, Руфинаæ, зæгъ-ын,*
 и 3SG.ALL PV-говорить-PST.1SG Руфина сказать-PRS.1SG
давай *зæгъын, гъер а-уæй кæн-æм,*
 сказать-PRS.1SG сейчас PV-продажа делать-PRS.1PL
 ‘И я ей позвонила, Руфина, говорю, давай говорю, сейчас мы продаем,’ {покупатель есть} [«Аферистка», 1.2];

- (40) *ай мын просто команда куы кæн-ы*
 этот 1SG.DAT команда ведь делать-PRS.3SG
 ‘а эта (Руфина) просто командует мной’ [«Аферистка», 10.3].

В двух случаях представлено также межклаузуальное переключение. В (41) показан пример с дублированием русской клаузы на осетинский, а в (42) – прямая речь на русском языке (в которой также присутствует цитативный показатель *дам*).

- (41) *как кушать они не знали, кудæй ба-хордт-аиккой уый нæ*
 каким_образом PV-есть-CNTRF.3PL 3SG NEG
зыдт-ой
 знать-PST.3PL
 {и я им из мяса тура сделала фыдджыны, пироги, фыдджыны сделала и...} ‘как кушать они не знали’ [«Охота на туров», 1.22–1.23];

- (42) *Æмæ, дам, джих-æй кæс-ын, æмæ, дам, ын*
 и мол рассеянный-AVL смотреть-PRS.1SG и мол 3SG.DAT
судья афтæ: «че ты, дам, смотришь спокойно? че ты, дам,
судья так мол мол
подвиг, дам, совершил?»
 МОЛ

‘И, мол, я рассеянно смотрю, и, мол, ему судья такой: «Че ты, мол, смотришь спокойно? Че ты, мол, подвиг, мол, совершил?»’ [«Дома и дети 2», 38.5].

Таким образом, в осетинской речи частотны русские дискурсивные маркеры (21 вхождение), адвербиальные элементы (21 вхождение) и глаголы (13 вхождений). Реже встречаются междометия и частицы (5 вхождений), союзы (3 вхождения), а также клаузы (3 вхождения).

4. Обсуждение

Проанализируем вкрапления русских слов в осетинскую речь в рамках теоретических подходов К. Майерс-Скоттон (раздел 4.1) и П. Мейскена (раздел 4.2).

4.1. Рамочная модель матричного языка К. Майерс-Скоттон.

К. Майерс-Скоттон разработала рамочную модель матричного языка (Matrix Language Frame Model, MFL-model), см., например, (Myers-Scotton, 1993), которая основана на противопоставлении матричного языка (matrix language) и включенного языка (embedded language). (В нашем случае матричным языком является осетинский, а включенным – русский).

Матричный язык задает морфосинтаксическую рамку, накладывая ограничения на значимые и служебные морфемы (content and system morphemes) – единицы открытого класса (существительные, глаголы и т. д.) и единицы закрытого класса (аффиксы, артикли и т. д.) соответственно. В этой модели составляющие, состоящие из более чем одного слова, представляют особый интерес и классифицируются на три типа. В смешанных составляющих (Matrix Language + Embedded Language Constituents, ML + EL constituents) используются значимые и служебные морфемы из матричного языка, а также значимые морфемы из включенного языка, но в соответствии с грамматическими правилами матричного языка. В островах матричного языка (Matrix Language Island, ML Island) значимые и служебные морфемы матричного языка используются в соответствии с грамматическими правилами матричного языка. В островах включенного языка (Embedded Language Island, EL Island) используются значимые и служебные морфемы включенного языка в соответствии с правилами включенного языка.

В осетинской речи представлено тринадцать неоднословных русских составляющих: *с ночевкой*, *по обычаю*, *всю жизнь*, *пятьдесят лет*, *одна пятая*, *знаменитый охотник*, *первый этаж-ы* (-IN) (3 раза), *шестой этаж-æй* (-ABL), *общий двор-ы* (-IN), *английский язык-ыл* (-SUPER), *детски кроватка*.

Острова включенного – русского – языка представлены в (43)=(16), где местоимение *весь* согласуется по роду с существительным *жизнь*. Аналогичным образом острова включенного языка присутствуют и в примерах с количественным (44)=(17) и дробным числительным (45)=(18), а также в предложных группах (46)–(47).

(43) *Всю жизнь йæ мад æмæ йæ фыд нæ цар-дз-ысты* [нрзб]
 POSS.3SG мать и POSS.3SG отец NEG жить-FUT-3PL
 ‘Всю жизнь ее мать с отцом жить не будут’ [«Дома и дети – 2», 39.1];

(44) *æз пятьдесят лет уæлæ фыййау-мæ хъомгæс куы фæ-цыдт-æн*
 я вон_наверху пастух-ALL пастух ведь PV-идти-PST.1SG
 ‘Я ведь пятьдесят лет там, наверху работала пастухом’ [«Дома и дети – 2», 20.5];

(45) *Раз сын с-кодт-он уæд одна пятая вот значит сывæллон*
 3PL.DAT PV-делать-PST.1SG тогда ребенок
дæр мæн дæр иумæ дзæбæх-дæр куыд уæм афтæ
 ADD я.GEN ADD вместе здоровый-CMPR чтобы быть.SUBJ.1PL так
 ‘Раз я сделала одну пятую, значит, ребенок тоже мой, чтобы лучше вместе жили’ [«Аферистка», 1.8];

(46) *æмæ фондз аз-ы мах-мæ цыд-ысты, с ночевкой, ахсæв иу*
 и пять год-GEN мы-ALL идти-PST.3PL ночь ITER
мах-мæ цыд-ысты
 мы-ALL идти-PST.3PL
 ‘И пять лет ходили к нам, с ночевкой, ночью к нам ходили’ [«Охота на туров», 1.16];

(47) *по обычаю, ирон агъдау-ттæ куыд вайй-ыни*
 осетинский обычай-PL как бывать-PRS.3PL
йæ афтæ алцы-тæ
 POSS.3SG так всякий-PL
 {И пришла я в новый дом, привезли меня} ‘по осетинским обычаям вот так бывает’ {И тогда стали жить и дальше жили с его семьей} [«Автобиография Марии Батиевой», 4.1].

В осетинском языке нет категории рода; атрибутивные модификаторы не согласуются с существительным ни по падежу, ни по числу. Таким образом, в (48) представлена смешанная составляющая, где русская лексика встраивается в рамку осетинского языка: прилагательное *детски* не согласовано с существительным, несмотря на то что в русском языке существительное *кроватка* женского рода.

(48) *Дыууæ палас-ы, детски кроватка, уый рай-хæлдт-он*
 два палас-GEN тот PV-развязывать-PST.1SG
æмæ йæ шифоньер-ы сæр с-æвæрдт-он
 и 3SG.GEN шифоньер-GEN верх PV-класть-PST.1SG
 ‘Два паласа, детская кроватка, это забрала, и его положила на шифоньер’ [«Дома и дети – 2», 34.9].

Интересный случай представляют примеры с существительным мужского рода, поскольку согласование с прилагательным не указывает однозначно на тип составляющей как в (48).

Тем самым причин не анализировать примеры типа (49) как остров включенного языка нет. Аналогичным образом оставшиеся словосочетания типа *общий двор* в (50) грамматичны в русском языке; их можно считать «внутренними» островами включенного языка (Internal Embedded Language Islands, см. (Myers-Scotton, 2006: 265)), поскольку к ним присоединяются осетинские показатели.

- (49) *ай та знаменитый охотник уыд-ис*
этот PTCL быть-PST.3SG
'Он же был знаменитым охотником' [«Охота на туров», 1.5];
- (50) *æмæ общий кæрт-ы ба-лхæн-æд, общий двор-ы*
и двор-IN PV-купить-IMP.3SG -IN
'И пусть купит в общем дворе' [«Дома и дети», 7.10];
- (51) *æмæ университет-ы ахуыр кæн-ы английский язык-ыл*
и университет-IN учеба делать-PRS.3SG -SUPER
'[она] учится в университете, изучает английский язык' [«Рассказ о жизни», 2.14].

4.2. Типология смешения кодов П. Мёйсена

В теоретическом подходе П. Мёйсена обсуждается три типа смешения кодов – инсерция (insertion) лексических единиц или составляющих из одного языка в более крупные составляющие из другого языка, альтернатива (alternation) между составляющими на двух языках и конгруэнтная лексикализация (congruent lexicalization) слов из двух языков в общую грамматическую структуру (Muysken, 2000: 3). Эти типы свойственны различным корпусам билингвальной речи в разных пропорциях (Muysken, 1997: 374). Обсудим, какие из типов и в каком количестве представлены в корпусе осетинской речи.

Инсерция представлена большим количеством примеров, в которых единичные слова – существительные (52), прилагательные (53), порядковые числительные и глаголы (54) – включаются в именную и глагольную группу.

- (52) *Стæй уæд [лæппу [арми-мæ] а-кодт-ой]*
потом тогда мальчик армия-ALL PV-делать-PST.3PL
'Потом парня забрали в армию';
- (53) *Æмæ мæ мад-ы æфсымæр [[знаменитый] абырæг]*
и POSS.1SG мать-GEN брат разбойник
уыд-и, дав-æг
быть-PST.3SG красть-PTCP.PRS
'А брат моей матери был знаменитым абреком, вором' [«Про мужа», 2.2];
- (54) *Æмæ цæмæй йæ уырдыгæй [[выписать] с-кæн-ой]*
и чтобы 3SG.GEN оттуда PV-делать-PST.3PL
'И чтобы ее выписали оттуда' {Славик на нее [иск] подал} [«Аферистка», 4.2].

К альтернативы можно отнести случаи с островами русского языка⁴ в терминологии К. Майерс-Скоттон, которые обсуждались в предыдущем разделе, поскольку эти составляю-

⁴ Отметим, что не во всех случаях острова включенного языка являются примерами альтернативы; ср. испанский пример с инсерцией острова английского языка: *Yo anduve in a state of shock por dos días* 'Я ходил в состоянии шока в течение трех дней', поскольку в этом случае глагол *anduve* связан с темпоральным выражением *por dos días* (Muysken, 2000: 5).

щие (*всю жизнь, пятьдесят лет, с ночевкой, по обычаю*) представляют собой адъюнкты и расположены на периферии клаузы (за исключением (55)=(44)=(17)). К этим примерам также примыкает (56), так как словоформа *пирог* употребляется изолированно между клаузами.

(55) *æз [пятьдесят лет] уæлæ фыййау-мæ хъомгæс куы фæ-цыдт-æн*
я вон_наверху пастух-ALL пастух ведь PV-идти-PST.1SG
'Я ведь пятьдесят лет там, наверху работала пастухом' [«Дома и дети – 2», 20.5].

(56) *æмæ сын æз ну тур-ы масæ-йæ фыдджын-тæ*
и 3PL.DAT 1SG тур-GEN мясо-ABL пирог_с_мясом-PL
с-кодт-он, [пирог], фыдджын-тæ с-кодт-он æмæ...
PV-делать-PST.1SG пирог_с_мясом-PL PV-делать-PST.1SG и
'и я им из мяса тура сделала фыдджыны, пироги, фыдджыны сделала и...' [«Охота на туров», 1.22].

Альтернатива представлена и в примерах (57)=(18) и (58). В первом случае русские элементы, расположенные контактно, не образуют одну составляющую; во втором случае русский элемент находится на периферии клаузы, его также сопровождает речевой сбой.

(57) *Раз сын с-кодт-он уæд [одна пятая][вот] [значит]*
3PL.DAT PV-делать-PST.1SG тогда
сывæллон дæр мæн дæр иумæ дзæбæх-дæр куыд уæм афтæ
ребенок ADD я.GEN ADD вместе здоровый-СМРР чтобы быть.SUBJ.1PL так
'Раз я сделала одну пятую, значит, ребенок тоже мой, чтобы лучше вместе жили'
[«Аферистка», 1.8].

(58) *æмæ арс говорит... ой, арс дзур-ы... ед-æн... Бесекк-æн*
и медведь медведь говорить-PRS.3SG HES-DAT Бесекк-DAT
'И медведь говорит... ой, медведь говорит... этому... Бесекку: <...>' [«Лиса и медведь», 1.5].

Наконец, к альтернативе можно отнести случай (59)=(15), в котором русское прилагательное также расположено на периферии клаузы и сопровождается дублированием.

(59) *уæртæ уым с-расыг и, пьяный*
вон там PV-пьяный быть.PRS.3SG
'Там стал пьяным' [«Охота на туров», 1.25].

Отдельной проблемой является анализ адвербиалов, частиц и дискурсивных маркеров. Согласно (Muysken, 2000: 97), «знаменательные слова, такие как существительные и прилагательные, скорее всего, будут инсерциями, в то время как дискурсивные частицы и наречия могут быть альтернативами»⁵. Например, в датской речи глагол в общем случае располагается на второй позиции (порядок слов V2, verb-second); однако он не ставится после некоторых французских адвербиалов, которые тем самым не участвуют в «подсчете позиций» и являются примерами альтернативы (Muysken, 2001: 98). Вместе с тем про испанские адвербиальные единицы в речи на боливийском кечуа сообщается, что они являются инсерциями (Muysken, 2001: 63).

В качестве инсерции адвербиальных единиц можно рассматривать примеры (60), (61) и (62)=(63), поскольку русские элементы не располагаются на периферии клаузы, а встраиваются в осетинское предложение.

⁵“Content words such as nouns and adjectives are likely to be insertions, while discourse particles and adverbs may be alternations” (Muysken, 2001: 97).

- (60) *фæлæ уыцы лæппу до того хинæйдзаг уыд-ис*
но тот мальчик хитрый быть-PST.3SG
'но другой парень до того хитрым был' [«Про ревность», 2.4];
- (61) *æмæ дын как раз æлхæнаджытæ æрба-цыд-ысты фыццаг покупатель-тæ*
и 2SG.DAT покупатель.PL PV-идти-PST.3PL первый покупатель-PL
{Пришли домой,} 'и сразу как раз пришли те же покупатели' [«Дома и дети», 16.4];
- (62) *æмæ гъер уæгæ с-лæг-тæ сты*
и сейчас PV-муж-PL быть.PRS.3PL
'Теперь они уже выросли' [«Традиционная свадьба», 2.10].

Также, возможно, стоит анализировать как инсерцию и прочие вхождения лексемы *уæгæ*, когда оно располагается на периферии клаузы как в (63), в том числе поскольку оно весьма часто, а также не имеет прямых аналогов в осетинском, согласно (Дзодзикова, Кульчиева, 2016).

- (63) *Ныртæгкæ афтæ та нал кæн-ынц уæгæ*
сейчас так PTCL больше не делать-PRS.3PL
'А сейчас уже так больше не делают' [«Традиционная свадьба», 4.6].

Таким образом, неясно, можно ли автоматически считать русские адвербиальные единицы, дискурсивные маркеры и частицы в осетинской речи инсерциями в отсутствие убедительных аргументов за их анализ как альтернации, или же, наоборот, все случаи, когда эти элементы расположены на периферии клаузы, можно относить к альтернации. На текущий момент мы будем использовать вторую стратегию, принимая ее условность. Однако случаи, как в (64), где адьюнкт можно переместить на периферию клаузы без изменения значения, мы будем относить к альтернации.

- (64) *Уый та, оказывається, сæ хъæукаг у.*
тот PTCL POSS.3PL односельчанин быть.PRS.3SG
'Он же, оказывается, их односельчанин' [«Дома и дети – 2», 89.5].

Интерес также представляют клаузы, в которых встречается несколько русских единиц, но которые затруднительно анализировать как альтернацию. Например, в (65) контактно расположены русские лексемы *уже* и *отменить*. Тем не менее *отменить* образует составляющую с осетинским глаголом *кæнын* 'делать'; поэтому мы анализируем его как инсерцию. В (66) представлена похожая ситуация с тремя русскими единицами: союз *раз*, лексема *трех* и глагол *отказаться*. Единица *трех* является модифицированным прилагательным *трехкомнатный*, а русский инфинитив образует составляющую с осетинским глаголом, поэтому мы считаем, что в этом случае альтернации также не наблюдается.

- (65) *Мæ дын афтæ уымæн [уже] [отменить] кæн-ын]*
и 2SG.DAT так 3SG.DAT делать-INF
нал и
больше_не EXST
'Она говорит, что этого уже отменить нельзя' [«Дома и дети», 16.11];
- (66) *Ныр [раз] [[трех-ыл] [отказаться с-кодт-ай]]*
сейчас трехкомнатная-SUPER PV-делать-PST.2SG
'Раз от трехкомнатной ты отказалась, <...>' [«Дома и дети», 15.1].

Обобщим информацию в таблице 3. В осетинской речи частотна инсерция русских элементов, в то время как случаи альтернации встречаются реже, а надежных случаев конгруэнтной лексикализации не представлено⁶ (поскольку этот тип характерен в первую очередь для языков с похожей синтаксической структурой).

Таблица 3

Распределение русских вставок в осетинском корпусе

		Инсерция	Альтернация
Именная группа	Существительные	56	1
	Прилагательные, числительные	34	
	Прилагательные, определительные местоимения, числительные + существительные	8	3
Глагольная группа и клауза	Инфинитив/существительное + <i>кæнын</i> 'делать'	12	1
	Адвербиальные элементы, предложные группы	9	12
	Союзы	1	2
	Междометия и частицы	1	4
	Дискурсивные маркеры		21
Полипредикация	Предложения		3
Всего		121	47

Заключение

Мы провели анализ русских слов, имеющих осетинские аналоги, в речи осетинско-русских билингов – жителей с. Даргавс. Речь сельских жителей не изобилует русскими единицами; вместе с тем она их не лишена. Мы показали количественно распределение этих единиц: существительные, прилагательные > адвербиалы, дискурсивные маркеры > глаголы > частицы, союзы, клаузы. Также мы обсудили структурные характеристики русских вставок в рамках теорий смешения и переключения кодов (Myers-Scotton, 1993; Muysken, 2000). Мы продемонстрировали, что среди неоднословных русских составляющих представлено много островов включенного языка (что частично можно объяснить тем, что в них часто употребляются существительные, которые в русском языке имеют мужской род). В целом для осетинской речи более характерны инсерции, а не альтернации (в терминологии П. Мейскена). Мы заключили, что структурные свойства и распределение русских слов говорит о том, что осетинский язык не ведет себя как язык, подвергшийся языковому сдвигу.

Список сокращений:

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо, ABL – аблатив, ADD – аддитивная частица, ALL – аллатив, CMPR – компаратив, CNTRF – контрафактив, CVB – деепричастие, DAT – датив, EP – эпентеза, EXST – экзистенциальный маркер, FUT – будущее время, GEN – генитив, HAB – хабитуалис, HES – маркер хезитации, IN – инессив, INDEF – неопределенность, IMP – императив, INF – инфинитив, ITER – итератив, NUM – нумератив, ORD – порядковое числительное, PL – множественное число, POSS – посессивность, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, PTCL – частица, PTCP – причастие, PTCP.DEST – дестинативное причастие, PV – преверб, R – русский, REFL – рефлексив, SG – единственное число, SUBJ – субъектив, SUPER – суперэссив.

⁶ Наиболее похожими на случаи конгруэнтной лексикализации можно считать примеры (65)–(66), если основываться на большом количестве русских вставок в одном предложении.

Литература:

- Абаев В. А.** Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.
- Багаев Н. К.** Современный осетинский язык. Ч. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1965.
- Валиева З. И.** Особенности функционирования русско-осетинского двуязычия в Республике Северная Осетия – Алания // Вестник ТГПУ. № 5 (120). 2012. С. 116–119.
- Выдрин А. П.** Современный осетинский язык: опыт полевого изучения // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. № 1 (54). 2009. С. 176–182.
- Гагкаев К. Е.** Очерк грамматики осетинского языка. Дзауджикау: Государственное изд-во Северо-Осетинской АССР, 1952.
- Гращенков П. В.** Осетинские сложные предикаты в типологической перспективе: общие черты и характерные особенности // Известия СОИГСИ. № 22 (61). 2016. С. 105–112.
- Гуриев Т. А.** Влияние русского языка на развитие осетинской лексики. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное изд-во, 1962.
- Дзодзикова З. Б., Кульчиева М. Б.** Русские лексические заимствования в устной разговорной речи осетинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3 (57). 2016. С. 118–120.
- Камболов Т. Т.** Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2007.
- Хомченкова И. А.** Русские числительные в осетинской речи: структурные и семантические особенности // Кс. П. Семенова (ред.). Малые языки в большой лингвистике. Выпуск 3. М.: «Буки Веди», 2021. С. 167–178.
- Belyaev O.** Contact influences on Ossetic // A. Grant (ed.). The Oxford Handbook of language contact. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 467–493.
- Forker D.** The late success of Soviet language policy: The integration of Russian verbs in languages of the former Soviet Union // International Journal of Bilingualism. No 2 (25). 2020. P. 240–271.
- Hasselmo N.** Code-Switching and Modes of Speaking // G. Gilbert (ed.). Texas Studies in Bilingualism. Berlin: De Gruyter, 1970. P. 178–208.
- Khomchenkova I., Pleshak P.** Russian numerals in Moksha and Hill Mari // Linguistica Uralica. No 4 (57). 2021. P. 277–302.
- Moseley Ch.** (ed.). Atlas of the World's Languages in Danger, 3rd ed. Paris: UNESCO Publishing, 2010.
- Muysken P.** Code-switching processes: alternation, insertion, congruent lexicalization // M. Pütz (ed.). Language Choices. Conditions, constraints, and consequences. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1997. P. 361–380.
- Muysken P.** Bilingual speech. A typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Myers-Scotton C.** Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- Poplack Sh. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: toward a typology of code-switching // Linguistics. No 7–8 (18). 1980. P. 581–618.
- Poplack Sh.** Contrasting patterns of code-switching in two communities // M. Heller (ed.). Codeswitching: Anthropological and sociolinguistic perspectives. Berlin–New York: De Gruyter, 1988. P. 215–244.
- Treffers-Daller J.** Towards a uniform approach to codeswitching and borrowing // ESF Network on Codeswitching and language contact. Papers for the workshop on constraints, conditions and models. Strasbourg: European Science Foundation, 1991. P. 259–279. Available at: <http://centaur.reading.ac.uk/29333/>
- Wohlgemuth J.** A Typology of Verbal Borrowings. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.

Хомченкова Ирина Андреевна.
Научный сотрудник.

ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН.
Волхонка, 18/2, Москва, 119019.

Аспирант, преподаватель.

НОШ МГУ имени М. В. Ломоносова «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».
Ленинские горы, 1, Москва, 119991.

Младший научный сотрудник.

Институт языкознания РАН.

Пер. Большой Кисловский, 1, стр. 1, Москва, 125009.

Email: irina.khomchenkova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 21 октября 2022 г.

RUSSIAN WORDS IN THE OSSETIC SPEECH: CORPUS OBSERVATIONS

Ossetian (< IRANIAN < INDO-EUROPEAN) has interacted with Russian for at least two centuries, and most Ossetians are Ossetic-Russian bilinguals. The influence of Russian on the development of Ossetic vocabulary is well described (in particular, the appearance in the Ossetic lexicon of Russian words without Ossetian equivalents and their subsequent adaptation, e.g., *स्कьола* 'school' from Russian *школа*, *стъл* 'table' from Russian *стол*). At the same time, the functioning of Russian words that have Ossetic equivalents also deserves attention (e.g., *больница* instead of *рынчындон* 'hospital'). This paper describes Russian words of the second type in the Ossetic speech (Iron dialect) based on the corpus of texts recorded in the village of Dargavs. The total number of Russian words in the studied texts is relatively small, but they occur regularly. In our study, we first presented quantitative data on their distribution: nouns and adjectives are the most frequent, followed by adverbs and discourse markers; verbs are less frequent. Particles, interjections, and conjunctions are rarely used in Russian; there are also few cases of interclausal alternation. Second, we have discussed the structural features of Russian words in the context of Myers-Scotton and Muysken's theories of code-mixing and code-switching. We have shown that in the terminology of Myers-Scotton's Matrix Language Frame model, islands of embedded language are common in non-single-word Russian phrases; less common are mixed (Matrix Language + Embedded Language) constituents in which Russian vocabulary is embedded in the Ossetic morphosyntactic frame; at the same time, there are very few word forms with Russian morphological markers (as opposed to "unmarked" forms). In Muysken's sense, insertion is more characteristic of the Ossetic speech than alternation, and there are no reliable cases of congruent lexicalization. The nature and quantitative distribution of Russian words show that Ossetic does not seem to be a language subject to language shift.

Keywords: *bilingualism, code-mixing, corpus analysis, Ossetian, Russian*

References:

- Abaev V. A.** Osetinskij yazyk i fol'klor [Ossetic language and folklore]. Vol. 1. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1949.
- Bagaev N. K.** Sovremennyy osetinskij yazyk. Ch. I. Fonetika i morfologiya [Modern Ossetic. Part I. Phonetics and morphology]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965.
- Belyaev O.** Contact influences on Ossetic // A. Grant (ed.). The Oxford Handbook of language contact. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 467–493.
- Dzodzikova Z. B., Kulchieva M. B.** Russkie leksicheskie zaimstvovaniya v ustnoj razgovornoj rechi osetinskogo yazyka [Russian lexical borrowings in oral colloquial Ossetic speech] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. No 3 (57). 2016. P. 118–120.
- Forker D.** The late success of Soviet language policy: The integration of Russian verbs in languages of the former Soviet Union // International Journal of Bilingualism. No 2 (25). 2020. P. 240–271.
- Gagkaev K. E.** Oчерк grammatiki osetinskogo yazyka [Essay on the Ossetic grammar]. Dzaudzhikau: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Severo-Osetinskoj ASSR, 1952.
- Grashchenkov P. V.** Osetinskie slozhnye predikaty v tipologicheskoy perspektive: obshchie cherty i harakternye osobennosti [Ossetic complex predicates in a typological perspective: common and characteristic features] // Izvestiya SOIGSI. No 22 (61). 2016. P. 105–112.
- Guriev T. A.** Vliyanie russkogo yazyka na razvitie osetinskoj leksiki [The influence of the Russian language on the development of Ossetic vocabulary]. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1962.
- Hasselmo N.** Code-Switching and Modes of Speaking // G. Gilbert (ed.). Texas Studies in Bilingualism. Berlin: De Gruyter, 1970. P. 178–208.
- Kambolov T. T.** Yazykovaya situaciya i yazykovaya politika v Severnoj Osetii: istoriya, sovremennost', perspektivy [Language situation and language policy in North Ossetia: history, modernity, prospects]. Vladikavkaz: Izdatel'stvo SOGU, 2007.
- Khomchenkova I. A.** Russkie chislitel'nye v osetinskoj rechi: strukturnye i semanticheskie osobennosti [Russian numerals in Ossetic speech: structural and semantic features] // K. P. Semenova (ed.). Minor languages in general linguistics. Vol. 3. Moscow: Buki Vedi, 2021. P. 167–178.
- Khomchenkova I., Pleshak P.** Russian numerals in Moksha and Hill Mari // Linguistica Uralica. No 4 (57). 2021. P. 277–302.
- Moseley Ch.** (ed.). Atlas of the World's Languages in Danger, 3rd edn. Paris: UNESCO Publishing, 2010.

- Muysken P.** Bilingual speech. A typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Muysken P.** Code-switching processes: alternation, insertion, congruent lexicalization // M. Pütz (ed.). Language Choices. Conditions, constraints, and consequences. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1997. P. 361–380.
- Myers-Scotton C.** Duelling languages: Grammatical structure in code-switching. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- Poplack Sh.** Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: toward a typology of code-switching // Linguistics. No 7–8 (18). 1980. P. 581–618.
- Poplack Sh.** Contrasting patterns of code-switching in two communities // M. Heller (ed.). Codeswitching: Anthropological and sociolinguistic perspectives. Berlin–New York: De Gruyter, 1988. P. 215–244.
- Treffers-Daller J.** Towards a uniform approach to codeswitching and borrowing // ESF Network on Codeswitching and language contact. Papers for the workshop on constraints, conditions and models. Strasbourg: European Science Foundation, 1991. P. 259–279. Available at: <http://centaur.reading.ac.uk/29333/>
- Valieva Z. I.** Osobennosti funkcionirovaniya russko-osetinskogo dvuyazychiya v Respublike Severnaya Osetiya – Alaniya [Features of the functioning of Russian-Ossetic bilingualism in the Republic of North Ossetia–Alania] // Vestnik TGPU. No 5 (120). 2012. P. 116–119.
- Vydrin A. P.** Sovremennyy osetinskij yazyk: opyt polevogo izucheniya [Modern Ossetic: the experience of field study] // Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. No 1 (54). 2009. P. 176–182.
- Wohlgemuth J.** A Typology of Verbal Borrowings. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009.

Khomchenkova Irina Andreevna.

Research fellow.

Vinogradov Russian Language institute RAS.

18/2 Volkhonka Str., Moscow, Russia, 119019.

Postgraduate student, lecturer.

Interdisciplinary Scientific and Educational School of Lomonosov Moscow University

“Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

Leninskije gory, 1, Moscow, Russia, 119991.

Junior research fellow.

Institute of Linguistics RAS.

Pr. Bolshoj Kislovskij, 1, build. 1, Moscow, Russia, 125009.

Email: irina.khomchenkova@yandex.ru

М. Д. Чертыхова

МОНГОЛЬСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ТЕКСТЕ ХАКАССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО СКАЗАНИЯ «АЛБЫНЧЫ»

Хакасский язык, как и другие сибирские тюркские языки, отличается изобилием монгольских заимствований, что является отражением различных многовековых контактов их носителей. Тексты героических сказаний сохраняют наибольшее количество таких слов, в том числе вышедших из активного употребления. Опираясь на семантические, морфологические, фонетические и этимологические критерии выделения монгольской заимствованной лексики, описанные в трудах известных лингвистов-типологов Э. В. Севортыана, В. И. Рассадина, Б. И. Татаринцева, А. В. Дыбо и др., удалось выявить монголизмы в тексте хакасского героического сказания «Албынчы». Однако вопрос монгольского происхождения некоторых из них пока еще остается открытым. Анализируются девять наиболее частотных в языке героических сказаний-лексем с функционально-семантических, этимологических и сравнительных позиций, из них четыре лексемы употребляются в современном хакасском языке в несколько трансформированном семантическом варианте. Материалом послужили примеры, транслирующие реализацию монгольских заимствований, собранные из героического сказания «Албынчы», а также для их анализа привлечены данные из лексикографических источников. Выявлено, что все рассмотренные монгольские заимствования бытуют не только в хакасском языке, но и в других тюркских языках Сибири, в том числе в кыргызском. Однако если некоторые из этих слов сохранились только в хакасских текстах героических сказаний и в Хакасско-русском словаре (2006), то их аналоги используются в активной лексике других языков, например: *арга* «1) сила, ловкость; 2) способ, средство, прием». Также установлено, что многозначные монгольские слова перешли в хакасский (и в другие тюркские сибирские, а также кыргызский), как правило, лишь в первичных значениях; некоторые из них получили развитие переносного значения в современном хакасском языке, например, *хуйах* «защита; интуиция». В семантико-функциональном плане предложения с монголизмами не отличаются особым разнообразием синтаксических связей, поскольку в них встроены активные клишированные выражения. Семантика и фонетический облик рассмотренных монголизмов в хакасском языке не обнаруживают значительных изменений.

Ключевые слова: хакасский язык, героическое сказание «Албынчы», монгольские заимствования, лексема, этимология, семантика, функционирование

Введение

Героическое сказание «Албынчы» – один из величайших памятников устного культурного наследия хакасов, записанный в 1948 г. от знаменитого народного сказителя (хайчы) Семёна Прокопьевича Кадышева (1885–1977) в то время научными сотрудниками Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории Д. И. Чанковым и Н. Г. Доможаковым. На сегодняшний день данное героическое сказание является наиболее популярным в хакасском обществе: впервые изданное в 1951 г. (Албынчы, 1951), оно впоследствии претерпело два издания (Албынчы, 1984; Албынчы, 2018). Его отрывки выходили в литературных периодических изданиях (Огни Хакасии, 1950; Антология хакасской поэзии, 1960), сборнике «Героический эпос народов СССР» (1975), учебнике для 5–9 классов «Литература Хакасии» (1992), а также в хакасском и русском вариантах содержится в интернет-ресурсах: https://librebook.me/geroicheskii_epos_narodov_sssr__tom_pervyi/vol11/1; <https://biologo.ru/tom-pervij-biblioteka-vsemirnoj-literaturi-seriya-pervaya-13/index23.html>. Его изучает и хорошо знает молодое поколение. Региональная общественная организация по сохранению и развитию хакасского языка «Ине тілі» («Родной язык», букв. «Язык матери») ежегодно проводит республиканский фестиваль-конкурс среди школьников по мотивам данного героического сказания.

Как известно, эпические антропонимы мотивированы глубинными эпическими смыслами, несут важную смысловую нагрузку, отражают мировоззренческие, нравственно-бытовые взгляды конкретных эпох. «Собственные имена выдаются как особые приметы, выступают

как их устойчивая, постоянная и неизменная характеристика» (Данилова, 2012: 61). Мы вслед за О. В. Субраковой (Субракова, 2007: 64) склонны считать, что антропоним «Албынчы» имеет монгольское происхождение. Возможно, он образован путем присоединения к монгольскому имени *албин*: «1. бес, злой бродячий дух, демон; *ад албин* хорш. бес; *албин аятай* исчадие ада; *албин чотгор* нечистые силы; 2. бесовский; *албин ааш* бесовский нрав; *албины галл* блуждающие огни (являющийся по ночам в виде сверкающего огня)» (БАМРС, 2001: 196) общемонгольского словообразовательного аффикса *-ша/-шэ*. Слова, образованные при помощи данного аффикса, называют «лиц по их деятельности, приверженности, склонности, привычке и т. п.» (Рассадин, 2019: 336). Дополнительные оттенки семантики данного слова прослеживаются и в других языках: *albin* «халх. *албин*; бур. *альбан* (фолькл.) бес, злой дух; бур. чародей, волшебник; кирг. *албын* название болезни; заклинание, которым отгоняют злых дев» (Санжеев, Орловская, Шевернина, 2015: 44); як.: *албын* «1) хитрый/хитрость, обман; *албын кихи* хитрый человек; *албынынан ыл-* взять обманым путем...» (ЯРС, 1972: 37) и др. Как видим, расширение семантического объема слова *албин/албын* в разных языках и ассоциативные связи между выражаемыми им явлениями приводят к трансформации его семантической структуры. Учитывая факт того, что *Албынчы*, сын алыша *Хулатая*, является народным героем, сражающимся с черными силами за родную землю, за свой народ, негативный аспект имени не соотносится с его положительным образом. Неоднозначную оценку действиям трех поколений богатырей в данном героическом сказании дает А. А. Петросян: «Эпос “Албынжи”» оригинален как по своей форме, так и по содержанию. В отличие от древних художественных памятников других тюркоязычных народов Сибири и Средней Азии в этом эпосе нет героизации воинских походов. Наоборот, «Албынжи», как это можно видеть и в других хакасских народных сказаниях, подчеркнута утверждает, что жажда походов свидетельствует о дурном стремлении батыра похвастаться бесполезным удалством» (Албынжи, 1984: 108). Как отмечает Л. Ц. Санжеева: «Каждая новая эпоха приносит с собой переосмысление имен, унаследованных от предыдущих эпох, в соответствии с духом и социальным кодом эпохи» (Санжеева, 2012: 164).

В текстах героических сказаний сибирских тюрков монгольские заимствования представляют собой наиболее активный и заметный пласт лексики. Впервые на них обратил внимание Б. И. Татаринцев в своей статье о монгольских заимствованиях в тувинских фольклорных текстах, характеризующихся эпизодичностью и нерегулярностью использования. Автор выделяет две группы монголизмов в фольклорных текстах, в частности тувинских героических сказаниях: «1) монголизмы, являющиеся названиями архаичных, утративших в настоящее время свою актуальность и неизвестных тувинцам реалий (в первую очередь это слова, связанные в той или иной мере с ламаизмом); 2) вкрапления в текст эпоса монголизмов, являющихся названиями обычных реалий, для которых существуют регулярно употребляющиеся и употреблявшиеся ранее тувинские слова» (Татаринцев, 1970: 175). Также Б. И. Татаринцев утверждает, что одним из путей проникновения монголизмов в тувинский язык является ламаизм, поскольку в сказках используются наименования ламаистского культа и божеств ламаистского пантеона. Другой причиной использования монгольских слов явилось «двуязычие части сказителей, в результате чего многие монгольские слова могли употребляться наряду с эквивалентными им по значению тувинскими...» (Татаринцев, 1970: 183). Как видим, творцы и исполнители тувинских героических сказаний «не только были знакомы с монгольским эпосом (а некоторые и с монгольской письменной литературой), но и перенимали у монголов отдельные поэтические приемы, в частности развернутые определения возвышенного характера, проникнутые ламаистскими мотивами, хотя и использовали их нерегулярно» (Татаринцев, 1970: 176). Условия для контактов этих народов были разнообразны: «... самые многочисленные монголизмы обнаружены в лексических группах, связанных с религией, животноводством, выражающих родственные связи, в названиях украшений и предметах личного

пользования, домашней утвари. Это обусловлено общностью многовековой истории, интенсивными культурно-политическими и хозяйственно-экономическими контактами. Так, тувинцы и монголы исповедуют единую религию – буддизм. А обилие монголизмов в животноводстве, в лексике, выражающей родственные отношения и предметах быта, объясняется схожим укладом жизни, а также, тесными контактами на уровне семей и родов и т. д.» (Баярсайхан, Саая, Донгак, 2019: 102). По указанным причинам на сегодняшний день тувинский язык считается наиболее «монголизированным».

Монгольские заимствования в тексте героического сказания «Албынчы»:

арчол

арчол фолькл. платок; *ах арчол* белый платок; *алтын арчол* золотом расшитый платок (ХРС, 2006: 80). В монгольском языке *арчуур* обозначает: «1) полотенце, утиральник, салфетка; тряпка, тряпица (все то, чем можно вытирать); <...>; 2) платок» (БАМРС, 2001: 286). Данная лексема имеет монгольскую словообразовательную структуру и «образована при помощи общемонгольского словообразовательного аффикса *-yul* от общемонгольской основы. *Арчол* «платок» < монг. *arčiyul* id. < монг. *arči*- «вытирать» (Рассадин, 1980: 38). В тексте героического сказания «Албынчы» данная лексема обнаружена в следующих примерах: *Алып Хан Хыс анаң, парын, / Тогыс аастыг хызыл сундухты азыбызып, / Хыс сомы хызыл тасты сыгарды. / Аннаң алтын саптыг хамчы, / Алтын арчол ах плат сыгарган* (А, 63) – Затем Алып (Богатырша) Хан Хыс, подойдя, / Открыв красный сундук с девятью дверцами (букв. ртом), / Вытащила красный камень в образе девы. / Затем кнут с золотой ручкой, / Белый платок Золотой арчол вытащила. *Алтын арчол ах платнаң / үс хати сапханда, улуг тынып, / Улуг үскүринип, турып килген* [хыс пала] (А, 63) – Когда белым платком золотой арчол / три раза ударила, тяжело дыша, / тяжело вздыхая, встала (девушка). *Аргалыг сынның үстүне сых парзар, / Тигір паарында, Читиген читі чылтыстың алтында / Алтын арчол ах плат турчадар – ана аны атарзар* (А, 83) – Когда подниметесь на высокий хребет, / Под Медведицей (находящейся) в объятиях неба / Висит белый платок золотой арчол – вот в него будете стрелять. Как показывают примеры, *арчол* наряду с русским заимствованным словом *плат* «платок» используется в составе устойчивого сочетания *алтын арчол ах плат* «букв. золотой платок; белый платок». В современном хакасском языке действует лексема *плат*, а *арчол* сохранился лишь в фольклорных текстах, где используется в качестве определяющего слова к слову *плат*.

албат/албаты

Общемонгольское слово, образованное присоединением к основе *алба(н)*: «1) налог; {...}; 2) подать; {...}; 3) повинность (натуральная или денежная); {...}» (БАМРС, 2001: 195) словообразовательного аффикса *-т*, который «обозначает прилагательные со значением обладания чем-либо, наличия чего-либо; {...}» (Рассадин, 2019: 347). Во всех монгольских языках семантика данного слова остается без изменения: «*alba-tu* халх. *албат*; бур. *албата*; калм. *алвт* подданный, подвластный; *ист.* крепостной, данник» (Санжеев, Орловская, Швернина, 2015: 44). По словарным данным, в монгольском языке наблюдаются незначительные семантические трансформации: *албат* «1) подданный, подвластный, несущий повинность, податной, казенный; *унаган албат* хуучир. исконный подданный; подданный, потомственно служащий какому-л. феодальному роду или семье феодала; *албат ард* хуучир. подданные; *албат нар* хуучир. подданные; *албат улс* хуучир. подданный народ; 2) крепостной, крепостная душа; данник; слуга, прислуга; свита; *албат боол* хуучир. раб; *албат хамжлага* хуучир. принадлежащий к особому сословию подданных, приписанных к какому-л. феодалу для отправления натуральных повинностей; перешедший на территорию чужого князя крепостной» (БАМРС, 2001: 194).

В языке хакасского фольклора данная лексема используется в двух вариантах: «**албат** ист. 1) народ-данник; *ах талай сузны хастада халых албат чон чуртапча* фолькл. по берегам белого моря проживает народ – данник» (ХРС, 2006: 52); **албаты** «1) то же, что и *албат*; *албаты чон* подданный, подвластный народ; 2) слуги, челядь; *албатыдаң төреен пала* незаконнорожденный ребенок (ребенок не ханского происхождения)» (ХРС, 2006: 52). Возможно, в основе слова *албаты* присутствует тюркский аффикс обладания *-ты/-тыг*. В такой же форме это слово имеется в алтайском языке и его диалектах: «*албаты* мир, народ, подданные; массы»; туб. *alбаты don*, кум., челк. *alбаты*, алт. *alбаты*, теленг. *alбаты*, телеут. *alбаты*;» (Рассадин, 2019: 153). В героическом сказании «Албынчы» также встречаем это слово без каких-либо семантических и фонетических изменений: *Харлап аххан Хан хара сузны хастада / Халых албат чон чуртап, / Хайынызып, анда ибiрiлiсчедедiр* (А, 7) – На берегу журчащего родника Хан / Многочисленный подданный народ (данник) / Живет и трудится. Описывая какое-либо событие/ситуацию, сказитель часто прибегает к глаголам *айлан* – «вращаться, крутиться вокруг чего-л.» и *ибiрiл* – «вертеться», чтобы «подчеркнуть то психологическое состояние, то динамичность тех или иных действий героев» (Майнагашева, 2020: 83).

пайзаң

Является общемонгольским обозначением дома, жилища, построения: монг. *байшинг*; халх. *байшинг*; бур. *байшанг*; калм. *бэшин*. С этим же значением данное слово перешло в соседние тюркские языки: тув.: *бажың*; сойот. *байшың*. Также имеются специализированные значения: монг. *байсан* «дома буддийских монахов» (Санжеев, Орловская, Шевернина, 2015: 81); тув.: *бажың* «тюрьма; *бажыңга кирер* сесть в тюрьму; *бажың кижизи* заключенный; ср. *кара-бажың*» (ТувРС, 2008: 49); алт.: *байзың* «1) укромное место; 2) дворец» (АРС, 2018: 99). Авторы Этимологического словаря монгольских языков считают, что это слово происходит от «... перс.: *pīš-īwān* галерея, навес перед домом» (Санжеев, Орловская, Шевернина, 2015: 81).

Словарная статья хакасского варианта рассматриваемого слова в Хакасско-русском словаре представлена как *пайзаң фолькл.* «прекрасный, сказочно-красивый; великолепный дворец; *ах пайзаң иб* сказочно-красивая юрта – дворец (юрта хана, правителя племени)» (ХРС, 2006: 340). О. В. Субракова считает, что значение *пайзаң* в ХРС передано неточно, следовало бы добавить еще значение «дворец» и «богато обставленная юрта» (Субракова, 2007: 52). В. И. Рассадина в семантической структуре данного слова также склонен видеть предметное значение, а не характеризующее: «Консонантизм монгольского слова *bayising* “здание, дом” в конце слова в хакасском языке получил отражение *пайзаң* “сказочный дворец”» (Рассадин, 1980: 41). Однако насколько известно, в тексте хакасского героического эпоса лексема *пайзаң* выступает в качестве прилагательного и как элемент клишированного выражения *ах пайзаң иб* «роскошная ханская юрта; букв. белая прекрасная юрта» участвует в описании величественного ханского жилища и характеризует лексему *иб* «дом, жилище, юрта». *Харахтыг тас, ачырганганынаң, / Ах пайзаң ибдең сыгып, / Ах пайзаң ибниң кистине пас килip, сiлiгiн тур, / Хайди даа сiлiгiнзе, иргi орнына / Кip полбин тур* (А, 91) – Зрячий раб огорчился, / Выйдя из роскошной ханской юрты, / Отошел за роскошную ханскую юрту и начал вздрагивать, / Но как бы ни вздрагивал, / Никак не мог принять свой прежний образ. *Тозып, тохтап, iкi пала / Ах пайзаң ибниң iстiнде / Ойнап ойласчададырлар* (А, 57) – Двое детей, покушав, / Внутри роскошной ханской юрты / Бегают, играя. Отметим, что семантико-валентностные функции клишированного выражения *ах пайзаң иб* «роскошная ханская юрта; букв. белая прекрасная юрта» такие же, как и у *ах öрге иб* «величественная ханская юрта; букв. белая дворец-юрта». Однако в отличие от лексемы *öрге* «дворец, замок, юрта хана, ставка хана» (ХРС, 2006: 327) лексема *пайзаң* «прекрасный, сказочно-красивый; великолепный дворец» может использоваться не только в текстах героических сказаний, но и в хакасском литературном языке, например, *Пайзаң тура пүдiр салтырзар* – Оказывается (вы) построили роскошный,

красивый дом. *Аал ортызында пайзаң школа турча* – В центре села стоит прекрасная школа. Но нельзя сказать, например, *Угаа сіліг пайзаң* «очень красивый дворец» или же *Аал ортызында пайзаң турча* «В центре села стоит дворец». Думается, что столь обширная характеризующая возможность данного слова мотивируется его обозначением строения вообще, а не только ханской юрты в монгольских и тюркских языках. В. Е. Майнагашева пишет: «В хакасский эпос слово *пайзаң* проникло, видимо, в период монгольского ига, в XII–XVII вв. Однако и для более раннего времени образ белого дворца – не фантазия, он связан с реальностью далекого прошлого. В последние годы на территории Хакасии при археологических раскопках были открыты дворец-храм и замок периода IX–XII вв., построенные из сырцового кирпича и принадлежавшие хакасским ханам. Дворец хана обычно находился в центре аала или на краю его. При отсутствии окон (помещение освещалось при помощи люка в потолке) передней стороной древнехакасского жилища считалась восточная сторона, где находилась дверь» (Майнагашева, 2020: 81).

арга-мөрий

Компонент *арга* в хакасском языке отдельно не используется, но его представление в Хакасско-русском словаре допускает возможность его функционирования в языке героических сказаний: *арга* «1) сила, ловкость; *күресте аргаң читсе, чиңерзің* в борьбе победишь, если есть у тебя ловкость; 2) способ, средство, прием; *тамы чирінде сірерні он ікі чыл үгреткем алтон арга пілерге, читон сүме пілерге* фолькл. Я же вас двенадцать лет в преисподней обучала шестидесяти приемам, семидесяти уловкам (борьбу вести)» (ХРС, 2006: 74). Также реализацию этих значений лексемой *арга* в языке хакасских героических сказаний подтверждает О. В. Субракова (Субракова, 2007: 52).

В монгольском языке данная лексема многозначна: «*арга* 1) способ, средство, метод, прием, путь, мера; *аврах арга* спасительное средство; *айлган сүрдүүлэх арга* террористический метод; 2) стиль, манера; методика; образ действий; подход; хватки, повадки, замашки; *ажлын арга* прием, стиль работы; хватка в работе; 3) возможность, удобный случай; выход, лазейка; шанс; *аргалах арга* выход из положения, путь спасения; *аргалахын арга байхгүй* нет удержу у кого-л.; безвыходное положение; 4) уловка, увертка, хитрость, ухищрение, проделка, ход, маневр; западня; *мэргэн арга / зөв арга / сайн арга* мудрый выход; *арга бааш* хорш. ловкость, изворотливость; трюкачество, махинация; 5) хватки, экивоки; плутни, фигли-мигли; *муу арга* грубые хватки; плутовские манеры, приемы; плутни; *муухай арга* некрасивая проделка; 6) штуки, трюк, фокус; *битүү арга* штука; *шлбийн арга / шлбэдэх арга* фокус; 7) изворотливость; пронырливость; *овжин арга* оборотистость, пронырливость; верткость; *зальхай арга зохиох / овжин арга зохиох* пронырство; *арга бач* изворотливость; *арга бач үзүүлэх* проявлять изворотливость; *арга бачтай* изворотливый; 8) ловкость, проворство, увертливость, юркость; верткость, хватка; сноровка; *бултамхай арга* юркость; *дадамгай (сурамгай) арга* сноровка; *арга башир* хорш. ловкость; хитрость; *арга баширтай* ловкий; такой, что всегда выйдет сухим из воды; *арга баширтай хүн* ловкач; продувная бестия; гусь лапчатый; хитрец; пальца в рот не клади кому-л.; ухо-парень; 9) козырь; 10) ключ к чему-л.; *тоо бодох арга / бодлого бодох арга* ключ к решению задачи; 11) режим; *арвилан хэмнэх арга* режим экономии; 12) модус (БАМРС, 2001: 254–257). В БАМРС представлен также омонимичный вариант обсуждаемого слова: *арга* II (эсрэг. *билиг*) 1. гүн. ух. производящая, активная сила; деятельное (мужское, положительное, солнечное) начало в природе (в противоположность *билиг*); 2. совершенный, прекрасный, хороший, добрый, благополучный (БАМРС, 2001: 254–257). Словообразовательная модель данного слова, по предположению Э. В. Севортыяна, построена из глагольного корня *ар-* «прельщать; соблазнять; обманывать» + именной аффикс *-қа* (Севортыян, 1974: 170).

Рассматриваемая лексема также функционирует в других сибирских тюркских языках: алт.: *арга* 1) возможность; *Канайдар база? Ёскё арга јок то, кёёркий нени этсин?* (И. Кочеев)

– Ну что делать? Когда нет другой возможности, что делать бедняжке?; *Ук-нас аргам жок. Слер жаан тоомжылу баатыр кижси инегер!* – деп, *Кара-Тас айтты* (Т. Шинжин) – Не могу не слушать (букв. нет возможности не слушать). Вы же великий почитаемый богатырь! – сказал Кара-Тас»; 2) средство, способ; *арга бедреер* искать способ, средство; *бис мындый аргалар тузаланарыс* мы будем использовать такие средства (АРС, 2018: 80); тоф.: *арга (аргасы)* 1) способ, средство, прием; 2) возможность; *алдылаарның аргасы чоқ* нет возможности промышлять соболя; *үнэр арга чоқ* невозможно выйти; 3) передышка, затишье (*например, на войне, между боями*); *арга бол* – находить выход (*из положения*), находить способ; чудом избегать опасности (Рассадин, 2014: 28); тув.: *арга* 1) способ, средство, прием, путь; *ындыг арга-биле* таким способом, таким путем; *күгүр кислотазын алып арга* способ получения серной кислоты; 2) хитрость, уловка; *арзылаңны арга-биле тударполс.* лъва ловят хитростью; 3) возможность; *арга чадаарда*: а) еле-еле; б) волей-неволей (ТРС, 2008: 35) и др. Внешний облик этих слов почти не претерпел значительных изменений. Как показывают эти словарные статьи, *арга/арга* в хакасский и другие тюркские языки перешли в первоначальном значении монгольского *арга*, что является примером закономерности сужения значения заимствованного слова. Известно, что одним из критериев определения заимствованности является наличие многозначности слова в исходном языке и только минимум вариантов его значений (как правило, первичных) в заимствующем языке. Однако вместе с тем *арга* известно также в тунгусо-маньчжурских языках: «*арга* (< монг.) «возможность» эвенк., *аргä* «вера» эвен., *арга* «способ» сол., *агга* (< *арга*) «хитрость», «обман» орок., *арга(н)* тоже орок., *арга* «средство», «способ», «план», «расчет», «хитрость», «обман, уловка» манчж. (Севортян, 1974: 170).

Как мы отмечали, *арга* в хакасском языке используется только в составе сложного слова *арга-мөрйй* «состязание (в силе и ловкости)». Однако частотно выражение – фразеологизм *аарда полбаста* «волей-неволей; в безысходности»: *Аарда полбаста, синзер сурыныснаң килдiм* – (Я) нахожусь в безвыходной ситуации, поэтому пришел к тебе с просьбой. Учитывая его действие в монгольских и соседних тюркских языках в значении «возможность, средство, способ», предполагаем, что в хакасском слове *аарда* произошло морфонологическое стяжение с последующим выпадением гласного *-г-*: *аарда* ← *аргада*, соответственно, в сочетании с глаголом *пол-* «быть», к которому прибавляются аффикс отрицания *-бас* (*полбас-* «не быть, не будет») и аффикс местного падежа *-да* (*полбаста* «в небытии»): *аарда полбаста* «волей-неволей; в безысходности; букв. когда не будет (нет) возможности (способа)».

В тексте хакасского героического сказания «Албынчы» зафиксировано еще сложное слово – сочетание *арга* с *сүме*: *арга-сүме* «1) хитрость, лукавство; *сүменең азарга* перехитрить кого-л.; 2) смекалка; 3) притворство; *хуруг сүме* большой хитрец» (ХРС, 2006: 529). *Албынчы чоохтап тур:* / – *Абый харындас, Түн Хара, / Аргаң-сүмең нар ба? / Түн Хара чоохтап тур:* / – *Арга-сүме піле чоғылбын. / Албынчы чоохтапча:* / – *Алып төреен кізі арга-сүме хайди пілбес?* (А, 79) – Албынчы говорит: / – Брат Тун Хара, / Знаешь ли ты хитрые приемы в борьбе? (букв. Есть ли у тебя средство-хитрость/смекалка)? / Тун Хара отвечает: / – (Я) не знаю таких хитрых приемов (букв. что такое средство-хитрость/смекалка). / Албынчы говорит: / – Человек, родившийся богатырем, как может не знать, что такое средство-хитрость/смекалка? Возможно, в структуре сложного слова *арга-сүме* взаимодополняются синонимичные значения: *арга* в ЛСВ2 «способ, средство, прием» и *сүме* в ЛСВ1 «хитрость, лукавство» для более выразительного обозначения понятия.

Чаще *арга* действует как компонент сложного слова *арга-мөрйй* «состязание (в силе и ловкости); *арга-мөрййге сыгарга* выйти на состязание (о богатырях)» (ХРС, 2006: 74). Оно используется не только в текстах героических сказаний, но и в хакасской активной лексике при описании каких-либо соревнований, особенно национальных видов спортивных состязаний: *Спорт өргезінде олаңай күресче хазыр арга-мөрйй иртти* – Во дворце спорта прошли соревнования по вольной борьбе. Также действуют фразеологические единицы: *арга-мөрйй*

сал – «участвовать в состязании, быть участником состязания; букв. состязание положить» *арга-мөрий тарт* – «участвовать в состязании, быть участником состязания; букв. состязание тянуть».

Лексема *мөрий* в отдельности может употребляться только в фольклорных текстах, в ХРС она представлена как: *мөрий* «1) состязание (в силе, ловкости и меткости); ср. *арга-мөрий*; 2) победа; выигрыш; кемнің мөрийі полды? кто выиграл?; *мөрий – пісти* победа наша» (ХРС, 2006: 256). В тексте героического сказания «Албынчы» лексема *мөрий* используется только во втором значении «победа, выигрыш»: – *Пістің мөрийі полды, – тіп турадыр, – Чирнің үстүнде ханнаң улуғ хан піс поларбыс* (А, 111) – Наш выигрыш (победа), – говорит, – Мы будем самыми великими ханами на этой земле. *Албынчы үс хатап хыйғы салыбысхан:* / – *Мөрийі мині полды, – тидір* (А, 119) – Албынчы трижды бросил клич: – Я победил (букв. была моя победа), – говорит. По такой же структурно-семантической модели используется сложное слово *арга-мөрий*, т. е. в значении «победа, выигрыш»: *Харагы чох тас чоохтап тур:* / – *Че, Харахтыг тазым, арга-мөрий пісти полды* (А, 89) – Слепой раб говорит: / – Ну, Зрячий (мой) раб, победа (стала) наша. *Аргалыг сынның үстүнде, алыпнаң тудызып, / Алыпты кем тастаза, арга-мөрий ани полар* / – *Алтын Арыг хызымны агаа тирем* (А, 83) – Кто на вершине высокого хребта / В борьбе с богатырем победит, / Победа будет его / – (Свою) дочь Алтын Арыг отдам замуж за него. *Пиг кізі, Алтын Хан, / Арга – мөрий кемни полды? / Алтын Хан:* «Я, тастарым, сірерни пол парды», – *тидір* (А, 89–90) – Великий господин, Алтын Хан, / Кто победил? (букв. победа чья стала?) / Алтын Хан: «Да, (мои) слуги, победа ваша. Как видим, действие слов *мөрий* и *арга-мөрий* с общим значением «победа, выигрыш» в приведенных предложениях связано только с фактом принадлежности: *мини* «моя», *сини* «твоя», *ани* «его», *сірерни* «ваш». В качестве исключения можно привести пример, где слово *мөрий* выражает значение «состязание (в силе, ловкости и меткости)»: – *Чил Хара Хыснаң Харагы чох тасха / Алынча мөрий чоохтап пиріңер* (А, 84) – Слепому слуге и Чил Хара Хыс / Предложите отдельное состязание. А также в тексте героического сказания «Албынчы» обнаружен только один пример, где сложное слово *арга-мөрий* используется в значении «состязание, соревнование»: *Алтын Хан чоохтап одыр:* / – Я, *арга-мөрийні* *настирға даа чарир* (А, 83) – Алтын Хан говорит: / Ну, **состязание** можно начинать.

Лексема *мөрий* относится к монгольскому лексическому пласту заимствований: «*mörüi* халх. *мөрий*, калм. *мөрә* пари, заклад; бур. *мүрысэ* – соревноваться» (Санжеев, Орловская, Шевернина, 2016: 178). Исследователи происхождения этого слова связывают с «*mörün* (← монг.) халх. *мөр(өн)*, бур. *ал(э)*, даг. *ал* (муру) плечо, ср. маньчж. *meuiren*, эвк. *мурэ*, ольч. *муірö* плечо» (Санжеев, Орловская, Шевернина, 2016: 178; Дыбо, 1996: 219). Мы предполагаем, что «ассоциативная связь этого слова в этих языках, возможно, основана на представлении о традиционном виде спорта у кочевников – *күрес/хүреш* «борьба», где содействованы такие части тела, как плечо и спина» (Чертыхова, 2022: 96).

Некоторый семантический сдвиг наблюдается в киргизском *мөрөй*: «1. результат одержанной победы; удовлетворение победой (материального результата может и не быть); 2. то, что является призом; приз; *мөрөйге токсон бээ байлап* фолькл. привязав (т. е. выделив) в качестве приза девяносто кобылиц; *мөрөй ал* – выиграть пари;» (КРС, 1985: 36). В алтайском языке такая же картина, где наиболее частотной лексемой является однокоренная лексическая единица с близкой семантикой: *мөр* «удача, успех; *Бастыра ок-жаачыларга мөр* күүнзейли (АЧ) – Всем лучникам пожелаем **удачи**; \diamond *Женги алза – мөри, жендиртип ийзе – өлүми* (погов.) Если победит – его **удача**, если проиграет – его **смерть**» (JAРС, 2018: 477). В отличие от киргизского и алтайского эквивалента *мөрөй/мөр*, семантика которого акцентирована на победном итоге состязания и других видов деятельности, хакасская цепочка однокоренных слов *арга-мөрий* «состязание», *мөрийлезерге* «состязаться в силе и ловкости» (кроме *мөрий*) обозначает процесс состязания без указания конечного результата. И только в текстах героических сказаний они могут реализовать значение «победа; выигрыш».

марга

Лексема *марга* «фолькл. борьба, состязание; см. *марыг*; *алыптар маргызы* состязание богатырей» (ХРС, 2006: 234) монгольского происхождения и которая, по мнению В. И. Рассадина, среди прочих монгольских заимствований «не претерпела никаких фонетических изменений и употребляется наравне с собственно хакасской лексикой в виде тех же лексико-грамматических основ, что и в монгольских языках» (Рассадин, 1980: 38). Материальная оболочка хакасского существительного *марга* соответствует его глагольному общемонгольскому аналогу: «халх. *марга* – спорить; колебаться; отговариваться; бур. *марга* – колебаться, сомневаться; мешкать, оттягивать; калм. *марһ* – спорить» (Санжеев, Орловская, Швернина, 2016: 163). Если лексема *марга* используется только в текстах хакасских героических сказаний, то в современном хакасском языке предпочтительны варианты: *маргыс* «спор, пари» (ХРС, 2006: 234) и *марыг* 1) сопр, пари; 2) состязание, конкурс; 3) спорт. состязание, соревнование; (ХРС, 2006: 236).

Монгольский аналог данных лексем *маргаан* имеет широкий семантико-валентностный спектр: «спор; конфликт; *ашиггүй маргаан* бесполезный спор; *дуусашигүй маргаан* нескончаемые споры; *том маргаан* крупные споры; *хэрүүл маргаан* скандал; *хэрүүл маргаан болжээ* получился скандал; *ширүүн маргаан* горячий спор; *эрдмийн маргаан* ученые, научные споры; *ямар маргаа(н) байхгүй* абсолютно бесспорно; нет никаких сомнений; *маргаан гаргах / маргаан өдөх* затевать спор; *маргаан таслах* рассудить спор; *маргаан явуулах* вести спор; *маргаанд оролцох* вступать в спор; *маргааныг эцэс болгох* положить конец спорам» (БАМРС, 2001, 2001). Пример из текста героического сказания «Албынчы»: *Хара Моос чоохтан тур: / – Адамынаң Алтын Хан, / Идер маришң иттин, / Нинче чылга читіре мині туттың? / Сөлир маргаң нар полза, сөлеп тур* (А, 83) – Хара Моос говорит: / Зачем, Алтын Хан, / Не начинаешь (свое) соревнование, / Который год уже меня держишь (не выпускаешь)? Если у тебя есть пари (спор), предлагай (говори). Значение хакасского слова *марга* в данном предложении приближено к монгольскому «спор; конфликт», что подтверждает предложенное В. И. Рассадина значение этого слова «спор, пари, соревнование» (Рассадин, 1980: 38).

Однокоренные варианты слова *маргаан* в именной и глагольной формах с близкой семантикой присутствуют и в других монгольских языках. В. И. Рассадина, рассматривая их наличие в сибирских тюркских языках: хак. *марга / маргыс*; алт. *маргыш / маргаан*, шор. *маргаан*, относит в разряд монголизмов (Рассадин, 1980). Однако Б. И. Татаринцев полагает, что не все тюркские формы можно считать таковыми, поскольку не все они «могут быть объяснены как следствие изменения монгольских форм при их освоении в процессе заимствования» и что «монгольская основа типа *таруи* может иметь тюркское происхождение, а формы вроде *мары-ш* носят исконно тюркский характер» (Татаринцев, 2008: 82).

сірее

В хакасском языке и в текстах героических сказаний данная лексема является частотной: *сірее* «1) скамейка, лавка; *ибдегі сірее* лавки в юртах; <...>; 2) деревянная кровать; *ікі кізі узучаң сірее* двухместная деревянная кровать; 3) *ист.* трон; *хан сіреезі*: а) трон хана, ханский трон; б) царский трон; 4) *устн.* жертвенный столик; стол; *тайыгда хазыңнаң сірее итчеңнер* на молениях жертвенный стол сооружали на березовых ветках» (ХРС, 2006: 480). Исследователи отмечают общетюркский и общемонгольский характер данной лексемы: алт.: *шире* «трон», тув.: *ширээ* «устн. столик: а) на котором стояли изображения буддийских богов; б) на котором ставили угощение перед уважаемым человеком»; уйг. *шира/ширә* «столик» (Малов, 1954: 197). В. И. Рассадина отмечает слово *сірее* в списке монголизмов в сибирских тюркских языках: «*сірее* «1) скамейка, лавка; 2) кресло; 3) диван, деревянная кровать (у усть-абаканских качинцев); саг., шор., кыз. *серее* «лавка, скамейка» < монг. *sirege*; ойр. *sirege* «стол, трон, престол»; совр. монг. *ширээ(н)* «1) стол; 2) престол; 3) возвышенность»; бур.: *ширээ*

«1) низкий стол; деревянная кровать; 3) тунк. скамейка; 4) престол, трон; 5) зап. устн. накрест сложенная куча дров для сжигания жертвенных продуктов (в шаманском ритуале)»; калм. *ширэ* «стол, трон, престол; скамейка» (Рассадин, 2019: 242).

В тексте героического сказания «Албынчы» лексема *сірее* используется только в составе клишированного выражения с эпитетом *алтын*: *алтын сірее* «золотая скамейка; золотой трон». Наделение золотым цветом предметов быта не только в хакасском, а в тюркском мифологическом сознании указывает на высокий, божественный статус их обладателя, например, хак.: *алтын стол* «золотой стол», *алтын хур* «золотой пояс», *алтын кинде* «золотая книга» и т. д. По вопросу этимологии в тюркских и монгольских языках слова *алтын* имеются неоднозначные мнения ученых (подробно в: Севортян, 1974: 142–143; Сравнительно-историческая грамматика..., 2001: 401–404, 636 и др.). Во всех предложениях *сірее* употребляется в форме дательного падежа с аффиксом *-ге* и в сочетании с глаголом *одыр-* «садиться»: *Хулатай <...> / Изен-минді ирткенде, алтын сірееге одырыбысхан* (А, 62) – Хулатай <...> / Поздороваясь со всеми, сел на золотую скамью (трон). *Алтын сірееге одыра түзін, / Хулатай анда орлан салыбысхан: / – Кічигдең киреенче чахсы чуртты / Чуртап полбадым, – тіп орлап-сыхтап турадыр* (А, 123) – Усевшись на **золотой трон**, / Хулатай заревел: / – С малолетства до старости / (Я) не жил (букв. не смог жить) хорошо, – ревет-плачет. *Харахтыг тас алтын сірееге одырыбысхан. / Алтын Арыг алтын столын тартыбысхан* (А, 91) – Зрячий раб сел на **золотую скамью**. / Алтын Арыг накрыла богатый стол.

Есть и исключения, где лексема *сірее* используется без определения *алтын* «золотая»: *Хучахтазып узупчаттырлар, / Хулатай, уйтханынаң тура сегіріп, / үстүнзарых сірееге одырыбысхан. / Алып Хан Хыс, тура сегіріп, / Төрдегі сірееге одырыбысхан* (А, 67) – Спят, оказывается, обнявшись, / Хулатай, застеснявшись, соскочил, / И сел на высоко стоящую **скамью**. / Алып Хан Хыс, тоже застеснявшись, / Села **на скамью** в переднем углу. В данном предложении говорится о деликатной ситуации: богатыри оказались в неловком положении. Возможно, в данном описании не совсем гармонируют действия «соскочить от стыда» и «сесть на золотую скамью», поэтому вместо эпитета *алтын* «золотая» используются обозначения место нахождения скамьи: *үстүнзарых* «высоко стоящая; южная» и *төрдегі* «стоящая в переднем углу».

хуйах

В хакасских героических сказаниях слово *хуйах* обозначает элемент богатырского одеяния и реализуется в значении «1) *ист.* куйак (щит, изготовленный из сыромятной кожи) панцирь, щит; ср. *чаргах; илчірбе хуйах* кольчуга; *күме хуйах* латы (состоящие из мелких пластинок); 2) броня; *танк хуйагы* броня танка» (ХРС, 2006: 859). Примеры: *Ўзүт Арыг ичеңнің / Хара тас хуйагының тастынаң тыынып, / Чир сыдап полбассың / Арыг күзің хаппас* (А, 59) – Если схватишь за черную каменную **кольчугу** / (Своей) мамы Узут Арыг, / Не сможешь одолеть ее, / (Твоих) сил не хватит. *Паарынаң сыххан палазын – Албынчыны – / Көксінең үс хати саап тартханда, / Күме хуйахты саңай үзе, / Халын итке читіре тартхан* (А, 111) – (Своего) родного сына Албынчы / Три раза ударила в грудь, / **Кольчугу** с кольцами разорвав, / Ударила до самого толстого тела. *Тогыс мархалыг хуйагын суурып, / Тогыс аастыг ах тас сундугына сугып, / – Паза сині кеспеспін, - тіп турадыр* (А, 125) – Сняв (свою) **кольчугу** с девятью бляхами, / И складывая в белый каменный сундук с девятью дверцами, / – Говорит, мол, больше не буду тебя одевать. *Аннаң айланып, Алып Хан Хыс, / Тогыс аастыг хызыл тас сундугынаң / Тогыс мархалыг ах хуус хуйагын сыгарып, / Хан Миргеннің палазына аны кизіртті* (А, 58) – Затем повернувшись, Алып Хан Хыс, / Из красного каменного сундука с девятью дверцами / Вытаскивая белую кожаную **кольчугу** с девятью бляхами, / Одеда ее на сына Хан Миргена. В последних двух предложениях реализуются лексические полярные позиции: «складывать в сундук» – «вытаскивать из сундука»; «снимать» – «одевать». Также эти предложения снабжены клишированными выражениями *тогыс аастыг тас сундух* «каменный сундук с девятью

дверцами», *тогыс мархалыг хуйах* «кольчуга с девятью бляхами (букв. пуговицами)». Под *марха* «букв. пуговица», возможно, подразумеваются крупные бляхи, предназначенные для защиты тела во время схваток. При этом допускается словесная вариативность или незначительная трансформируемость внешнего облика клише: *тогыс мархалыг хуйах* «кольчуга с девятью бляхами (букв. пуговицами)» – *тогыс мархалыг ах хуус хуйах* «кольчуга с девятью белыми кожаными бляхами (букв. пуговицами)»; *тогыс аастыг ах тас сундугына* «белый каменный сундук с девятью дверцами» – *тогыс аастыг хызыл тас сундух* «красный каменный сундук с девятью дверцами».

Лексема *хуйах* в разных фонетических вариантах присутствует также в других сибирских тюркских и киргизском языках: тоф. *қуяқ* «кольчуга, панцирь»; тув.: *куяк* «1) броня/броневой, из брони; 2) панцирь»; як.: *куйах* «кольчуга» и др. Ее лексический аналог широко представлен и в монгольском языке: *хуяг I* «1) панцирь; кольчуга, забрало; *дэглий хуяг* короткий панцирь; *хуяг дуулга* хорш. панцирь и шлем; полное военное облачение; *хуяг өмсөх* надевать панцирь; *хуягийн гэр* покрывка, оболочка панциря; 2) броня; *өвч хуяг* боевое облачение, броня; *хуяг нэвтлэх сумм* бронебойная пуля; 3) латник; *хуяг болгох* назначать латником, перевести в латники; *хуяг цэрэг* воин» (БАМРС, 2001: 1044). БАМРС выдает и его омонимичный вариант: *хуяг II* «1) стражник, тюремный смотритель; конвой; *гяндан сахих хуяг* тюремная охрана; *хуяг дагал дуулан хүргэх* направлять под конвоем; 2) түүх. воин; 3) түүх. юрта, обязанная выставить одного воина; *албат хуяг* түүх. несущий воинскую повинность; *хөөгч хуяг* түүх. название младшей командной должности, командир взвода» (БАМРС, 2001, с. 1044). Однако несмотря на широкие семантические и валентностные свойства данного слова, типологи подвергают сомнению его истинное происхождение. В частности, по свидетельству Э. В. Севортяна, «Дж. Клосон (С1. 676а-б) относил *қуяқ* к ранним тюркским заимствованиям в монгольские языки, а В. И. Рассадин (Рас.МБЗ 68) рассматривал як. *куйах* как заимствование из монгольского» (Севортян, 1974: 110–111).

В современном хакасском языке слово *хуйах* чаще используется в переносном значении: «интуиция, предчувствие, чутье (по суеверным представлениям, сверхъестественная, присущая некоторым людям сила, которая оберегает их от всяких злоключений, бедствий: *хуйагы хатыг кизи* человек, у которого магическое чутье (если он что-то видит недоброе во сне, это якобы сбывается)» (ХРС, 2006: 859). Также под словом *хуйах* понимают духовную защиту человека от внешних неприятностей, и хакасы часто произносят благопожелание: *Хуйагың тик ползын!* – Пусть твоя защита будет прочной!

Заключение

1. Мы предполагаем, что имя главного героя героического сказания *Албынчы* имеет монгольское происхождение: *албин* «монг. бес, демон» + *шэ*, но в других языках прослеживаются дополнительные оттенки значения этого слова, например, в бур. «чародей, волшебник». Мотивация наречения данным именем и ее связь с характеристикой и судьбой героя пока остаются неясными.

2. Все рассмотренные лексемы, как компонент клишированных выражений, используются в героических сказаниях хакасов и других тюркских народов Сибири. Четыре из девяти рассмотренных монгольских заимствований действуют в современном хакасском языке в несколько трансформированном семантическом варианте.

3. Многочисленные монгольские слова перешли в хакасский (и в другие тюркские сибирские, а также кыргызский) язык, как правило, лишь в первичных значениях; некоторые из них получили развитие переносного значения в современном хакасском языке.

4. Семантика и фонетический облик монгольских заимствований в хакасском языке не обнаруживают значительных изменений. Подобный факт В. И. Рассадин объясняет «длитель-

ным двуязычием, возникшим в результате или сильного языкового влияния монголов, или же участия в этногенезе монголоязычных групп населения» (Рассадин, 2019: 253).

5. Семантико-функциональный анализ монголизмов на материале героического сказания «Албынчы» показал, что они не обладают разнообразием валентностного/синтаксического потенциала. Структура предложений и клишированных выражений в большинстве случаев является однотипной.

Список сокращений:

алт. – алтайский язык; кирг. – киргизский язык; сойот. – сойотский язык; тоф. – тофаларский язык; тув. – тувинский язык; хак. – хакасский язык; шор. – шорский язык; як. – якутский язык.

Словари:

АРС – Алтайско-русский словарь. Редколлегия: канд. филол. наук А. Э. Чумакаев (отв. ред.), канд. ист. наук Н. В. Екеев, канд. филол. наук А. Н. Майзина, К. К. Пиянтинова, Н. Н. Тыдыкова, канд. филол. наук Е. В. Тюттешева; БНУ РА «НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова». Горно-Алтайск, 2018. 936 с.

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Под общ. ред. ак. АН Монголии А. Лувсандэндэва и доктора филол. наук, проф. Ц. Цэдэндамба. Отв. ред. доктор филол. наук, проф. Г. Ц. Пюрбеев. Ок. 70000 слов. М.: ACADEMIA. 2001. 2007 с.

КРС – Киргизско-русский словарь. В двух книгах. Около 40 000 слов / сост. К. К. Юдахин. Фрунзе: Главная редакция Киргизской советской энциклопедии. 1985. Книга 2: Л–Я. 480 с.

Рассадин В. И. Тофаларско-русский словарь – Тоьфа-орус сооттары. Элиста: Изд-во Калмыцкого гос. ун-та. 2014. 532 с.

Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шеввернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков в 3 томах / Институт востоковедения РАН. Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. Том I: А–Е. М.: ИВ РАН. 2015. 224 с.

Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шеввернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Институт востоковедения РАН. Гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадина, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. Том II: Г–Р. 2016. 232 с.

Севертян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Изд-во «Наука». 1974. 767 с.

Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: «Наука». 2008. 442 с. Том IV: М, Н, О, Ө, П.

ТРС – Тувинско-русский словарь. Изд-во: Самиздат. 2008. 338 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь – Хакас – орыс сөстiгi: около 22 тыс. слов. Авторы-составители: О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков и др. Под общей редакцией О. В. Субраковой. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

ЯРС – Якутско-русский словарь. 25 300 слов. Под ред. П. А. Слепцова. М.: Изд-во «Советская энциклопедия». 1972. 568 с.

Литература:

Албынчи: хакасское героическое сказание / Сказитель С. П. Кадышев; Литературный перевод И. Кычакова; Предисловие В. Доможакова. Художник А. Новосёлова. Абакан: Хакасское областное гос. изд-во. 1951. 112 с.

Албынчи: хакасское героическое сказание. Перевод И. Кычакова. Красноярск: Красноярское книжное изд-во. 1984. 112 с.

Албынчы. Алыптыг ныхах. Абакан: Хакасское книжное изд-во. 2018. 126 с.

Албынчы: Алыптыг ныхах // Хакас поэзиязының антологиясы. Абакан, 1960. С. 7–12.

Албынчы. Две главы из сказания // Огни Хакасии. 1950. № 3. С. 162–176.

Албынчи: Хакасский народный эпос / пер. И. Кычакова // Героический эпос народов СССР. Вступительная статья, составление и примечания А. А. Петросян. М.: Художественная литература. Т.1. 1975. С. 461–532.

Албынчи: Хакасское героическое сказание // Литература Хакасии: 5–9 классы. Абакан: Хакасское книжное изд-во. 1992. С. 133–176.

- Баярсайхан Бадарч, Саая О. М., Донгак А. С.** Слова монгольского происхождения в тувинских сказках // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 4. С. 94–106.
- Данилова А. Н.** К вопросу изучения семантики собственных имен персонажей в эпосе якутского и хакасского народов // Якутский героический эпос олонхо: вопросы научного изучения: сб. науч. ст. / В. Н. Иванов (отв. ред.) и др. Якутск: Издат. дом СВФУ. 2012. С. 60–62.
- Дыбо А. В.** Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М.: «Школа Языки русской культуры». 1996. 390 с.
- Майнагашева В. Е.** Примечания к переводу героического эпоса «Алтын Арыг». Библиографический справочник: к 90-летию со дня рождения. 4-е издание, переработанное, дополненное. Абакан: Хакасское книжное изд-во им. В. М. Торосова. 2020. С. 77–121.
- Малов С. Е.** Уйгурский язык. Хамийское наречие. Тексты, переводы, словарь Академии наук СССР. Институт языкознания. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР. 1954. 204 с.
- Рассадин В. И.** Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Изд-во «Наука». 1980. 117 с.
- Рассадин В. И.** Очерки по истории сложения тюркско-монгольской языковой общности / под ред. А. В. Дыбо. СПб.: Изд-во: Нестор – История. 2019. 608 с.
- Санжеева Л. Ц.** Эпические имена собственные: этносемантический аспект // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2012. № 10. С. 161–164.
- Субракова О. В.** Язык хакасского героического эпоса. Абакан: Хакасское книжное изд-во. 2007. 164 с.
- Татаринцев Б. И.** О некоторых группах монголизмов в языке тувинского фольклора (на материале сказок и героических сказаний) // Ученые записки ТНИИЯЛИ. Вып. XIV. Кызыл. 1970. С. 174–188.
- Тенишев Э. Р., Благова Г. Ф., Добродомов И. Г., Дыбо А. В., Кормушин И. В., Левитская Л. С., Мудрак О. А., Мусаев К. М.** Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика: 2-е издание, доп. М.: Наука. 2001. 822 с.
- Чертыкова М. Д.** Концептуальное пространство *счастье* в тюркских языках Сибири (по материалам лексикографических источников) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 1 (35). С. 92–105.

Чертыкова Мария Дмитриевна.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.

**Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.**

Ул. Ленина, 94, Абакан, 655017.

E-mail: chertikova@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 28 ноября 2022 г.

M. D. Chertykova

MONGOLIAN BORROWINGS IN THE TEXT OF THE KHAKASS HEROIC LEGEND «АЛБЫНЧЫ»

Like other Siberian Turkic languages, the Khakass language is characterized by an abundance of Mongolian borrowings due to the centuries-long contacts of its speakers. In the texts of the heroic stories, most of these words have been preserved, even those that are no longer actively used. Based on the semantic, morphological, phonetic, and etymological criteria for selecting the Mongolian loan vocabulary described in the works of famous linguists – typologists E. V. Sevortyan, V. I. Rassadin, B. I. Tatarintsev, A. V. Dybo, and others – we have managed to identify Mongols in the text of the Khakass heroic legend “Албынчы”. However, the question of the Mongolian origin of some of them is still open. This article analyzes the nine most frequent lexemes in the language of the heroic sagas from the functional-semantic, etymological, and comparative points of view, of which four lexemes are used in the modern Khakass language in a somewhat modified semantic version. Translation examples of Mongolian borrowings from the heroic legend “Албынчы” served as material for the article, for the analysis of which data from lexicographic sources were used. It turned out that all the Mongolian borrowings we considered exist not only in the Khakass language but also in other Siberian Turkic languages and the Kyrgyz language. However, if some of these words are preserved only in the Khakass texts of the heroic legends and in the Khakas-Russian dictionary [2006], then their equivalents are used in the active vocabulary of other languages, for example, *арға* “1) strength, dexterity; 2) method, means, reception”. It has also been noted that polysemantic Mongolian words have generally passed into the Khakass language (and other Siberian Turkic languages, as well as the Kyrgyz language) only in their primary meanings; some of them have developed figurative meanings in

the modern Khakass language, e.g., хуйах “protection; intuition” In the semantic-functional scheme, sentences with Mongols are not characterized by a particular variety of syntactic links, as active clichéd expressions are built into them. Also, the semantics and phonetic appearance of the considered mongolisms in the Khakass language do not show significant changes.

Keywords: *Khakass language, heroic legend “Албынчы”, Mongolian borrowings, lexeme, etymology, semantics, functioning*

References:

- Albynzhi:** hakasskoe geroicheskoe skazanie / Skazitel' S. P. Kadyshev; Literaturnyj perevod I. Kychakova; Predislovie V. Domozhakova. Hudozhnik A. Novosyolova. Abakan: Hakasskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo. 1951. 112 p.
- Albynzhi:** hakasskoe geroicheskoe skazanie. Perevod I. Kychakova. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1984. 112 p.
- Albynchy.** Alyptyr nymah. Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 2018. 126 p.
- Albynchy:** Alyptyr nymah // Hakas poeziyazynuz antologiyazy. Abakan, 1960. P. 7–12.
- Albynchy.** Dve glavy iz skazaniya // Ogni Hakasii. 1950. No 3. P. 162–176.
- Albynzhi:** Hakasskijnarodnyj epos / Per. I. Kychakova // Geroicheskij epos narodov SSSR. Vstupitel'naya stat'ya, sostavlenie i primechaniya A. A. Petrosyan. M.: «Hudozhestvennaya literatura». Vol. 1. 1975. P. 461–532.
- Albynzhi:** Hakasskoe geroicheskoe skazanie // Literatura Hakasii: 5–9 klassy. Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1992. P. 133–176.
- Bayarsajhan Badarch, Saaya O.M., Dongak A. S.** Slova mongol'skogo proiskhozhdeniya v tuvinskih skazkah // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2019. No 4. P. 94–106.
- Daniilova A. N.** K voprosu izucheniya semantiki sobstvennyh imyon personazhej v epose yakutskogo i hakasskogo narodov // Yakutskij geroicheskij epos olonho: voprosy nauchnogo izucheniya: sbornik nauchnyh statej / red. koll. V. N. Ivanov (otv. red.) i dr. Yakutsk: Izdatel'skij dom SVFU. 2012. P. 60–62.
- Dybo A. V.** Semanticheskaya rekonstrukciya v altajskoj etimologii. Somaticheskie terminy (plechevoj poyas). M.: «Shkola Yazyki russoj kul'tury». 1996. 390 p.
- Majnagasheva V. E.** Primechaniya k perevodu geroicheskogo eposa «Altyn Aryg». Biobibliograficheskij spravochnik: k 90-letiyu so dnya rozhdeniya. 4-e izdanie, pererabotannoe, dopolnennoe. Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo im. V. M. Torosova. 2020. P. 77–121.
- Malov S. E.** Ujgurskij yazyk. Hamijskoe narechie. Teksty, perevody, slovar' Akademiya nauk SSSR. Institut yazykoznanija. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 1954. 204 p.
- Rassadin V. I.** Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskih tyurkskih yazykah. M.: Izdatel'stvo «Nauka». 1980. 117 p.
- Rassadin V. I.** Oчерки po istorii slozheniya tyurksko-mongol'skoj yazykovoj obshchnosti / pod red. A. V. Dybo. SPb.: Nestor – Istoriya. 2019. 608 p.
- Sanzheeva L. C.** Epicheskie imena sobstvennye: etnosemanticheskij aspekt // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. No 10. P. 161–164.
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskih yazykov.** Leksika: 2-e izdanie, dopolnennoe. Avtory: E. R. Tenishev, G. F. Blagova, I. G. Dobrodomov, A. V. Dybo, I. V. Kormushin, L. S. Levitskaya, O. A. Mudrak, K. M. Musaeov. M.: Nauka. 2001. 822 p.
- Subrakova O. V.** Yazyk hakasskogo geroicheskogo eposa. Abakan: Hakasskoe knizhnoe izdatel'stvo. 2007. 164 p.
- Tatarincev B. I.** O nekotoryh gruppah mongolizmov v yazyke tuvinskogo fol'klora (na materiale skazok i geroicheskikh skazanii) // Uchyonye zapiski TNIIYALI. Vypusk XIV. Kyzyl. 1970. P. 174–188.
- Chertykova M. D.** Konceptual'noe prostranstvo schast'e v tyurkskih yazykah Sibiri (po materialam leksikograficheskikh istochnikov) // Tomskij zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovanij. 2022. No 1 (35). P. 92–105.

Chertykova Maria Dmitrievna.

Doctor of science (philology), senior research fellow.

Institute of Humanitarian Researches and Sayan-Altai Turkology of Katanov Khakass State University.

Lenina Str., 94 Abakan, Russia, 655017.

E-mail: chertikova@yandex.ru

А. Н. Чугунекова

УСЛОВНЫЕ БИПРЕДИКАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

На материале современного хакасского языка описываются структурно-семантические типы бипредикативных конструкций с семантикой условия. Многие вопросы, касающиеся описания сложных предложений, в хакасском языке еще не получили должного освещения, чем и определяется актуальность данного исследования. Цель статьи заключается в выявлении и описании структурно-семантических типов условных бипредикативных конструкций в современном хакасском языке. Материалом исследования послужила сплошная выборка примеров из произведений художественной литературы и фольклорных текстов на хакасском языке. В результате проведенного исследования делается вывод: для хакасского языка можно выделить три модели бипредикативных конструкций с зависимой предикативной единицей условия. Отношения между главной и зависимой частями бипредикативных конструкций осуществляется общетюркской условной формой =ca (и его фонетическими вариантами) и аналитическими условными формами со служебным словом *полза* 'быть, становиться'. На основе семантических признаков условные конструкции в хакасском языке подразделяются на реально условные и нереально условные. Реально условные конструкции характеризуются тем, что условие в их зависимой части мыслится говорящим как реально осуществимое, в нереально условных конструкциях – как неосуществимое. В реально условных конструкциях сказуемое главной части представлено формами индикатива, императива и оптатива, в нереально условных конструкциях – формой сослагательного наклонения.

Ключевые слова: синтаксис, хакасский язык, условные конструкции, бипредикативная конструкция, реально условная конструкция, нереально условная конструкция

Введение

Синтаксис сложного предложения хакасского языка изучен недостаточно. Из всех функционально-семантических типов сложных предложений монографическое описание получили темпоральные (Боргоякова, 2002), причинно-следственные (Абумова, 2013) и сравнительные (Султрекова, 2017) конструкции. Также материалы хакасского языка активно привлекались при описании полипредикативных конструкций сибирских языков (Предикативное склонение..., 1984; Структурные типы..., 1986; Шамина, 2004).

Что касается условных конструкций, то на материале хакасского языка они мало исследованы. Так, некоторые сведения о них находим в статье О. В. Субраковой, посвященной средствам выражения синтаксической связи в сложноподчиненных предложениях (Субракова, 1980: 31–32) и в коллективной статье И. Л. Кызласовой, З. И. Султрековой, в которой рассматриваются структурные и семантические особенности аналитических форм условного наклонения в современном хакасском языке (Кызласова, Султрекова, 2018: 51–53). В научной грамматике хакасского языка условные конструкции традиционно причисляются к обстоятельственным сложным предложениям (ГХЯ, 1975: 40).

На материале других тюркских языков условные конструкции исследованы достаточно подробно. Так, о структурно-семантических особенностях условных полипредикативных конструкций (ППК) тувинского языка писала Л. А. Шамина (Шамина, 1993; 2000; 2001; 2018), казахского – С. Ж. Тажибаева (Тажибаева, 2001), а для алтайского языка имеются несколько исследований, посвященных анализу условных конструкций (Филистович, 1991; Тазранова, 2019; Озонова, 2021; 2022).

На материале сибирских языков описаны условные конструкции для эвенкийского (Бродская, 1988), эвенского (Мальчуков, 1998), ненецкого (Буркова, 2002), вепского (Иванова, Кошкарёва, 2013) и др. языков.

Под условными конструкциями следует понимать «бипредикативную семантическую конструкцию» (Типология, 1998: 15), в которой «выражаются две пропозиции, из которых одна определенным образом зависит от другой. ЗПЕ выражает то действие или состояние,

положение дел, которое должно быть достигнуто и которое обусловлено действием, названным в ГПЕ. ЗПЕ, маркированная средством связи, называет стимул, а ГПЕ – итоговое состояние, которое достигается благодаря событию-стимулу» (Шамина, 2018: 312).

Главным показателем связи условных отношений в тюркских языках является аффикс =са и его фонетические варианты¹. Данный аффикс присоединяется к основе глагола (как в простой, так и в аналитической форме) или вспомогательному глаголу пол= в составе аналитической конструкции, «которые используются в позиции сказуемого ЗПЕ условных конструкций» (Шамина, 2018: 312).

Условная форма =са спрягается по лицам в ед. и мн. числе, имеет положительный и отрицательный аспект, например: *нас=са=м* ‘если (я) буду писать’, *нас=са=ң* ‘если (ты) будешь писать’, *нас=са* ‘если (он) будет писать’, *нас=па=за=м* ‘если (я) не буду писать’, *нас=па=за=ң* ‘если (ты) не будешь писать’, *нас=па=за* ‘если (он) не будет писать’ и т. д.

Материал исследования

Материалом данного исследования послужили примеры, собранные путем сплошной выборки из хакасской художественной литературы и фольклорных текстов.

1. Структурные типы условных конструкций

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, условные значения имеют несколько структурно различных конструкций: монофинитные синтетические с условно временной формой =са, монофинитные синтетико-аналитические с причастными формами и именем со служебным словом полза ‘если’, где пол= ‘быть, становиться’, =за – условно временная форма.

Мы выделяем три структурных типа БПК с ЗПЕ условия:

- 1) (N_{NOM} ↔ Tv=са), [ГПЕ];
- 2) (N_{NOM} ↔ Tv=PART полза), [ГПЕ];
- 3) (N_{NOM} ↔ N полза), [ГПЕ].

К первому типу относятся БПК, в которых основным средством выражения связи между ГПЕ и ЗПЕ выступает общетюркский аффикс =са.

(1) <i>Тиссең,</i>	<i>таптырган</i>	<i>чирде</i>	<i>чаргы</i>
тис=се=ң	тап=тыр=ған	чир=де	чаргы=Ø
убегать=COND=2SG	находить=CAUS=PP	место=LOC	суд=NOM
<i>чох</i>	<i>ат</i>	<i>салам</i>	
<i>чох</i>	<i>ат</i>	<i>сал=а=м</i>	
<i>нет</i>	<i>стрелять</i>	AUX: класть=FUT=1SG	
‘Если будешь убегать, застрелю без суда там же, где найду.’ (НД ЫА, 60)			

Ко второму типу относятся БПК, в которых связь между ГПЕ и ЗПЕ осуществляется через аналитическую условную форму (Tv=PART полза). В формировании аналитической формы в разной степени участвуют все формы причастия (кроме настоящего на =иган/=иген): настоящего времени на =чат/=бинчат, (=чет/=бинчет) и =чатхан/=бинчатхан, (=четкен/=бинчеткен); прошедшего на =ган/=баан, (=ген/=беен; =хан/паан); прошедшего еще неосуществленного на =галах/=гелек (=халах/=келек; =алах/елек); настояще-будущего на =чаң/=бачаң (=чең/=бецең); будущего на =ар/=бас (=ер/=бес) и будущего предположительного на =гадаг/=баадаг, (=гедег/=бедег; =хадаг/=паадаг, =кедег/=недег). Причастие является ос-

¹ В хакасском языке фонетическими вариантами аффикса =са являются аффиксы =се/; =за/=зе.

новным компонентом, а условие передает вспомогательный глагол *пол*= ‘быть’ в условной форме на =за «с личным оформлением в 1-м и 2-м лицах и нулевым окончанием в 3-м лице» (Шамина, 2001: 175).

- (2) *Килген* *полза,* *ибде* *поларчых.*
кил=ген **пол=за** **иб=де** **пол=арчых**
приходить=PP **быть=COND** **дом=LOC** **быть=CON**
 ‘Если бы [он] пришел, то был бы дома.’ (МК П, 143)

К третьему типу относятся БПК, «в которых условные отношения передаются именными формами зависимого сказуемого» (Тажигаева, 2001: 182) в сочетании со служебным словом *полза* ‘если’. Как показывает наш материал, глагол *полза* сочетается с существительными, прилагательными, именами наличия (*нар*= ‘есть, имеется’) или отсутствия (*чох* ‘нет, отсутствует’), качества (*чахсы* ‘хороший’, *хомай* ‘плохой’) и количества (*көн* ‘много’, *ас* ‘мало’ и др.).

- (3) *Хыс* *пала* *полза,* *Азарийа*
хыс=Ø **пала=Ø** **пол=за** **Азарийа=Ø**
девочка=NOM **ребенок=NOM** **быть=CON** **Азарийа=NOM**
тип *адап* *саларбыс.*
 тип *ада=п* *сал=ар=быс*
 CONJ *называть=CV* *AUX: класть=FUT=1PL*
 ‘Если будет девочка, то назовем Азарией.’ (МК П, 145)

- (4) *Минің* *пабам* *-ічем* *нар* *полган* *полза,*
 мин=ің **паба=м** **іче=м** **нар** **пол=ған** **пол=за**
 я=GEN **отец=POSS.1SG** **мать=POSS.1SG** **есть** **быть=PP** **быть=CON**
пір *дее* *класста* *ікі* *чылга* *халбасчыхпын.*
 пір *дее* *класс=та* *ікі=Ø* *чыл=ға* *хал=басчых=пын*
 один PCTL *класс=LOC* *два=NOM* *год=DAT* *оставаться=CON.NEG=1SG*
 ‘Если бы у меня были родители, [я] никогда не остался бы на второй год в одном классе.’ (НТ КК, 49)

Условные БПК с участием форм (*Тv=са*), (*Тv=PART полза*) и (*N полза*) реализуются в моносубъектных (один субъект для двух событий) (см. примеры 5 и 6) и разносубъектных (два или более субъекта для двух событий) (см. пример 7) конструкциях.

- (5) *Позым* *хараамнаң* *көрбеен* *ползам,*
 поз=ым *хараам=наң* **көр=беен** **пол=за=м**
 сам=POSS.1SG *глаза.POSS.1SG=INSTR* **смотреть=NEG.PART** **быть=COND=1SG**
киртінмесчікпін.
киртін=месчік=пін
верить=CON.NEG=1SG
 ‘Если бы не увидел своими глазами, не поверил бы.’ (МК П, 5)

- (6) *Чой* *ползаң,* *хачан* *даа* *чырғалың*
чой=Ø **пол=за=ң** *хачан* *даа* *чырғал=ың*
лгун=NOM **быть=COND=2SG** *когда* PCTL *наслаждение=POSS.2SG*
чох *полар.*
чох *пол=ар*
нет *быть=FUT*
 ‘Если будешь лгуном, никогда не получишь наслаждения (от жизни).’ (МК П, 15)

- (7) *Син* *килбеен* *ползаң,* *синиң*
 син=∅ **кил=беен** **пол=за=ң** син=иң
 ты=NOM **приходить= NEG.PART** **быть=COND=2SG** ты=GEN
килериңни *пiлбесчiкпiн.*
 кил=ер=иң=ни пiл=бесчiк=пiн
 приехать=FUT=POSS.2SG=ACC **знать=CON.NEG=1SG**
 ‘Если бы [ты] не приехал, [я] не знал бы о твоём приезде.’ (МК П, 6)

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, в условных БПК субъект ЗПЕ может выражаться имплицитно (лично-числовыми показателями, указывающими на субъект) (примеры 5 и 6) и эксплицитно (именем существительным или местоимением в неопределённом падеже) (пример 7).

Лексически субъект оформляется, когда говорится «о третьем лице, поскольку сказуемое ЗПЕ в 3-м лице ед. и мн. ч. имеет нулевой показатель» (Озонова, 2021: 303) (пример 8), а если речь идет о 1-м и 2-м лице, то субъект лексическое оформление не получает, так как он обычно выражается лично-числовыми показателями (примеры 9, 10).

- (8) *Ипчи* *кiзи* *хап*
 ипчи=∅ кiзи=∅ хап
 женщина=NOM человек=NOM мешок
хапса, *хомай.*
хап=са **хомай**
поднимать=COND **плохо**
 ‘Если женщина поднимает мешок, то это плохо.’ (МК П, 193)

- (9) *Парбас* *ползаң,* *позытпасын.*
пар=бас **пол=за=ң** **позыт=пас=пын**
идти=NEG.PART **быть=COND=2SG** **отпускать=NEG.FUT=1SG**
 ‘Если [ты] не пойдешь, не отпущу.’ (МК П, 7)

- (10) *Чылхалан* *пiлзең,* / *Чахсы* *чуртирзың.*
чылхалан **пiл=зе=ң** **чахсы** **чуртир=зың**
быть деловым **знать=COND=2SG** **хорошо** **жить.FUT=2SG**
 ‘Если будешь деловым, / Будешь жить хорошо.’ (ХС, 44)

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, условно временная форма =са (=се; =за/=зе) в сочетании с частицей *даа* (*дее; таа/тее*) оформляет зависимое сказуемое в уступительных полипредикативных конструкциях (Чугунекова, 2022).

2. Семантические типы условных конструкций

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, мы выделяем два семантических типа условных конструкций. К первому типу относятся БПК, в которых условие, представленное в ЗПЕ, оценивается говорящим как возможное (*реально условное*), ко второму – БПК, в которых условие ЗПЕ оценивается как невозможное (*нереально условное*).

В реально условных БПК предикат ГПЕ выражается формами настоящего, прошедшего и будущего времени индикатива, также формами императива и оптатива, а в нереально условных – формой сослагательного наклонения.

2.1. Реально условные БПК

В реально условных конструкциях сказуемое ЗПЕ выражается простой ($Tv=ca$) или аналитической ($Tv=PART$ *пол=за*) условной формой, в состав которой входят причастия настоящего времени =*чат*/=*бинчат*, прошедшего =*зан*/=*баан*, прошедшего еще неосуществленного =*галах*, будущего =*ар*/=*бас*, будущего предположительного =*гадаг*/=*баадаг*.

Как показывает материал, в хакасском языке наиболее частотными являются конструкции с формами $Tv=за$ и $Tv=ар$ /=*бас* *полза* в качестве сказуемого ЗПЕ и формами императива и $Tv=ар$ /=*бас* индикатива в роли сказуемого ГПЕ.

- (11) *Азааң* *хыймыраза*, / *Ахсың* *чаглыг* *полар*.
 азааң **хыймыра=за** ахсы=ң чағ=лығ пол=ар
 нога.POSS.2SG **шевелиться=COND** рот=POSS.2SG сало=POSSV AUX: быть=FUT
 ‘Если ноги будут бегать, / Во рту сало будет.’ (ХС, 44)

- (12) *Худай* *хоных* *пирзе*, *чахсы* *чуртирлар*.
 худай=Ø хоных=Ø **пир=зе** чахсы **чуртир=лар**
 бог=NOM жизнь=NOM **AUX: дать=COND** хороший **жить.FUT=3PL**
 ‘Если бог даст, будут жить хорошо.’ (МК П, 47)

- (13) *Хыс* *сөлеп* *пирер* *ползаң*, *кирек*
 хыс=Ø **сөле=п** **пир=ер** **пол=за=ң** кирек
 девушка=NOM **сватать=CV** **AUX: давать=FUT** **быть=COND=2SG** дело
тудылбас.
 туд=ыл=бас
 держать=PASS=NEG.FUT
 ‘Если сосватаешь девушку, дела не задержатся.’ (МК П, 6)

Судя по данным, если в реально условных конструкциях глагол-сказуемое ГПЕ выражается формой императива, то в таких примерах наблюдаются различные тонкие оттенки условно следственного значения, например, *условие-совет*, *условие-просьба*, *условие-призыв*, *условие-требование* и др. Известно, что «форма повелительного наклонения обозначает волеизъявление, направленное на осуществление желания говорящего» (Тажибаева, 2001: 205):

- (14) *Аң* *хаптыр* *полбазаң*, *хомзынма*.
 аң=Ø **хап=тыр** **пол=ба=за=ң** **хомзын=ма**
 зверь=NOM **хватать=CAUS** **быть=NEG=COND=2SG** **огорчаться=NEG.IMP**
 ‘Если на охоте постигнет неудача, не огорчайся.’ (ХС, 67)

- (15) *Киртінмезең*, *Иразаннаң* *сур*.
киртін=ме=зе=ң Иразан=наң **сур=Ø**
верить=NEG=COND=2SG Иразан=ABL **спрашивать=IMP.2.SG**
 ‘Если не веришь, спроси у Иразана.’ (МК П, 49)

Согласно языковому материалу, сказуемое ГПЕ может оформляться также формой настоящего обычного времени на =*адыр*, которая выражает «повторяемость действия, независимо от течения времени» (Боргоякова, 2019: 86–87) и формой =*чаң*, которая в хакасском языке из всех временных форм индикатива «является, пожалуй, самой многозначной. Этой формой можно выразить действие прошедшего, настоящего (точнее, вневременного) времени и действие, проектируемое в будущем» (ГХЯ, 1975: 214): ($Tv=ca$), [$Tv=адыр$] и ($Tv=ca$), [$Tv=чаң$]. Такие примеры часто наблюдаются среди пословиц и поговорок.

- (16) *Чаага кiрзе, олiм поладыр, / Чаргаа кiрзе – үрег поладыр.*
 чаа=га кiр=зе олiм=Ø пол=адыр
 война=DAT входит=COND смерть=NOM быть=PRES
 чаргаа кiр=зе үрег=Ø пол=адыр
 суд.DAT входит=COND урон=NOM быть=PRES
 ‘Если война – следует смерть, / Если судиться – следуют расходы.’ (ХС, 87)
- (17) *Хылыхха кiрзе, / Холдаң позытпацаң.*
 хылых=ха кiр=зе хол=даң позыт=па=цаң
 нрав=DAT входит=COND рука=ABL отпустить=NEG=PAST
 ‘Если по нраву, / То не следует упускать.’ (ХС, 42).
- (18) *Чалтанмаза, / Чалым хайа даа чарылчаң.*
 чалтан=ма=за чалым хайа=Ø даа
 робеть=NEG=COND отвесный скала=NOM PTCL:даже
 чарыл=чаң
 разрушаться=PAST
 ‘Если не робеть, / То и скалу можно разрушить.’ (ХС, 61).

В реально условных БПК сказуемое ЗПЕ может оформляться инфинитивной конструкцией с семантикой вынужденности или желания [*Tv=арга Tv=се* ‘если удастся, если желает’].

- (19) *Мында чуртирға килiссе, минi тоғысха аларзың ма?*
 мында чуртирға килiс=се мин=i
 здесь жить.INF удаваться=COND я=ACC
 тоғыс=ха ал=ар=зың ма
 работа=DAT брать=FUT=2SG PTCL
 ‘Если здесь получится жить, возьмешь меня на работу?’. (МК П, 178)

Сказуемое ГПЕ может оформляться модальным причастием предположения [*Tv=гадаг*]. В таких конструкциях «говорящий на основе своих наблюдений и опыта делает умозаключение о возможности, вероятности или невозможности, недопустимости совершения действия в будущем самим или другими лицами» (ГХЯ, 1975: 199).

- (20) *Атса, ат салгадаг, киссе, кис салгадаг*
 ат=са ат сал=гадаг кис=се
 стрелять=COND стрелять AUX: класть=SUPPOS резать=COND
 кис сал=гадаг
 резать AUX: класть= SUPPOS
 ‘Если стрелять, похоже, что [он] может и застрелить, если резать, может [он] и зарезать.’ (НД ЫА, 58)

Сказуемое ГПЕ может также оформляться модальной конструкцией с семантикой неуверенности, в состав которой входят *имя* + сравнительный послелог *осхас* + *пол* = в отрицательной форме (*полбас*) + модальная частица *па*: (*N осхас полбас па* ‘наверное, возможно’). Сравнительный послелог *осхас* в данной конструкции является знаком того, что «говорящий не может полностью поручиться за достоверность предоставленной им информации, причиной которой является не совсем уверенная позиция, чаще всего неотчетливость собственных ощущений» (Степанкова, 1984: 17).

- (21) *Төрт туйгахтыг ат төрізе, торыг пии осхас полбас па.*
 төрт=Ø туйгах=тыг ат=Ø төрі=зе
 четыре=NOM копыто=POSSV лошадь=NOM родиться=COND
 торыг пии=Ø осхас пол=бас па
 гнедой=NOM кобыла=NOM словно быть=NEG PCTL
 ‘Если родится четырехкопытная лошадь, не будет ли она как гнедая кобыла.’
 (МК П, 16)

- (22) *Хара настыз ир төрізе, Сойан осхас полбас па.*
 хара=Ø пас=тыг ир=Ø төрі=зе
 черный=NOM голова=POSSV мужчина=NOM родиться=COND
 Сойан=Ø осхас пол=бас па
 Сойан=NOM словно быть=NEG PCTL: a
 ‘Если родится черноголовый мужчина, не будет ли он как Сойан.’ (МК П, 16)

Ниже представлены примеры реально условных БПК, в которых условие локализовано в настоящем или в прошлом. Сказуемым ГПЕ выступают глаголы в форме императива или будущего времени индикатива.

С условием в настоящем сказуемое выражено формой $Tv=чат=ca/=чет=се$, где $=чат/=чет$ указывает на совершение действия именно в данный момент.

- (23) *Киртінминчетсең, іцеңең сур.*
 киртін=мин=чет=се=ң іце=ң=нең сур=Ø
 верить=NEG=PrP=COND=2SG мать=POSS.2=ABL спрашивать=IMP.2SG
 ‘Если не веришь, спроси у своей мамы.’

- (24) *Тоғын полчатсаң, / Тоғыс чох полбассың.*
 тоғын пол=чат=са=ң тоғыс=Ø чох
 работать быть=PrP=COND=2SG работа=NOM нет
 пол=бас=сың
 быть=NEG=2SG
 ‘Если умеешь работать, / Не останешься без работы.’ (ХС, 121)

С условием в прошлом зависимое сказуемое представлено аналитической формой $Tv=ган$ *полза*. Такая конструкция соединяет в себе «взаимоисключающие значения за счет появления семы “незнания”» и «говорящий не располагает информацией о разрешении альтернативы “случилось или не случилось?”», он может использовать условную конструкцию, смысл которой будет правильно понят адресатом речи» (Шамина, 2018: 313).

- (25) *Чей хайна парган полза, аалчыларны хыгыр.*
 чей=Ø хайна=п пар=ган пол=за
 чай=NOM кипеть=CV AUX:идти=PP быть=COND
 аалчы=лар=ны хыгыр
 гость=PL=ACC звать.IMP.2SG
 ‘Если чай вскипел, то зови гостей.’

В примерах (26) и (27) условие относится к плану прошедшего еще не осуществленного. Сказуемое ЗПЕ выражается аналитической формой $Tv=галах$ *полза*, а сказуемое ГПЕ – фор-

мой императива или будущего времени индикатива. ГПЕ представляет собой ожидание говорящим совершения ситуации, представленной в ЗПЕ, которое еще до момента речи не свершилось, но в будущем при положительном исходе или по просьбе, приказу, совету оно должно свершиться.

- (26) *Читіре иткелек полза, мин парбаспын.*

читіре ит=келек пол=за мин=Ø
до конца делать=PrP быть=COND я=NOM
пар=бас=пын
идти=NEG=1SG

‘Если [он] еще до конца не сделал эту работу, то я не пойду.’

- (27) *Паргалах полза, мині сахтазын.*

пар=галах **пол=за** мин=і **сахта=зын**
идти=PrP **быть=COND** я=ACC **ждать=IMP.2SG**

‘Если еще не уехал, пусть меня ждет.’

Рассмотрим модели условных БПК, в которых условные отношения передаются именными формами зависимого сказуемого ($N \leftrightarrow N$ *полза*). Глагол *пол=* с аффиксом условного наклонения *=за* в составе именного сказуемого сочетается с именами существительными, прилагательными, словами наличия, отсутствия или количества. «Именные сказуемые с формой на *=за* задают другие параметры качества бытования ситуации. Здесь важно не действие, характерное для глагольной формы зависимого сказуемого на *=са*, а именная характеристика» (Тажибаева, 2001: 182). Главное сказуемое выражается формой будущего времени индикатива или формой императива.

- (28) *Най тың харыг ползам, партааызам.*

най тың **харыг=Ø** **пол=за=м** **пар=таа=ыз=ам**
очень сильно **помеха=NOM** **быть=COND=1SG** **ехать=PTCL=PFV=FUT.1SG**

‘Если [я] сильно буду мешать, могу и уехать.’ (МК П, 208)

- (29) *Минің сөзім сын полбаза, хызыл иирде хызыл тыным хызылзын.*

мин=ің сөз=ім **сын=Ø** **пол=ба=за**
я=GEN слово=POSS.1SG **правда=NOM** **быть=NEG=COND**
хызыл=Ø иир=де хызыл **тын=ым**
красный=NOM вечер=LOC красный **дыхание=POSS.1SG**
хыз=ыл=зын
сжиматься=PASS=IMP.3SG

‘Если мое слово неверно, пусть [я] задохнусь на закате солнца.’ (МК П, 15)

Сказуемым как ЗПЕ, так и ГПЕ может выступать какое-либо имя (чаще прилагательное) в сочетании со связкой *пол=*: (N *пол=за*), [N *пол=ар*].

- (30) *Сугның пазы порас полза, пилтірі кірлігөк полар.*

суғ=ның паз=ы **порас** **пол=за** пилтірі=і
река=GEN голова=POSS.3 **мутный** **быть=COND** устье=POSS.3
кірліг=өк **пол=ар**
грязный=PCTL **быть=FUT**

‘Если начало реки мутное, то и устье будет грязным.’ (МК П, 66)

Также в реально условных конструкциях вторым компонентом именного сказуемого зависимой части выступает один из трех вспомогательных глаголов *одыр*= ‘сидеть’, *тур*= ‘стоять’, *чөр*= ‘ходить’ в условной форме.

(31) *Хазых чөрзе, ам даа төлі полар.*

хазых=Ø **чөр**=зе ам даа
здоровье=NOM **AUX: ходить**=COND сейчас PTCL
 төл=i пол=ар
 потомство=POSS.3 быть=FUT
 ‘Если [скотина] будет здорова, [у нее] еще будет потомство.’ (МК П, 14)

В зависимой части реально условных конструкций часто можно встретить наречие *сынап* ‘вправду, действительно; на самом деле’ (ХРС, 2006: 553), которое «усиливает оттенок возможности и реальности действия» (ГХЯ, 1975: 408), выраженного сказуемым ЗПЕ.

(32) *Сынап мині алаахтыр салзаң, пүүнөк пазың үзүл халар.*

сынап мин=i **алаахтыр** **сал**=за=ң
правда я=ACC **обманывать** **AUX: класть**=CON=2SG
 пүүн=өк паз=ың үз=iл
 сегодня=PCTL голова=GEN отрывать=PASS
 хал=ар
 AUX: оставаться=FUT
 ‘Если меня обманешь, сегодня же останешься «без головы».’ (НТ КК, 43)

(33) *Сынап іди күстепчетсер, мин сынап көрербін.*

сынап іди **күсте**=п=чет=се²=р мин=Ø
правда так **заставлять**=CV=PrP=CON=2PL я=NOM
 сына=п көр=ер=бін
 пробовать=CV AUX: смотреть=FUT=1SG
 ‘Если [вы] на самом деле так заставляете, я попробую.’ (МК П, 60)

2.2. Нереально условные БПК

В нереально условных БПК сказуемым ГПЕ выступает глагол в сослагательном наклонении, маркирующее значение предполагаемого действия, «которое могло или не могло бы быть совершенным в прошлом при наличии определенных условий» (ГХЯ, 1975: 196). В хакасском языке сослагательное наклонение³ представлено формой =арчых/=басчых (и его фонетические варианты =ерчік; =рчых/=рчік; =бесчік; =пасчых/=песчік; =масчых/=месчік).

Наиболее распространенными являются конструкции, в которых события ЗПЕ выражается аналитической формой *Tv=ған полза*. Эта форма подчеркивает, что «действие могло бы совершаться (продолжаться) и сейчас, в момент речи» (ГХЯ, 1975: 196).

² Во 2-м лице в современном хакасском языке нередко происходит выпадение интервокального *ң* и стяжение двух соседних слогов: *пас-са-ңар* > *пассар*, *паспазаңар* > *паспазар*. Таким образом, в формах *-сар/-сер*, *-зар/-зер* произошло слияние трех аффиксов: *-са+ -ң+ -лар* (ГХЯ 1975: 192).

³ Сослагательное наклонение образуется путем присоединения характерных в этой функции лишь для хакасского языка (из всех тюркских языков) аффиксов *-чых/-чік*, *-чых/-чік* к причастиям будущего времени на *-ар/-ер* (положительный аспект) или *-бас/-бес*, *-пас/-пес*, *-мас/-мес* (отрицательный аспект) (ГХЯ, 1975: 195).

- (34) *Килген полза, ибде поларчых.*
 кил=ген пол=за \иб=де пол=арчых
 приходит=PP быть=COND дом=LOC быть=CON
 ‘Если бы [он] пришел, то был бы дома.’ (МК П, 143)
- (35) *Мында полган ползаң, паарың көзеенче хатхырарчыхсың.*
 мында пол=ған пол=за=ң паар=ың
 здесь быть=PP AUX: быть=COND=2SG печень=POSS.2SG
 көз=еенче хатхыр=арчых=сын
 переезжать=CV смеяться=CON=2SG
 ‘Если бы [ты] была здесь, то смеялась бы до упаду.’ (МК П, 9)
- (36) *Хармах полган полза, Каврис аны хайдаг даа оңдайнаң тудып аларчых.*
 хармах=Ø пол=ған пол=за Каврис=Ø аны ал=арчых
 дочка=NOM быть=PP быть=COND Каврис=NOM он.ACC AUX: брать=CON
 хайдаг даа оңдай=наң туд=ып
 какой PCTL способ=INSTR держать=CV
 ‘Если бы была дочка, Каврис ее [рыбу] хоть как бы поймал.’ (НТ КК, 72)
- (37) *Син аал Соведінде тоғынмаан ползаң, ол туңмазын чағын даа чөргіспесчiк.*
 син=Ø аал=Ø Совед=i=нде тоғын=ма=ан
 ты=NOM село=NOM Совет=POSS.3=LOC работать= NEG.PART
 пол=за=ң ол=Ø туңма=зы=н чағын
 быть=COND=2SG он=NOM младший брат=POSS.3=ACC близко
 даа чөр=гіс=песчiк
 PCTL ходить=CAUS=CON.NEG
 ‘Если бы ты не работал в сельском совете, он младшего брата близко не подпустил бы к тебе.’ (МК П, 35)
- (38) *Ол полбаан полза, пір күн дее халбасчыхпын.*
 ол=Ø пол=ба=ан пол=за пір
 он=NOM быть=NEG=PP AUX: быть=COND один
 күн=Ø дее хал=басчых=пын
 день=NOM PTCL оставаться=CON.NEG=1SG
 ‘Если бы не он, ни одного дня бы [я] не остался.’ (МК П, 11)
- (39) *Минің пайым полбаан полза, Хароол пасха кізі поларчых.*
 мин=iң пай=ым пол=ба=ан пол=за
 я=GEN богатство=POSS.1SG быть= NEG.PART быть=COND
 Хароол=Ø пасха кізі=Ø пол=арчых
 Хароол=NOM другой человек=NOM быть=CON
 ‘Если бы не мое богатство, Хароол был бы другим человеком.’ (МК П, 22)

В нереально условных БПК зависимое сказуемое выражается аналитической конструкцией *Tv=чаң/=бачаң полза* с семантикой желаемого действия.

- (40) *Ўлгүм полчаң полза, сірерге прайзыңарга иң сіліг орденнер сыйлап тирерчiкпiн.*
 ўлгү=м пол=чаң пол=за сірер=ге
 власть=POSS.1SG быть=PP быть=COND вы=DAT

прайзынар=ға	иң	сіліг=Ø	орден=нер
все=DAT	самый	красивый=NOM	орден=PL
сыйла=п	пир=ерчік=пін		
дарить=CV	давать=CON=1SG		

‘Если бы у меня была власть, то я бы вам всем подарил самые красивые ордена.’
(МК П, 196)

Зависимое сказуемое также может оформляться условной аналитической конструкцией *Ту=чатхан полган полза*, в котором первый смысловый компонент в форме настоящего времени причастия на =чатхан/=четкен, второй компонент – глагол *пол=* в причастной форме прошедшего времени на =ган/=ген, третий – *полза* ‘если’.

(41) *Ол чахсы ырлапчатхан полган полза, мин парарчыхпын.*

ол=Ø	чахсы	ырла=п=чатхан	пол=ган
он=NOM	хорошо	петь=CV=PrP	быть=PP
пол=за	мин=Ø	пар=арчых=пын	
быть=COND	я=NOM	идти=CON=1SG	

‘Если бы он пел хорошо, то я бы пошел [на его концерт].’

Часто зависимое сказуемое оформляется простой условной формой =са, а главное сказуемое выражается именной формой в сочетании со связкой *пол=* ‘быть’ в сослагательном наклонении:

(42) *Писсер ыссалар, чахсы поларчых.*

пис=сер	ыс=са=лар	чахсы	пол=арчых
мы=LAT	отправлять=COND=PL	хорошо	быть=CON

‘Если бы отправили к нам, было бы хорошо.’ (МК П, 10)

(43) *Изіріктегі чоохты санасса, прай кізі ыырлыг поларчых.*

изірік=тегі	чоох=ты	сана=с=са	прай
пьяный=ADJ	разговоры=ACC	считать=RECIP=COND	весь
кізі=Ø	ыырлыг	пол=арчых	
человек=NOM	враждебный	быть=CON	

‘Если брать во внимание разговоры во время выпивки, все люди были бы врагами.’
(МК П, 26)

(44) *Суғ полза, чарирчых.*

суғ=Ø	пол=за	чарир=чых
вода=NOM	быть=COND	годиться=CON

‘Если бы была вода, было бы хорошо.’ (НД БИА, 9)

(45) *Айран⁴-абыртха⁵ полза, хыйа итпесчікпін.* (МК П, 12)

айран=Ø	абыртха=Ø	пол=за	хыйа
напиток=NOM	напиток=NOM	быть=COND	в сторону
ит=песчік=пін			
делать=CON.NEG=1SG			

‘Если бы был напиток, выпил бы (букв. не убрал бы в сторону).’

⁴ *Айран* – кислый молочный напиток особой закваски (ХРС, 2006: 44)

⁵ *Абыртхы* – напиток, который готовится из пророщенного зерна пшеницы, ячменя или овса (ХРС, 2006: 23)

Соотношения временных планов зависимой и предикативной единиц в условных бипредикативных конструкциях хакасского языка

Следствие в ГПЕ Условие в ЗПЕ	Реально условные				Нереально условные
	Tv=ap	Tv=адыр	Tv=чаң	Tv=ғадағ	Tv=арчых
Tv=са	+	+	+	+	+
Tv=ap полза	+			+	
Tv=ған полза					+
Tv=ғалах полза	+				
Tv=чаң полза					+
Tv=чатхан полған полза					+
Tv=чат=са	+			+	

Обозначения, используемые в таблице:

+ – возможные соотношения временных планов ЗПЕ и ГПЕ в условных конструкциях.

Заключение

Таким образом, условные БПК в хакасском языке представлены конструкциями реального и нереального условия, которые различаются как семантически, так и структурно. В реально условных БПК представлены возможные события, а в нереально условных – события, которые не могут совершиться. В реально условных БПК сказуемым ГПЕ выступают формы повелительного, желательного наклонений и все временные формы изъявительного наклонения; глагол *пол=* с аффиксом условного наклонения *=за* в сочетании с именами существительными, прилагательными, словами наличия, отсутствия, количества; в нереально условных БПК – форма сослагательного наклонения. Основными средствами выражения условных отношений являются монофинитные БПК с условной синтетической формой *=са* и условной аналитической формой *Tv=PART полза* в функции сказуемого ЗПЕ.

Автор выражает благодарность кандидату филологических наук, ведущему научному сотруднику ИФЛ СО РАН (Новосибирск) Озоновой Айяне Алексеевне за ценные замечания и советы при подготовке рукописи данной статьи.

Список сокращений:

= – морфемный шов при словоизменительных и формообразовательных аффиксах; Ø – нулевая морфема; / – разграничитель значений в комплексной морфеме; [] – границы ГПЕ; () – границы ЗПЕ; **1Sg** – аффикс 1-го л. ед. ч.; **1PL** – аффикс 1-го л. мн. ч.; **ABL** – исходный падеж; **ACC** – винительный падеж; **AUX** – вспомогательный глагол; **DAT** – дат. падеж; **GEN** – род. падеж; **CAUS** – понудительный залог; **CON** – сослагательное наклонение; **CON.NEG** – отрицательная форма сослагательного наклонения; **CONJ** – союз; **COND** – условное наклонение; **CV** – деепричастие; **FUT** – будущее время; **NEG.FUT** – отрицательная форма буд. вр.; **LOC** – местный падеж; **INSTR** – орудный падеж; **IMP** – императив; **NEG.IMP** – отрицательная форма императива; **NEG** – отрицание; **NOM** – неопределенный падеж; **OPT** – оптатив; **OPTS** – аффикс желательного наклонения; **PP** – форма причастия прошедшего времени; **PrP** – форма причастия настоящего времени; **PART** – причастие; **NEG.PART** – отрицательная форма причастия; **PASS** – страдательный залог; **PAST** – прошедшее время глагола; **PRES** – аффикс

настоящего времени; **POSS** – аффикс принадлежности; **POSSV** – аффикс обладания; **POST** – послелог; **PL** – множественное число; **PTCL** – частица; **PFV** – аффикс совершенного вида; **SUPPOS** – аффикс предположительного наклонения; **Tv** – основа глагола.

Источники:

- АС** – Султреков А. Е. Дуплистое дерево. Повесть (на хакасском языке). Абакан. Хакас. кн. изд-во, 1996. 96 с.
МК П – Кильчичаков М. Е., Шулбаева В. Г., Митхас Туран, Котожеков Г. Г. Пьесалар. «Всходы» – Сборник пьес. Абакан: Хак. издат., 1991. 264 с.
НД ЫА – Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда. Роман. Абакан: Хакасское отд-ние Красноярского кн. изд-ва, 1975. 256 с.
НТ КК – Тиников Н. Е. Кавристiң кӱглерi (Песни Кавриса): повесть (на хакасском языке). Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1977. 124 с.
ХС – Хыйҕа сӱс: сиспектер, сӱспектер паза таптырҕастар=Мудрое слово: хакасские пословицы, поговорки и загадки / ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»; сост. Ред.: У. Н. Кирбижекова, Ю. И. Чаптыкова, Н. С. Чистобаева. 4-е изд., доп. Абакан: Хакасское книжное изд-во им. В. М. Торосова, 2021. 188 с.

Литература:

- Абумова О. Д.** Структурная типология тюркских причинно-следственных конструкций и ее семантическая реализация в хакасском языке. Абакан: Сервисный пункт, 2013. 186 с.
Боргоякова Т. Н. Способы выражения временных отношений между двумя событиями (на материале хакасского языка). М.: Изд-во РУДН, 2002. 174 с.
Боргоякова Т. Н. Система временных форм глагола в тюркских языках Южной Сибири (на материале хакасского языка) // Предложение как единица языка и речи: материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием, посвященного 95-летию со дня рождения М. И. Черемисиной. 2019. С. 85–88.
Бродская Л. М. Сложноподчиненное предложение в эвенкийском языке. Новосибирск: Наука, 1988. 134 с.
Буркова С. И. Условные конструкции в ненецком языке // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 8. С. 85–106.
ГХЯ 1975 – Грамматика хакасского языка / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Изд-во «Наука», 1975. 417 с.
Иванова Г. П., Кошкареева Н. Б. Условные конструкции в вепсском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, Вып. 9: Филология. С. 89–101.
Кызласова И. Л., Султрекова З. И. Аналитические формы условного наклонения в современном хакасском языке // Вестник Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. 2018. № 26. С. 51–53.
Мальчуков А. Л. Условные конструкции в эвенском языке // Типология условных конструкций. Санкт-Петербург, 1998. С. 453–476.
Озонова А. А. Структурно-семантические типы условных конструкций в алтайском языке // Сибирский филол. журнал. 2021. № 4. С. 300–313.
Озонова А. А. Псевдоусловные конструкции в алтайском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Т. 8, № 1. С. 125–131.
Убрятова Е. И., Литвин Ф. А. Предикативное склонение причастий в алтайских языках. Новосибирск: Наука, 1984. 191 с.
Степанкова Л. И. Субъективно-модальные частицы как средство выражения значений уверенности/неуверенности в простом предложении / Способы выражения субъективных смыслов и синтаксической связи в сложном предложении. Душанбе: ТГУ, 1984. 90 с.
Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем / отв. ред. Е. И. Убрятова, Ф. А. Литвин. Новосибирск: Наука, 1986. 320 с.
Субракова О. В. Средства выражения синтаксической связи в сложноподчиненных предложениях // Исследования по современному хакасскому языку. Абакан, 1980. С. 22–39.
Султрекова Э. В. Сравнительные конструкции хакасского языка. Абакан: Хакас. книжн. изд-во, 2017. 325 с.
Тажобаева С. Ж. Каузальные полипредикативные конструкции казахского языка (сопоставительный аспект). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 271 с.
Тазранова А. Р. Форма на =3А в алтайском языке // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 65–77.

Типология условных конструкций / под ред. В. С. Храковского. СПб.: Наука, 1998. 583 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь [Текст] / О. П. Анжиганова, Н. А. Баскаков, М. И. Боргояков, А. И. Инкижекова-Грекул, Д. Ф. Патачакова, О. В. Субракова, П. Е. Белоглазов, З. Е. Каскаракова, А. С. Кызласов, Р. Д. Сунчугашев, М. Д. Чертыкова. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Чугунекова А. Н. Уступительные конструкции в хакасском языке // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 2 (Вып. 44). С. 123–133.

Шамина Л. А. Сложные предложения, выражающие отношение обусловленности между событиями // Вопросы тувинского языкознания. Кызыл, 1993. С. 63–76.

Шамина Л. А. Каузальные сложные предложения в тувинском языке // Дульзоновские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Томск, 2000. Ч. 3. С. 183–186.

Шамина Л. А. Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. 250 с.

Шамина Л. А. Система бипредикативных конструкций с инфинитивными формами глагола в тюркских языках Южной Сибири: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2004. 52 с.

Шамина Л. А. Структурная и семантическая сложность синтаксических конструкций тувинского языка // Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе / отв. ред. А. А. Мальцева; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т филологии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2018. 422 с.

Филистович Т. П. Темпоральные полипредикативные конструкции алтайского языка в сопоставлении с тувинским и хакасским. Новосибирск, 1991. 170 с.

Чугунекова Алена Николаевна.

Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.

Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии

Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.

Ул. Ленина, 94, Абакан, 655017.

E-mail: Chugunekowa@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 7 февраля 2023 г.

A. N. Chugunekova

CONDITIONAL BIPREDICATIVE CONSTRUCTIONS IN THE KHAKASS LANGUAGE

Based on the modern Khakass language material, this article describes the accepted structural-semantic types of bipredicative structures with the semantics of conditions. Many issues related to the description of complex sentences in the Khakass language have not yet been adequately addressed, which determines the relevance of this study. The article aims to identify and describe the structural and semantic types of conditional bipredicative constructions in the modern Khakass language. A solid selection of examples from works of fiction and folklore texts in the Khakass language served as research material. As a result of the conducted research, the author concludes that three models of bipredicative constructions with a dependent predicative unit of the condition can be distinguished in the Khakass language. The relationship between the main and dependent parts of the bipredicative constructions is established by the common Turkic conditional form =sa (and its phonetic variants) and analytic conditionals with the service word creep 'to be, to become.' Based on semantic features, conditional constructions in the Khakass language are divided into real-conditional and unreal-conditional. Real-conditional constructions are characterized by the fact that the condition in its dependent part is considered by the speaker as really feasible, and unreal-conditional constructions – as not feasible. In real-conditional constructions, the predicate of the main part is represented by the forms of the indicative, the imperative, and the optative, and in unreal-conditional constructions – by the form of the subjunctive mood..

Keywords: *syntax, Khakass language, conditional constructions, bipredicative construction, real-conditional construction, unreal-conditional construction*

References:

Abumova O. D. Strukturnaya tipologiya tyurkskih prichinno-sledstvennyh konstrukcij i ee semanticheskaya realizaciya v hakasskom yazyke [Structural typology of Turkic causal constructions and its semantic implementation in the Khakass language]. Abakan: Servisnyj punkt, 2013. 186 s.

- Borgoyakova T. N.** Sposoby vyrazheniya vremennyh otnoshenij mezhdvu dvumya sobyitijami [Ways to express the temporal relationship between two events (based on the material of the Khakass language)]. M. : Izd-vo RUDN, 2002. 174 s.
- Borgoyakova T. N.** Sistema vremennyh form glagola v tyurkskih yazykah Yuzhnoj Sibiri (na materiale hakasskogo yazyka) [The system of verb tenses in the Turkic languages of Southern Siberia (based on the material of the Khakass language)] // Predlozhenie kak edinica yazyka i rechi. Materialy Vserossijskogo nauchnogo simpoziuma s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennogo 95-letiyu so dnya rozhdeniya M. I. Cheremisinoj. 2019. P. 85–88.
- Brodskaya L. M.** Slozhnopodchinennoe predlozhenie v evenkijskom yazyke [Compound sentence in the Evenk language]. Novosibirsk: Nauka, 1988. 134 p.
- Burkova S. I.** Uslovnye konstrukcii v neneckom yazyke [Conditional constructions in the Nenets language] // Yazyki korennyh narodov Sibiri. Novosibirsk, 2002. Vyp. 8. P. 85–106.
- Filistovich T. P.** Temporal'nye polipredikativnye konstrukcii altajskogo yazyka v sopostavlenii s tuvinskim i hakasskim [Temporal polypredicative constructions of the Altai language in comparison with Tuvan and Khakass]. Novosibirsk, 1991. 170 p.
- GHYA 1975** – Grammatika hakasskogo yazyka [Grammar of the Khakass language]. Pod red. N. A. Baskakova. M.: Izd-vo «Nauka», 1975. 417 p.
- HRS** – Hakassko-russkij slovar' [Khakass-Russian Dictionary] / O. P. Anzhiganova, N. A. Baskakov, M. I. Borgoyakov, A. I. Inkizhekova-Grekul, D. F. Patachakova, O. V. Subrakova, P. E. Beloglazov, Z. E. Kaskarakova, A. S. Kyzlasov, R. D. Sunchugashev, M. D. Chertykova. Novosibirsk: Nauka, 2006. 1114 p.
- Ivanova G. P., Koshkareva N. B.** Uslovnye konstrukcii v vepsskom yazyke [Conditional constructions in the Vepsian language] // Vestnik NGU. Seriya istoriya, filologiya. 2013. Vol. 12, No 9: Filologiya. P. 89–101.
- Kyzlasova I. L., Sultrekova Z. I.** Analiticheskie formy uslovnogo nakloneniya v sovremennom hakasskom yazyke [Analytical forms of conditional mood in the modern Khakass language] // Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova. 2018. No 26. P. 51–53.
- Mal'chukov A. L.** Uslovnye konstrukcii v evenskom yazyke [Conditional constructions in the Even language] // Tipologiya uslovnnyh konstrukcij. Kollektivnaya monografiya. Sankt-Peterburg, 1998. P. 453–476.
- Ozonova A. A.** Strukturno-semanticheskie tipy uslovnnyh konstrukcij v altajskom yazyke [Structural and semantic types of conditional constructions in the Altai language] // Sibirskij filologicheskij zhurnal. 2021. No 4. P. 300–313.
- Ozonova A. A.** Psevoduslovnnye konstrukcii v altajskom yazyke [Pseudo-conditional constructions in the Altai language] // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2022. Vol. 8, No 1. P. 125–131.
- Predikativnoe sklonenie** prichastij v altajskih yazykah [Predicative declension of participles in the Altaic languages] / Pod red. E. I. Ubryatovoj, F. A. Litvina. Novosibirsk: Nauka, 1984. 191 p.
- Stepankova L. I.** Sub"ektivno-modal'nye chasticy kak sredstvo vyrazheniya znachenij uverenosti/neuverenosti v prostom predlozhenii [Subjective-modal particles as a means of expressing the values of confidence/uncertainty in a simple sentence] // Sposoby vyrazheniya sub"ektivnyh smyslov i sintaksicheskoy svyazi v slozhnom predlozhenii. Dushanbe: TGU, 1984. 90 p.
- Strukturnye tipy** sinteticheskikh polipredikativnyh konstrukcij v yazykah raznyh sistem [Structural types of synthetic polypredicative constructions in languages of different systems] / Otv. red. E. I. Ubryatova, F. A. Litvin. Novosibirsk: Nauka, 1986. 320 p.
- Sultrekova E. V.** Sravnitel'nye konstrukcii hakasskogo yazyka [Comparative constructions of the Khakass language]. Abakan: Hakas. knizhn. izd-vo, 2017. 325 p.
- Tazhibaeva S. Zh.** Kauzal'nye polipredikativnye konstrukcii kazahskogo yazyka (sopostavitel'nyj aspekt) [Causal polypredicative constructions of the Kazakh language (comparative aspect)]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2001. 271 p.
- Tazranova A. R.** Forma na =ZA v altajskom yazyke [Form on =za in the Altai language] // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2019. Vol. 18, No 9: Filologiya. P. 65–77.
- Tipologiya uslovnnyh konstrukcij** [Typology of conditional constructions] / Pod red. V. S. Hravkovskogo. SPb.: Nauka, 1998. 583 p.
- Chugunekova A. N.** Ustupitel'nye konstrukcii v hakasskom yazyke [Concessive constructions in the Khakass language] // Yazyki i fol'klor korennyh narodov Sibiri. 2022. No 2 (Vyp. 44). P. 123–133.
- Shamina L. A.** Slozhnye predlozheniya, vyrazhayushchie otnoshenie obuslovlennosti mezhdvu sobyitijami [Complex sentences expressing the relation of conditionality between events] // Voprosy tuvinskogo yazykoznanija. Kyzyl, 1993. P. 63–76.
- Shamina L. A.** Kauzal'nye slozhnye predlozheniya v tuvinskom yazyke [Causal complex sentences in the Tuvan language] // Dul'zonovskie chteniya. Sravnitel'no-istoricheskoe i tipologicheskoe izuchenie yazykov i kul'tur. Tomsk, 2000. Ch. 3. P. 183–186.

Shamina L. A. Polipredikativnye sinteticheskie predlozheniya v tuvinskom yazyke [Polypredicative synthetic sentences in the Tuvan language]. Novosibirsk: Sibirskij hronograf, 2001. 250 p.

Shamina L. A. Sistema bipredikativnyh s infinitivnymi formami glagola v tyurkskih yazykah Yuzhnoj Sibiri [The system of bipredicative with infinitive verb forms in the Turkic languages of Southern Siberia]: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Novosibirsk, 2004. 52 p.

Shamina L. A. Strukturnaya i semanticheskaya slozhnost' sintaksicheskikh konstrukcij tuvinskogo yazyka [Structural and semantic complexity of syntactic constructions of the Tuvan language] // Slozhnost' yazykov sibirskogo areala v diahrono-tipologicheskoy perspektive / Otv. red. A. A. Mal'ceva; Ros. akad. nauk, Sib. otd-nie, In-t filologii. Novosibirsk: Akademicheskoe izd-vo «Geo», 2018. 422 p.

Subrakova O. V. Sredstva vyrazheniya sintaksicheskoy svyazi v slozhnopodchinennykh predlozheniyah [Means of expressing syntactic connection in complex sentences] // Issledovaniya po sovremennomu hakasskomu yazyku. Abakan, 1980. P. 22–39.

Chugunekova Alena Nikolaevna.

Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher.

**Institute of Humanities Research and Sayano-Altay Turkology,
Katanov Khakass State University.**

Lenina Str., 94, Abakan, Russia, 655017.

АНТРОПОЛОГИЯ

В. А. Бурнаков

КОНЬ КАК ХТОНИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО В ВЕРОВАНИЯХ И ФОЛЬКЛОРЕ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX–XX ВВ.)¹

Начиная с момента доместикации, лошадь играла важную роль в жизни людей. Благодаря этому событию человек стал чрезвычайно мобильным. Преодолевая длинные расстояния за относительно короткий срок, ему удалось освоить огромные территории. Конь был активно задействован человеком в хозяйственной, военной, религиозно-обрядовой и иной деятельности. Его значимость была столь велика, что он стал обязательным элементом похоронной обрядности. Лошадей хоронили вместе с умершими хозяевами, чтобы они стали для них проводниками на «тот свет» и продолжали служить им и после смерти. Архаичное сознание часто приписывало обитателям подземного мира нечеловеческой природы использование коня в качестве ездового животного. Подобные мировоззренческие представления в полной мере были присущи и хакасам. Целью данной работы является характеристика коня/лошади как религиозно-мифологического персонажа хакасов, имеющего хтоническую природу. Хронологические рамки работы ограничиваются рамками конца XIX–XX вв. Выбор таких временных границ обусловлен состоянием источниковой базы по теме исследования. В качестве источниковой базы послужили этнографические и фольклорные материалы, как опубликованные, так и вводимые в научный оборот. Среди фольклорных источников широко используются героические сказания (*алыптыгнымахтар*), отрывки из которых впервые представлены в авторском переводе на русском языке. Ведущим в исследовании является принцип историзма, когда любое явление культуры рассматривается в развитии и с учетом конкретной ситуации. Методика исследования основана на историко-этнографических методах: пережитков (реликта), фольклорного и семантического анализа. По итогам исследования сделан вывод о том, что в культуре хакасов образ коня наделялся обширной и многообразной символикой. Он обладал статусом сакрального животного и имел прямое отношение к традиционным представлениям о смерти и потустороннем мире. Конь является проводником в потусторонний мир, а также атрибутом низших мифологических существ. Будучи хтоническим существом он наделяется рядом специфических признаков: различными телесными аномалиями, полиморфизмом, размером, сверхъестественными возможностями, связью с водной стихией и пр.

Ключевые слова: хакасы, традиционное мировоззрение, миф, ритуал, конь, хтонизм, нижний мир, демон

В традиционной культуре хакасов хтоническая природа какого-либо явления или объекта часто наделена зооморфными чертами. Некоторые представители животного мира представлялись олицетворением хтонических сил и были наделены их свойствами. Животные, обитающие под землей, т. е. в норах, расщелинах, пещерах, оврагах, водных источниках и прочих местах, всегда воспринимались в качестве представителей нижнего мира. Их причисляют к категории хтонических – «*чир ниме*» – ‘с земной сущностью/природой’. В мифологическом сознании хакасов существа, населяющие эти пространства, наделялись сверхъестественными возможностями, но при этом оценивались неоднозначно. С одной стороны, их причисляли к «нечистым» созданиям с деструктивной направленностью. С другой – они рассматриваются как творения земли, тесно связанные с сакральными силами ее недр и наделенные плодородием. Некоторые из них были включены в обрядовую практику хакасов.

В представлениях хакасов образ коня/лошади, наряду с некоторыми другими животными, обладает хтонической природой, что находит отражение в их верованиях и устном народном творчестве. Новизна данного исследования состоит в том, что обозначенная тема прежде не становилась объектом изучения в этнографии и фольклористике хакасов. Целью данной работы будет являться характеристика коня/лошади как животного, тесно связанного с хтоническим миром в традиционном мировоззрении хакасов.

¹ Исследование проведено по проекту № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв. Исследования меняющейся роли традиционных культур, социальных институтов и экологических парадигм».

Конь в быту и мировоззрении хакасов

Коня как одного из самых любимых домашних животных, на первый взгляд, крайне сложно отнести к группе хтонических созданий. Из зоологии известно, что это млекопитающее в силу своих особенностей обитает и размножается исключительно лишь в условиях наземного пространства и только на суше. Основу его рациона составляет преимущественно растительная пища. И потому вполне естественно то, что биология этого животного не предполагает его прямых связей и взаимоотношений с подземной или водной системами биосферы. Таким образом, для мифологического мышления зоологическая специфика лошади не могла быть определяющим фактором отнесения ее к категории хтонических существ, в отличие от некоторых диких животных (змеи, ящерицы, мыши и пр.). Вместе с тем в верованиях и фольклоре многих народов, и хакасов в том числе, конь зачастую наделяется хтоническими признаками и является воплощением природных сил земли, воды, темного начала и т. д. Так, согласно исследованиям М. М. Маковского, в язычестве лошадь нередко считалась хтоническим существом, «олицетворявшим мрак Преисподней, недра Земли, бездну моря; лошадь – это дитя Ночи, символизирующее одновременно смерть и жизнь, огонь и воду, потусторонние магические силы, злое начало, Луну» (1999: 176).

Возникает закономерный вопрос – почему хакасы относили коня к категории хтонических существ?!

Объяснение этого парадоксального обстоятельства, очевидно, кроется в той роли, которая отводилась лошади в повседневной жизни хакасов, и получило отражение в их мировоззрении и обрядности. Она является одной из неотъемлемых составляющих их традиционного хозяйственного быта. Утилитарная полифункциональность коня убедительно представлена в следующей народной загадке: «*Прай нимее кирек (ам)*» – ‘Для всех дел нужен (конь)’ (Мудрое, 1976: 109). Одной из главных функций рассматриваемого животного, помимо пищевой, как известно, является транспортная. Заметим, что в отдельных регионах нашей планеты лошадь и в наши дни остается одним из самых востребованных и распространенных средств передвижения. Благодаря именно коню человек на протяжении тысячелетий получил возможность за относительно короткое время преодолевать огромные расстояния. Люди были глубоко убеждены в том, что если всадник заблудится в незнакомой местности, то его скакун всегда безошибочно выведет их на верный путь. По традиционным воззрениям, рысак был способен пересекать не только обозримые земные дали, но и невидимые границы посюстороннего и потустороннего миров. Подобные суждения были запечатлены в традиционных верованиях и ритуалах рассматриваемого народа. Особенного внимания заслуживают те из них, которые имеют отношение к идее смерти и похоронному циклу. В. Я. Пропп совершенно точно подметил факт того, что «конь не только в религиях, но и в сказках представляется заупокойным животным» (2009: 145). Исходя из указанных качеств, приписываемых лошади, одним из главных ее ритуальных назначений у хакасов была функция «замогильного» транспортного средства и проводника на тот свет. Полагали, что это животное обладает сокровенными знаниями природы и потусторонних сил. Обозначенная роль убедительно представлена в одной из народных сказок, в которой герой получает ценные указания перед отправлением на коне в загробный мир. Приведем эти сведения: «Когда за нижний повод будешь держаться – по черной земле он пойдет. Когда за верхний повод потянешь – он в небо поднимется. За повод Темно-бурого коня не тяни – куда он повезет, туда и поедешь. Много тебе он покажет, это увидев, поймешь, куда едешь. О невиданном у Темно-бурого коня будешь спрашивать» (Ёксес-оол, 2014: 419).

Итак, в традиционных воззрениях хакасов лошадь воплощает собой связь с загробным миром. В некоторых случаях она является вестником инобытия и даже выступает символом смерти. В похоронной обрядности народа неизменно выполняет функцию не просто жертвенного

животного, но еще и психопомпа – посредника и помощника-сопроводителя души умершего человека в загробное царство и пр. (Бурнаков, 2022: 89–99).

В архаическом миропонимании народа подземный/нижний мир представляет собой зеркальное отображение мира живых людей. Вследствие чего были убеждены, что жители этого пространства ведут образ жизни, соответствующий человеческому (Майнагашев, 1915: 284; Бурнаков, 2014: 30–44). И коню там, безусловно, отводится не менее важная роль, что и в обычном земном мире. Хакасы полагают, что обитатели инобытия ввиду многофункциональности животного, конечно же, не могут без него обойтись. Верят, что для них он является таким же естественным хозяйственным животным, как и для живых людей. В подземном мире лошадь, так же как и на земле, выполняет транспортную, тягловую и иные утилитарные функции. Исходя из этого, в понимании народа она является точно таким же хтоническим существом, как и все жители этого мира. Более того, конь выступает в качестве одного из ключевых атрибутов божеств подземного царства. Поэтому совершенно не случайно то, что в хакасской традиции было принято посвящать главе нижнего мира Эрлик Хану (*Ирлик Хану, Ильхану*) как и другим божествам и духам именно коня. Н. Ф. Катанов об этой ритуальной практике народа писал следующее: «Татары [хакасы. – В. Б.], живущие по берегам Абакана, и теперь, и в прежнее время выбирали из табуна самую лучшую лошадь и посвящали Эрлик Хану, называя ее “ызых”» (Катанов, 1907: 216). В материалах этого ученого встречается описание домашней усадьбы некоторых иерархов нижнего мира, в которой непременно представлен такой важнейший ее элемент, как коновязь в виде ракитова куста. Приведем его: «Богатыри подземного царства суть девять эрлик-ханов, обитающих в доме о сорока углах <...>. Перед домом стоит ракитов куст, к которому привязывают коней» (там же: 219). Отмеченная деталь, безусловно, свидетельствует о глубокой вере хакасов в то, что обитатели потустороннего мира как и обычные люди активно используют лошадей в качестве транспортного средства. Наряду с этим в представлениях народа они имели ряд специфических черт, присущих им как хтоническим животным.

Масти коней нижнего мира

Масть, как колоративная особенность кожного и волосяного покрова тела животного, включая гриву и хвост, является одним из ярких внешних индивидуальных признаков коня, выделяющих его от остальных. Специфика религиозно-мифологической символики указанного животного была тесно связана с его цветом. Согласно поверьям хакасов, существа, населяющие подземный мир, предпочитают разводить лошадей строго определенных мастей. Полагали, что рыжая или красная масть (*позрах/чигірен/хызыл*) скакунов является одной из наиболее распространенных в мире мертвых. Так, в народных быличках о посещении живыми людьми того света довольно часто упоминается именно этот цвет указанного животного. Приведем соответствующие примеры: «Ко мне подошла моя рыжая кобылица, которая давно умерла. В это же время прибежала моя собака, тоже давным-давно пропавшая. Я вел эту кобылицу за повод. Они шли со мной. Тут же мне на встречу подъехал Чистанов Афонька, давно умерший. Он вел за повод рыжего коня» (АХКМ: 21); «Шаманы этот камень называют “Хамнар үтчең үттиг тас” – ‘Камень с отверстием, через который проходят шаманы’. В эту скалу есть узкий проход, а снаружи – железная дверь. Эта дверь сама открывается и закрывается. Там у двери огромная очередь людей, идущих на тот свет. Моя очередь приблизилась, но в это время подъехал человек на рыжем коне. Он ударил меня и взял за волосы, повел обратно» (там же: 21). Рыжая масть коня как одна из излюбленных жителями потустороннего царства часто упоминается и в других жанрах фольклора, например в легендах и сказаниях. Так, в произведении «Немой богатырь Хан Мирген» слуги владыки нижнего мира Эрлик Хана доставляют богатыря на ездовом животном обозначенного цвета: «Меж тем богатыря Хан

Миргена втянули под землю два желтых человечка; скрутили его руки, связали ремнями, посадили на рыжего коня и повезли к Ирлик Хану» (Немой, 2013: 74).

На хакасских шаманских бубнах значительное место занимают изображения коней. При этом их количество могло варьироваться от одного до девяти (Иванов, 1955: 200). Согласно традиции, было принято изображать на бубне красной краской именно тех коней, которые принадлежали Эрлик Хану и его ближайшему окружению. Глубокий знаток шаманской атрибутики С. В. Иванов в этой связи сообщал: «Кони рисовались обычно белой или красной краской и лишь в редких случаях черной <...> Белые лошади предназначались для светлого, доброго Ульгения или Кудая, красные – для злого Эрлика» (1955: 200). И. Т. Савенков представил более детализированное описание семи коней Эрлик Хана, изображенных на хакасских бубнах. Ученый сообщал о том, что «шеи у всех вытянуты вверх, гривы и хвосты обозначены развивающимися. Первый слева конь изображен как бы запнувшимся, передние ноги означены с угловыми знаками на концах» (АМКМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 52: 86).

Вместе с тем в сознании шаманистов изображение на бубне всадника на рыжем коне могло олицетворять собой еще и других существ нижнего мира. А именно таких, как демон, распознающий болезни, либо «стреляющий без промаха Хан-Салагай». Порой в нем видели духа, отправляющегося к одному из эрликов – главе рыжих или красных священных коней *ызых'ов* (Катанов, 1907: 580; Иванов, 1955: 204).

Очевидно то, что наличие красной/рыжей масти лошадей у обитателей подземного мира в представлениях хакасов имеет глубокие мировоззренческие основания. В традиционном сознании народа красный цвет, помимо всего прочего, устойчиво ассоциируется с такими понятиями, как кровь и жизненная сила человека и животных, жертвенный огонь и др. Все перечисленное имело непосредственное отношение к обрядовой практике, направленной на конструктивное взаимодействие с иным миром и живущими в нем сверхъестественными существами. Вероятно, это поспособствовало тому, что красная масть лошадей стала одной из распространенных и для обитателей нижнего мира.

Вместе с тем колоративная характеристика лошадей Эрлик Хана и других существ нижнего мира не ограничивается лишь рыжим/красным цветом. Пожалуй, наиболее встречающейся среди них была черная или вороная масть (*хара*). Обратим внимание на то, что в мировой мифологии смерть нередко представлялась в виде черной лошади (Орел, 2008: 170). На шаманских бубнах хакасов этим цветом изображали исключительно только коней-демонов и божеств нижнего мира и горных духов (АМКМ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 51. Т. 2: 161; Иванов, 1955: 202). Так, например, в нижнем секторе бубна, соотносимом с подземным миром, часто наблюдалось изображение девяти черных людей на девяти вороных конях. Это были слуги Эрлик Хана (Бутанаев, 2006: 98). В этой же части сакрального предмета одним из распространенных был рисунок в виде семи черных наездников на вороных конях. Они олицетворяли собой шаманских духов, помогающих при лечении различных заболеваний (Катанов, 1907: 579–580). Помимо того, на некоторых ритуальных атрибутах присутствовал вестник смерти в образе всадника на черном скакуне. В этнографических материалах зафиксированы следующие данные по этой фигуре: «Человек на вороном коне разъезжает впереди семи черных человек и, зная все, сообщает шаману, кто умрет и кто останется в живых» (там же: 580). В представлениях хакасов некоторые болезнетворные сущности также предпочитают лошадей аналогичной масти. Считалось, что дух тифа ездит в упряжке из девяти черных коней (Бутанаев, 2003: 218).

Одними из наиболее почитаемых хакасами остаются *таг ээлері* – ‘духи – хозяева гор’. Согласно традиционным верованиям, они входят в категорию сверхъестественных существ, связанных как со средним, так и нижним мирами. Своим обликом и образом жизни они сходны с обычными людьми. Убеждены, что они ездят верхом на лошадях темных мастей. Их образы часто встречаются на шаманских бубнах. Так, со слов пожилого хакаса: «Самые сильные духи – это горные духи. На бубне шаман рисовал их в виде девяти черных всадников

(Кызласов Николай Емельянович, 1889 г.р., с. Кизлас Аскизского р-на, Хакасия)» (АМАЭС ТГУ № 680-8 а: 4). В представлениях народа горные духи нередко и сами могли воплощаться в коней (АМАЭС ТГУ № 677-4 а: 10).

В мировоззрении хакасов черный цвет устойчиво ассоциируется с землей, подземным пространством и его обитателями и в целом – с темным началом. В фольклоре этого народа все негативное, как правило, имеет соответствующее цветообозначение. Подобного рода колоративные характеристики распространяются и на богатырей нижнего мира. Часто это происходит в процессе имянаречения отрицательных героев и их коней, при богатырских состязаниях и пиршествах, а также при описании их местожительства. Обычно там, где живет такой персонаж и географические названия имеют определения со словом *хара* – ‘черный’ (Субракова, 2007: 24). Черная масть лошади часто сравнивается с различными природными объектами и явлениями, например, камнем, землей, птицами семейства врановых, ночной тьмой и пр. Так, в героических сказаниях встречаются типичные имена богатырей и их коней: «*Чити Ирлик Ханның оолгы, Хара аттыг Хара Моос*» – ‘Сын семи Эрликов Хара Моос на черно-вороном коне’; «*Тогыс хулас суны хусхуннаң хара аттыг Хара Көйе*» – ‘Хара Көйе на девятисаженном чернее ворона вороном коне’; «*Тас хара аттыг Хырчотай*» – ‘Хырчотай на чернее угля вороном коне’; «*Аба тыргахтыг хара аттыг Хара Моол*» – ‘Хара Моол на вороном коне с когтями, как у медведя’; «*Сай хараттыг Түн-Хара*» – ‘Тюн Хара [ездящий] на своенравном темном коне’ (там же: 25; Албынчі, 1951: 59; Хакасский, 1997: 458; Чистобаева, 2015: 115).

Одной из часто упоминаемых в устном народном творчестве хакасов мастей лошадей нижнего мира является гнедая (*тор*). По народным представлениям гнедую масть сотворил сам Эрлик Хан. В шаманских молитвах он под именем *Көрмес Хан* идентифицируется как покровитель священных коней – *ызыхов* гнедой масти. Полагали, что указанные животные нередко являлись еще и верховыми лошадьми шаманов. Поэтому их шкуры употребляли для изготовления шаманских бубнов (Бутанаев, 2006: 71). В культуре рассматриваемого народа одним из известных и почитаемых семейно-родовых духов-покровителей был *Аба төс* – ‘Медвежий фетиш’. Он воплощает собой духа медведя, который имеет тесную связь с подземным миром. Полагают, что он ездит на темно-гнедом коне (там же, 2003: 222).

Распространенной и широко употребляемой среди обитателей потустороннего пространства является лошадь соловой масти (*сарыг*). В фольклоре встречается такой многозначительный эпитет этого животного, как «*чил сараат*», – ‘стремительный, летящий как ветер соловый конь’ (Чистобаева, 2015: 120). Он убедительно характеризует беговые качества, силу и выносливость коня. По хакасским поверьям, по ночам верхом на таких конях разъезжают дочери Эрлик Хана. Они творят всевозможные злодеяния, в том числе и похищают души людей (Бутанаев, 2003: 104). Согласно мифам, духом-покровителем соловых коней является дева-богатырь *Хан Салыг*. В ее сакральные функции входит еще и покровительство охотникам. Изображение *Хан Салыг*, выполненное в желтом цвете, было представлено на шаманских бубнах в виде фигуры всадника, вооруженного луком и стрелой (там же, 2006: 97).

В традиционных воззрениях хакасов желтый цвет устойчиво ассоциируется с болезнями желтухи, малярии и некоторыми другими недугами. Согласно верованиям народа, обозначенные болезнетворные духи, как правило, передвигаются на соловых лошадях. Не исключено, что в мифологическом сознании эти вредоносные существа изначально могли иметь гиппоморфный образ. Реликты данных представлений обнаруживаются в молитвенном обращении к духу «летучего огня». В нем имеется упоминание о некоторых внешних особенностях этого демона. В частности, к нему обращались с такими словами: «Ты имеешь круп соловой кобылицы» (Бутанаев, 2003: 219).

В эпическом творчестве хакасов соловая масть чаще употребляется сказителями при описании отрицательных персонажей, имеющих связи с потусторонним миром, например:

«Чал сарааттыг Чил Сарыг Хыс» – ‘Чил Сарыг Хыс, едзящая на стремительном соловом коне’; «Алты хула сунныг хара сар аттыг Хараты Хан» – ‘Хараты Хан на шестисаженном темно-соловом коне’; «Хара сар аттыг Хайылбас Хара Молат» – ‘Хайылбас Хара Молат на темно-соловом коне’ и др. (Чистобаева, 2015: 117, 121).

Известной мастью лошадей инобытия является пегая (*ала*). Согласно хакасским мифам, жители одной из потусторонних земель занимаются разведением исключительно только пегих лошадей. Специфика хозяйственной деятельности местного населения получила отражение и в названии территории их обитания – «земля пегих коней». В мифологическом сознании народа все ее жители воспринимаются в качестве болезнетворных существ. Верят, что именно от них исходят такие болезни, как оспа и корь (Бутанаев, Бутанаева, 2008: 141). Были убеждены, что люди, умершие от этих заболеваний, присоединяются к «народу оспы», т. е. становятся вредоносными духами и насылают этот недуг на живых людей (Майнагашев, 1915: 286). Суждение о пестром цвете как отличительном признаке подземных существ обнаруживается и в эпическом творчестве:

«Ўзім Молаттың озаринда одырчадыр Тоғыс хулас сынның Чылтыс чохыр аттыг Чылбазын Молат тіп алып кізі, Ала чылан теерізі хуях кип кис салған»	‘Напротив Юзюм Молата сидит [Едзящий на] девятисаженном Пестром во звездочках коне Чылбазын Молатом именуемый богатырь, [В] доспех [из] кожи пестрой змеи [он] облачен’
--	---

(Айдолай, 1963: 70. Перевод наш. – В. Б.).

Приведенными мастями отнюдь не исчерпывается все колоративное разнообразие коней потусторонних существ, представленных в мировоззрении хакасов. В фольклоре этого народа присутствует великое множество и других мастей со всевозможными цветовыми оттенками. Не имеет смысла всех их перечислять. Вместе с тем необходимо заметить то, что они не получили столь широкого распространения в окрасе ездовых животных ключевых персонажей хакасской демонологии, а именно представителей хтонического мира. Данный факт позволяет ограничиться лишь рассмотренными мастями лошадей.

Демонические признаки хтонических коней

В традиционном мировоззрении хакасов одним из важнейших маркеров подземного мира выступает принцип зеркальности по отношению к земному пространству. Это находит свое проявление в перевернутости многих предметов и явлений инобытия, например, левое становится правым, верхнее – нижним, и наоборот. Подобная специфика мироустройства проявляется даже в некоторых деталях внешности лошадей хтонических персонажей, например: «*tödір tükтіg хара күрең аттыg Хара Моос*» – ‘Хара Моос на темно-буrom коне с обратным волосяным покровом’ (Чистобаева, 2015: 115). Шерсть, растущая в обратную/противоположную сторону, выступает одним из типичных признаков подземного животного. Помимо того, о хтонической сущности лошади свидетельствует еще и ее повышенная шерстистость. В хакасском фольклоре описывается богатырь нижнего мира, имеющий подобного коня: «*Харыs tükтіg ай хара аттыg Алып Хара Хан*» – ‘Богатырь Хара Хан на темнее ночи вороном коне с шерстью длиною в сажень’ (там же: 116). Наряду с этим лошади нижнего мира нередко обладают еще и медвежьей шкурой (Алтын Тайчы, 1973: 29–30). Наличие шкуры этого опасного хищника как составляющей образа хтонического скакуна не случайно. Как уже было отмечено, в религиозно-мифологическом сознании хакасов медведь имеет прямое отношение к подземному царству. Более того, порой он даже отождествляется с Эрлик Ханом. На непосредственную связь коня с недрами земли может указывать такая специфическая деталь его внешности, как

металлическая шерсть, например: «Тибет Ханның тими́р түктіг көк пора ады» – ‘Тибет хана [с] железной шерстью сине-серый конь’ (там же: 18. Перевод наш. – В. Б.).

В традиционных представлениях мистическая природа рассматриваемого существа нередко дополняется его яростным взором – олицетворением разрушающего подземного огня. Взгляд хтонического животного испепеляющ и смертоносен. Соответствующие воззрения получили отражение в эпике:

«Тоғыс хулас сыннығ Хара пора аттаң хости Төдір түктіг тас хара ат –	‘[От] девятисаженного Темно-серого коня вблизи [С] растущей в обратную сторону шерстью, черный как смоль – Третий конь стоит.
Ўзінці ады турчадыр. Көр турған харахтарының одына Хара чирнің хыртызы Сызыр ла көй турған осхас; Тынып турған тыннарына Талай суғның хыри Хысхахтанчатхан осхас»	[Под] огненным взором [его] глаз Черной земли дерн Соломе [подобно] загорается; [От] выдыхаемого [им] воздуха Воды моря [у] берегов Шторму [подобно] бурлят’

(Ай Мирген, 1959: 37. Перевод наш. – В. Б.).

Некоторые потусторонние существа выделяются аномалией глаз – одноглазием либо наоборот – многоглазием. Подобная анатомическая особенность присуща и лошадям нижнего мира, например, в эпосе представлен отрицательный персонаж, имеющий такого скакуна, – «Хара көк аттыг ўс харахтыг Ўскер Молат» – ‘Ускер Молат на трехглазом темно-синем коне’ (Чистобаева, 2015: 118). Остановимся подробнее на феномене многоглазия. В мифологических воззрениях усиленный в количественном отношении зрительный аппарат является показателем сверхъестественных возможностей его обладателей, главным образом ясновидения. Полагали, что дополнительный глаз позволяет его владельцу прекрасно видеть не только все то, что входит в поле его зрения, но и дает возможность обозревать мир невидимый. Посредством трех глаз он хорошо видит события прошлого, настоящего и будущего. Наряду с этим соответствующий зрительный аппарат способствовал увеличению его магической силы. Верили, что прямой и пристальный взгляд такой персоны оказывал огромное мистическое влияние на окружающий мир. Подземные сущности, как правило, использовали свои сверхъестественные возможности для деструктивных целей, например, таких, как сглаз, похищение души и пр.

Семантически тождественным многоглазости является и многоухость хтонических созданий. Дополнительный слуховой орган является показателем их дара яснослышания. Были убеждены, что эта способность позволяет им воспринимать слова, произнесенные другими на огромном расстоянии, «слышать» чужие мысли и понимать незнакомую речь и пр. Феномен трехухого хтонического коня часто встречается в героических сказаниях хакасов при описании богатырей нижнего мира:

«Тоғыс хулас сыннығ Ўс улағлығ ах сараттығ Ўзім Молат-Ўзүт Хан оолғы»	[Ездящий на] девятисаженном Треухом светло-желтом коне, Юзюм Молат – сын Юзют хана
---	--

(Айдолай, 1963, с. 70. Перевод наш. – В. Б.);

«Алып кізі харахсынза, Ат палғачаң алтын сарчында	‘Богатырь, оглядевшись [заметил, что], У золотой коновязи, к которой привязывают коней,
--	---

Хара Молаттың мўнчең ады,
Ўс хулахтығ хара тораады
Пағда палғалған турчаттыр.

Хара Молата верховой конь,
Треухий темно-гнедой конь
Веревкой привязанный, стоит.

(Хан Орба, 1989: 26. Перевод наш. – В. Б.).

Одной из распространенных аномалий хтонических животных является полицефалия или многоголовость. В традиционной культуре голова каждого живого существа осмысляется в качестве одного из мест локализации его души и жизненных сил. Очевидно, что данные суждения основываются на факте того, что именно в этой жизненно важной части тела животного или человека располагаются: мозг, органы зрения, вкуса, обоняния, слуха, рот и др. В мифологическом мышлении обладание множеством голов означает кратное усиление не только его жизненной силы, но и магических способностей. Все это в немалой степени относится и к двуголовым коням эпических богатырей подземного мира хакасского фольклора. Такие скакуны осмысляются не просто в качестве ездовых животных, но зачастую они являются носителем жизненных сил и мистического потенциала своего хозяина. Верят, что двуголовые лошади – это существа, которые обладают сверхсознанием. Все тайные знания они регулярно получают со всех сторон света. Причем поступление информации осуществляется как из мира реального, так и потустороннего. Подтвердим свой вывод конкретным примером:

«Алып кізі Ай Мирген
Оңнап-сынап көр турадыр:
Анча аттың аразында
Хара чирнің алтынаң сыххан
Аран чула ат турчадыр –
Тоғыс хулас сынның,
Ікі пастығ ирем күрең ат<...>
Чирнің чабызы чирде,
Күннің кірізі чирде,
Хуба сынның алтында,
Хуба талай суғның хазында
Ікі пастығ ұлгер хара аттығ
Изебі чох Чеек Хан, – тідір, –
Ікі пастығ ұлгер хара ат
Алыптың харағына көріне чоғыл
Чирде дее тура чоғыл,
Тигірде дее чохчи чоғыл.
Ўлгер хара ат кістебіссе,

Чеек Хан хатап төрібізедір,
Хатап пүдібізедір <...>
Ікі пастығ ұлгер хара ат
Наада ирт парған пу чир пастыра,
Ханнаң ханға парыбысхан,
Пигдең пиге чөрібіскен.
Ікі пастығ ұлгер хара ат
Читі ирліктің
Сыйға килген Чеек Ханға <...>
Алтын чечпенің төзінде турған
Аран чула ұлгер хара ат,

‘Богатырь Ай Мирген
Рассматривает-изучает [и] взором охватывает:
Среди стольких коней [заметил, он]
[Из, под] черной земли вышедший
Богатырский конь стоит –
В девять саженей ростом
Двуголовый темно-бурый богатырский конь <...>
В низине земли,
[В] месте [где] заходит солнце,
У подножия светлого хребта,
На берегу светлого моря
[Ездит на] двуголовом черном богатырском коне
Безмерно [могучий] Чеек Хан, – говорит, –
Двуголовый черный богатырский конь
Глазам богатыря [он] не виден
Ни на земле [он нигде] не стоит,
[И] на небе [о нем] не слышать.
[Когда] двуголовый черный богатырский конь
заржет,
Чеек Хан вновь возродится,
Снова сотворится <...>
Двуголовый черный богатырский конь
Недавно прошел через эту землю,
От царя к царю перешел,
От князя к князю отправился.
Двуголовый черный богатырский конь
От семи ирликов
К Чеек Хану в подарок пришедший <...>
У основания золотой коновязи стоящий
Двуголовый черный богатырский конь,

Ікі пазын төбін түзіріп, Халын чохчаға түс парған: Аның полған сол пазы Чирнің алтын тыңнап турча, Ат чахсының оң пазы Чирнің үстүн сизін турча»	Две головы вниз опустив, В крепкую дрему погрузился: [При этом] его левая голова Подземный мир, прослушивая, стоит, У лучшего из коней правая голова Поверхность земли обозревает’
---	---

(Ай Мирген, 1959: 37, 81, 82, 99. Перевод наш. – В. Б.).

Хтоническая природа двуглавого коня проявляется в том, что его душа воплощена в двухголовой ящерице-змее. При этом одна из голов является олицетворением души самого коня, а во второй воплощена душа ее хозяина. Гибель этого пресмыкающегося приводит к неминуемой смерти подземного богатыря и его ездового животного. Более того, их омертвевшие тела возвращаются к своему естеству – превращаются в хтоническую субстанцию – камень и песок:

«Алтын Теек алып кізі Оңнап-сынап көр килір. Ікі пастығ үлгер хара ат Пір нимені пілбеен, Пір нимені сиспеен; Саңмайы танға саптырып. Сала хамағын ача салча: Ікі пастығ килескі хурт – Арығ тыны, арығ чулазы Саңмай алтында чыл чөр. Чаацах сапхлабысхан, Кіріс кіңребіскен – Алтын Теек алып кізі Килескі хуртты атхан, Ікі пазын кизе атхан: Ікі пастығ үлгер хара ат Сай полып саалап халған, Хум полып тоолап халған. Алтын Теек алып кізі Хара чирге сиип түскен»	‘Алтын Теек богатырь Изучая-рассматривая, оглядывает. Двуголовый черный богатырский конь Ничего не узнал, Ничего не заметил; Виски [его] ветерок обдувает. [И] лоб его [от волос] слегка приоткрывает: Двуголовая ящерица-змея – [Его] чистая душа, чистый дух Под висками ползает. Лук ударил, Тетива громко зазвучала – Алтын Теек богатырь [В] ящерицу-червя выстрелил, Две головы напрочь отстрелил: Двуголовый черный богатырский конь В гальку, превратившись, посыпался, В песок, превратившись, посыпался. Алтын Теек богатырь На черную землю опустился’
---	--

(Там же: 131. Перевод наш. – В. Б.).

Одним из известных телесных отклонений некоторых подземных лошадей является их трехноготь. В хакасском эпическом творчестве встречается такой отрицательный персонаж, как демоница *Ўзүт Арыг*, ездящая верхом на трехногой черной кобыле. Этому животному вопреки, казалось бы, его внешней ущербности и неуклюжести все же свойственны неординарные физические способности: огромная сила и выносливость, фантастическая скорость передвижения и пр. Обозначенная лошадь в мгновение ока преодолевает дальние расстояния. Ни одному скакуну не под силу уйти от ее преследования, а уж тем более – обогнать. Приведем соответствующий пример:

«Хулатай көр тур: Ўс азахтығ хара пии турча;	‘Хулатай видит: Трехногая черная кобыла стоит;
---	---

Хулатай сағын-тур:
“Ўс азахтығ ниме хайдар ойлир”.
Аран чула хара хуладының
Алнына сығара ойлир ат чох полчаң,
Хара хуладының ахсын
Айландыра тартып алған;
Чар полған ахсын чара тартхан,

Чазы полған путха хамчы салған –
Хара хулат сах анаң ўкўс-салған.

Алты күннің чирге читіре ойлап
парыбысханда.
Ўс азахтығ хара пиинің ўс азағы
сарбайбинаң
Хара хулаттың алнында тоғыр
тура тўскен<...>
Хулатай хара хулаттың ахсын
Айландыра тартып алған –
– Пазох піргер хамчы саабысхан.
Хара хулат ўс күннің чирге

Читіре ойлап парыбысханда,
Ўс азахтығ хара пии, ўс азағы сарбайып,

Хара хулаттың алнында тоғыр тура
тўскен»

(Албынчі, 1951: 44. Перевод наш. – В. Б.).

Хулатай думает:
“Трехногое нечто куда поедет”.
[Чтобы] богатырского темно-саврасого коня
Опередив, скакать [такого] коня не было,
Темно-саврасого коня пасть
С разворотом подтянул;
[И без того] раскрытую пасть [его, поводьями
едва] не разрывая [на себя] натянул,
На бедро [размером] с поле плеть пустил –
Темно-саврасый конь, после чего помчался.

Землю, проезжаемую за шесть дней
[он] вмиг пробежал.
Трехногой черной кобылы три ноги
[ее едва] переставлявшиеся,
[Перед] темно-саврасым конем
напротив предстали<...>
Хулатай [своего] темно-саврасого коня пасть
Разворачивая, натянув, развернул [коня]
– Снова единожды плетью ударил [его].
Темно-саврасый конь [ту] землю
[которую] за три дня [проезжают],
[Когда] пределов [ее] быстро достиг скача,
[То] трехногая черная кобыла [едва] три ноги
расставив,
Перед темно-саврасым конем [путь]
преграждая, стояла’

Как известно, ноги человека/животного, находящегося в вертикальном положении, являются крайней нижней точкой его тела. В архаических представлениях ноги выступают в качестве естественного связующего элемента с нижним/подземным миром, поскольку постоянно соприкасаются с землей. В устном народном творчестве хакасов неотъемлемая связь хтонического животного с недрами земли и ее отдельными полезными ископаемыми порой акцентируется еще и такой деталью его экстерьера, как медные копыта:

«Алтын сарчында турған аттарны көрзе, ‘У золотой коновязи стоящих коней,
разглядывая [видит],
Аттаң артых аттар турча,
Чис туйғахтығ хоор ат турча,
Хара ат турыбохча,
Тискер тўктіг көе ат турча»
Лучшие из коней [там] стоят,
С медными копытами каурый конь стоит,
[Рядом с ним] черный конь стоит,
С шерстью в обратную сторону [цвета]
угля конь стоит’

(Ікі, 1969: 195. Перевод наш. – В. Б.).

Одним из характерных признаков хтонических существ является их полиморфизм. По традиционным представлениям, многие подземные создания обладают гибридизированным обликом, сочетая в себе различные териоморфные и зооантропоморфные черты. Подобные свойства нередко переносятся и на образ подземного коня. В одном из эпических

произведений хакасов упоминается богатырь нижнего мира, обладающий конем с ярко выраженными полиморфными чертами: «*Адай настыг, адай азыглыг хызыл саар аттыг Иткер Молат*» – ‘Иткер Молат на красно-соловом клыкастом коне с собачьей головой’ (Чистобаева, 2015: 118). Не исключено, что именно изначальная мифическая гибридизация хтонического конского образа легла в основу известной народной загадки о всаднике: «*Алты азахтыг, ікі настыг, ікі хурлыг, пір хузурухтыг*» (*чалаң аттыг кізі*) – ‘С шестью ногами, двумя головами, двумя поясами, одним хвостом (всадник)’ (Сиспектер, 1951: 279. Перевод наш. – В. Б.).

В устном народном творчестве хакасов немаловажной чертой богатырских коней подземного мира являются их исполинские размеры. Будучи порождением тьмы, они своими гигантскими телами затемяют небесные светила и едва ли не погружают мир во мрак.

«Ах өрге ибнің алнында,
Алтын теектің төзінде
Аран-чула ат чахсы
Арға-мөрейге чыыл партыр.
Тибет Ханның тимір түктіг
Көк пора ады турчадыр,
Ағаа хости төдір түктіг

Хуба хара ат тур.
Ўзінчизи – ах хамахтыг хусхун хара ат.
Төртінчизи – хызыл хыр ат,
Пизінчизи – хызыл хоор ат,
Арғаларынаң ай көледіп,
Көксілерінең күн көледіп,
Ат чахсылар айланызып турлар.
Чабыс килген ала пулут
Аран-чуланың ікі хулах аразынаң,
Чарылып, иртіп турадыр»

(Алтын, 1973:18–19. Перевод наш. – В. Б.).

‘Впереди белого дворца
У основания золотой коновязи
Лучшие из богатырских коней
На состязание собрались.
Тибет хана [с] железной шерстью
Сине-серый конь стоит,
Рядом с ним с шерстью в обратную сторону
[растущей],
Темно-белесый конь стоит.
Третий – белолобый конь вороной.
Четвертый – красно-серый конь,
Пятый – красно-каурый конь,
Спины [их] месяц затемяют,
Груды [их] солнце закрывают,
Лучшие из коней развернувшись, стоят.
Низко плывущее пестрое облако
[У] богатырского коня между двух ушей,
Разделяясь, проплывает’

Одной из особенностей коней нижнего мира является их непосредственная связь с водной стихией. Данное мифологическое суждение опять-таки определяется реальной ездовой функцией рассматриваемого животного. Известно, что большинство лошадей не испытывают страха перед водой. Поэтому в быту хакасы часто пересекают небольшие реки верхом на лошадях. Данная реалья, например, нашла свое отображение в песенном народном творчестве: «Когда мне надо было переправиться через Томь, то я сел на своего гнедого коня! Когда мне надо было переехать через полосатую Томь, то я сел на своего пегого коня! Было страшно, когда пришлось переплывать через глубокую реку!» (Катанов, 1907: 425). Умение плавать и уверенно преодолевать водные преграды во многом зависело от силы и выносливости животного и особенно его ног. При этом устойчивость к воде нижних конечностей коня была запечатлена в такой народной загадке, как: «*Суға кірзе, чібібес, сугдаң сыхса, хахсабас (ат туйгагы)*» – ‘В воду залезет – не размокает, из воды вылезет – не высыхается (копыта лошади)’ (Доможаков, 1951: 82). Народные наблюдения за конем в воде не обошли вниманием и такой значимый элемент его тела, как хвост. Суждение о внешней трансформации мокрого хвоста представлено в следующей загадке: «Если залезет в воду, то один; если же из воды, то сто (конский хвост, попавший в воду и разошедшийся)’ (Катанов, 1907: 239).

В традиционном мировоззрении хакасов сверхъестественные обитатели водных объектов, как и обычные люди, активно используют лошадей в качестве ездовых животных. По хакасской традиции духу – хозяину воды *суз ээзи* регулярно посвящали коней-ызыхов сивой или рыжей мастей (Катанов, 1893: 91). В хакасском фольклоре встречаются сюжеты и образы, свидетельствующие о водном символизме коня. Вода как олицетворение изначального хаоса имеет непосредственное отношение к хтоническому миру. Поэтому совершенно не случайно то, что в мифологическом сознании народа образ подземного коня и воды порой сливаются. В одной из народных загадок весенний речной ледоход напрямую отождествляется с конем и его мощным и гулким передвижением: «*Күзүрт-хазырт түс пари, күрең чоргам ас пари; Нызырт-назырт түс пари нызырабинаң тозыл пари (часхыда нус тибреени)* – ‘Шумя-гремя идет мой бурый иноходец; шумя-гремя идет и с шумом исчезает (весенний ледоход, тающие льды)’ (Доможаков, 1951: 70). Намек на водную сущность коня обнаруживается в ассоциации отдельных рыболовных снастей с этим животным: «*Сугзар чохыр адым кір парир (сөзірбе)*» – ‘Мой чубарый конь полез в воду (невод)’ (там же: 80). Добавим и то, что в устном народном творчестве хакасов идентификация лошадей нередко осуществляется посредством их территориальной принадлежности, связанной с конкретной рекой, например, «серый конь, пришедший с р. Кызас», «голубой конь, пришедший с р. Уйбат» и т. д. (Катанов, 1907: 255). Семантические связи образа коня и водной стихии, а также глубинные идеи непостоянства и смерти выявляются и в *тахпах’ах* – лирических народных песнях:

«Ағыпчатхан Ах Ыўзек
Алтон на толгалып ахты ни;
Азыбох халған нимені.
Алтон ат хостап чит полбас.

‘Текущая река Белый Июс
Шестьдесят раз извивается;
То, что утеряно
На шестидесяти конях не догнать.

Инібөкчеткен Иргі Ыўзек
Читон на толгалып инді ни;
Өлібөк халған нимені,
Читон пар ат хостап, чит полбас»

С гор текущая река Старый Июс
Семьдесят раз изгибается;
То, что смертью взято,
На семидесяти конях не догнать’

(Хакасские, 1980: 27).

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в культуре хакасов коню придавалось большое значение. Одной из ключевых его функций была транспортная. Во многом именно она предопределила его высокую востребованность как в утилитарной, так и обрядовой сферах жизни народа. Данная реалья способствовала тому, что в мировоззрении народа лошадь наделяется высоким семиотическим статусом. При этом семантическое поле образа коня чрезвычайно обширно. Одной из неотъемлемых граней его образа, безусловно, является его хтоническая сущность. В мифологическом мышлении она находит свое выражение в обладании необузданной природной мощью земли, тесной связи с подземным пространством и его обитателями и т. д.

Религиозно-мифологическому сознанию хакасов, как и многих других народов, свойственна такая черта, как стремление к антропоморфизации природы. При этом «очеловечиванию» подвергаются не только окружающее его природное пространство и его обитатели, но и мир невидимый – потусторонний. Отметим то, что антропоморфизация не ограничивается лишь определенным соответствием внешних данных потусторонних созданий. Человеческое подобие распространяется и на их образ жизни. Поэтому и лошадь выступает в качестве заурядного ездового животного не только умерших людей, но и многих демонических существ загробного пространства. Обитатели инобытия, будучи коневодами, также имеют свои предпочтения при выборе мастей своих скакунов. Их цветовая специфика также не случайна

и имеет глубокое символическое значение. Помимо того, среди характерных признаков хтонических коней следует выделить: всевозможные аномалии их тела, имеющие отношение к волосяному покрову, органам зрения, слуха и нижним конечностям, полицефалию и полиморфизм, гигантские размеры, обладание сверхъестественными способностями, направленными на деструктивную активность, тесную связь с водой и пр. Итак, представления хакасов о хтонической природе коне – это плод глубинной народно-поэтической мысли, в которой нашли отражение процессы постижения человеком природы во всем многообразии ее проявлений.

Литература:

- Ай Мирген.** Алыптыг нымах (Героическое сказание на хак. яз.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1959. 135 с.
- Айдолай.** Героическое сказание (на хак. яз.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1963. 192 с.
- Албынчи** (алыптыг нымах) // Алыптыг нымахтар (на хак. яз.). Абакан: Хак. обл. кн. изд-во, 1951. С. 13–98.
- Алтын Тайчы.** Алыптыг нымах (на хак. яз.). Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1973. 148 с.
- АМАЭС ТГУ** – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 677-4 а «Этнографическая экспедиция в Хакасию 1972 г. Тетрадь № 4». 41 л.
- АМАЭС ТГУ** – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. № 680-8 а «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию. Июль 1974 г. Тетрадь № 8». 40 л.
- АМКМ** – Архив Минусинского краеведческого музея. Ф. 2. Оп. 3. Д. 51. Т. 2. «Рукопись Савенкова Ивана Тимофеевича. «Религиозные и магические основы устройства шаманских бубнов инородцев Минусинского округа» (археолого-этнографический очерк)». 1911. 168 л.
- АМКМ** – Архив Минусинского краеведческого музея. Ф. 2. Оп. 3. Д. 52 «Рукопись Савенкова Ивана Тимофеевича. «Религиозные и магические основы устройства шаманских бубнов инородцев Минусинского округа» (археолого-этнографический очерк)». 1911. Т. 3. 176 л.
- АХКМ** – Архив Хакасского краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова «Тенешев Н. С. Ёзүт чир (царство мертвых) по верованиям сагайцев». Июнь 1957 г. 29 л.
- Бурнаков В. А.** Традиционные представления хакасов о Нижнем мире (конец XIX – середина XX вв.) // Религиоведение, 2014. Т. 2. С. 30–44.
- Бурнаков В. А.** Конь в традиционной похоронной обрядности хакасов (конец XIX – середина XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 479. С. 89–99.
- Бутанаев В. Я.** Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
- Бутанаев В. Я.** Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2006. 253 с.
- Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.** Мир хонгорского (хакасского) фольклора. Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. 376 с.
- Доможаков В. И.** Хакасские загадки // Записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 2. Абакан: Хак. обл. гос. изд-во, 1951. С. 60–84. Эксес-оол // Хакасские народные сказки. Новосибирск: Омет Принт, 2014. С. 403–423.
- Иванов С. В.** К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л., 1955. Т. 16. С. 165–264.
- Катанов Н. Ф.** Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. СПб., 1893. 114 с.
- Катанов Н. Ф.** Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
- Майнагашев С. Д.** Загробная жизнь по представлениям турецких племен Минусинского края // Живая старина, 1915. № 2. Вып. 2–3. С. 277–292.
- Маковский М. М.** Историко-этимологический словарь английского языка. Слово в зеркале человеческой культуры. М.: Издат. дом «Диалог», 1999. 416 с.
- Мудрое слово.** Сборник хакасских народных пословиц и поговорок и загадок. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-во, 1976. 128 с.
- Немой богатырь Хан Мирген** // Сказания и легенды хакасов. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2013. С. 64–80.
- Орел В. Е.** Культура, символы и животный мир. Харьков: гуманитарный центр, 2008. 584 с.
- Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2009. 332 с.
- Сиспектер (Загадки)** // Алыптыг нымахтар (Богатырские сказания) (на хак. яз.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1951. С. 275–282.
- Субракова О. В.** Язык хакасского героического эпоса. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. 164 с.
- Хакасские народные тахпахи.** Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1980. 132 с.

Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с.

Хан Орба. Богатырское сказание, записанное от С. И. Шулбаева (на хак. яз.). Абакан: Хак. издат, 1989. 208 с.

Чистобаева Н. С. Героический эпос хакасов: тематика и поэтика. Абакан: ООО «Кн. изд-во "Бригантина"», 2015. 170 с.

Кі ах ой хулун // Хан Мирген (на хак. яз.). Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1969. С. 117–208.

Бурнаков Венарий Алексеевич.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.

Институт археологии и этнографии СО РАН.

Пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090.

E-mail: venariy@ngs.ru

Материал поступил в редакцию 27 декабря 2022 г.

V. A. Burnakov

The horse as a Chthonic Being in Khakass Beliefs and Folklore (late XIX–XX century)

Since its domestication, the horse has played an important role in human life. It has contributed to making people extremely mobile. By covering great distances relatively quickly, they managed to dominate large areas. People actively involved the horse in economic, military, religious, ceremonial, and other activities. Its importance was so great that it became an obligatory part of funeral rites. Horses were buried with their deceased owners, so they became signposts to the "other world" for them and continued to serve them even after death. Archaic consciousness often attributed the use of a horse as a mount to the inhabitants of the subterranean world of non-human nature. Similar ideological ideas were definitely present among the Khakass. This work aims to characterize the horse as a religious and mythological figure of the Khakass, having a chthonic nature. The work's chronological framework is limited to the late XIX–XX century framework. The source material on the research topic determines the choice of this time frame. Ethnographic and folkloric materials, published and put into scientific circulation, served as a source base. Among the folk sources, the heroic stories (Alyptyg Nymakhtar) are widely used, from which excerpts in the author's translation are presented in Russian for the first time. Guiding the study is the principle of historicism, in which each cultural phenomenon is considered in its development, considering a specific situation. The research methodology uses historical and ethnographic methods: Vestiges (relics), folklore, and semantic analysis. The results of the study suggest that the image of the horse in the Khakass culture was endowed with extensive and diverse symbolism. It was a sacred animal and directly related to traditional ideas about death and the other world. The horse is a signpost to the other world and also an attribute of lower mythological beings. As a chthonic being, it is endowed with a number of specific characteristics: various physical anomalies, polymorphism, size, supernatural abilities, and connection with the element of water.

Keywords: *Khakass, traditional worldview, myth, ritual, horse, chthonism, underworld, demon*

References:

Ai Mirgen. Geroicheskoe skazanie [Ai Mirgen. The heroic tale written from P. I. Sulekova]. Abakan, Khakas. Book Publ., 1959. 135 p. (in Khakass).

Aidolai. Geroicheskoe skazanie [Aidolai. The heroic legend]. Abakan, Khakas. Book Publ., 1963, 192 p. (in Khakass).

Ai Khuuchyn [Ai Khuuchyn]. Altyn Aryg. Alyptyg nymakh (Bogatyrskie skazaniya) [Altyn Aryg. Heroic Legend]. Abakan: Khak. Book. Publ., 1958. P. 318–420. (in Khakass).

Albynzhi. Khakasskoe geroicheskoe skazanie [Albynzhi. Khakass heroic legend]. Abakan, 1951, Khakass regional state Publ., pp. 13–98. (in Khakass).

Altyn Taijy. Alyptyg nymakh [Altyn Taijy. Khakass heroic legend]. Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 1973, 148 p. (in Khakass).

AMAES TGU – Arkhiv Muzeya archeologii i etnografii Sibiri TGU [Archive of the Museum of archeology and ethnography of Tomsk state university (further – AMAES TGU), № 677-4 а «Etnograficheskaya ekspeditsiya v Khakasiyu letom 1973 g. [Ethnographic expedition in Khakassia. Summer of 1972], 41 p. (in Russian).

AMAES TGU, № 680-8 а «Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Khakasiyu. Iyul' 1974 g. tetrad' № 8» [Expedition in Khakassia. July 1974. Notebook nu. 8], 78 p. (in Russian).

- AMKM** – Arkhiv Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya [Archive of the Minusinsk Museum of Local Lore]. F. 2. Op. 3. D. 51. T. 2. «Rukopis' Savenkova Ivana Timofeevicha. "Religioznye i magicheskie osnovy ustroistva shamanskikh bubnov inorodtsev Minusinskogo okruga" (arkheologo-etnograficheskii ocherk)» [Manuscript of Ivan Timofeevich Savenkov. "Religious and magical foundations for the device of shaman tambourines of foreigners of the Minusinsk district" (archaeological and ethnographic essay)]. 1911, 168 p. (in Russian).
- AMKM** – Arkhiv Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya [Archive of the Minusinsk Museum of Local Lore]. F. 2. Op. 3. D. 51. T. 3. «Rukopis' Savenkova Ivana Timofeevicha. "Religioznye i magicheskie osnovy ustroistva shamanskikh bubnov inorodtsev Minusinskogo okruga" (arkheologo-etnograficheskii ocherk)» [Manuscript of Ivan Timofeevich Savenkov. "Religious and magical foundations for the device of shaman tambourines of foreigners of the Minusinsk district" (archaeological and ethnographic essay)]. 1911, 176 p. (in Russian).
- Arkhiv Khakasskogo natsional'nogo kraevedcheskogo muzeya imeni L. R. Kyzlasova** [Archives of the Khakass National Museum of Local Lore named after L. R. Kyzlasov] «Teneshov N. S. "Uzut chiri (tsarstvo mertvykh)" po verovaniyam sagaitsev» ["Uzut chiri (kingdom of the dead)" according to the beliefs of the Sagay]. 29 p. (in Khakass and Russian).
- Burnakov V. A.** Traditsionnye predstavleniya khakasov o Nizhnem mire (k. XIX – ser. XX vv.) [Traditional ideas of the Khakass about the Lower World (late XIX – mid-XX centuries). Religiovedenie [Religious Studies], 2014. Vol. 2. P. 30–44 (in Russian).
- Burnakov V. A.** Kon' v traditsionnoi pokhoronnoi obryadnosti khakasov (konets XIX – seredina XX v.) [The horse in the traditional funeral rites of the Khakass (end of the 19th – middle of the 20th century)]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Tomsk State University], 2022. Vol. 479. P. 89–99 (in Russian).
- Butanaev V. Ya.** Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya [Burkhanism Turks Sayano-Altai]. Abakan, 2003, KhGU Publ. 260 p. (in Russian).
- Butanaev V. Ya.** Traditsionnyi shamanism Khongoraya [Traditional shamanism Hongoray]. Abakan, KhGU Publ., 2006. 254 p. (in Russian).
- Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I.** Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora [World of Khongor (Khakass) folklore]. Abakan, KhGU Publ., 2008, 376 p. (in Russian).
- Domozhakov V. I.** Khakasskie zagadki [Khakass riddles]. Zapiski Khakasskogo nauchno issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii [Notes of the Khakassian Research Institute of Language, Literature and History]. Abakan, Khakas the regional. State. Book. Publ., 1951. Vol. 2, P. 60–84 (in Khakass and Russian).
- Ekses-ool** [Ekses-ool]. Khakasskie narodnye skazki [Khakass folk tales]. Novosibirsk, Omet Print Publ., 2014. P. 403–423 (in Khakass and Russian).
- Ivanov S. V.** K voprosu o znachenii izobrazhenii na starinnykh predmetakh kulta u narodov Sayano-Altayskogo nagor'ya [To the question of the meaning of the symbols on ancient objects of worship among the peoples of the Sayan-Altai highlands]. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Vol. 16. Moscow, Leningrad: Publ., of the USSR Academy of Sciences, 1955. P. 165–264 (in Russian).
- Katanov N.F. Pis'ma N. F.** Katanova iz Sibiri i Vostichnogo Turkestana [Letters from N. F. Katanov from Siberia and Eastern Turkestan]. S-Peterburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1893, 114 p. (in Russian).
- Katanov N. F.** Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyrkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym) [Adverbs Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and Karagas: (Samples folk literature of Turkic tribes issued V.V. Radloff)]. S-Peterburg, 1907. Vol. 9. 640 p. (in Russian).
- Mainagashev S. D.** Zagrobnaya zhizn' po predstavleniyu turetskikh plemen Minusinskogo kraya [The afterlife as imagined by the Turkish tribes of the Minusinsk Territory]. Zhivaya starina [Living Antiquity], 1916. Vol. 24, No. 3. P. 277–292 (in Russian).
- Makovskii M. M.** Istoriko-etimologicheskii slovar' angliiskogo yazyka. Slovo v zerkale chelovecheskoi kul'tury [Historical and etymological dictionary of the English language. The word in the mirror of human culture]. Moscow, «Dialog» Publ., 1999. 416 p. (in English and Russian).
- Mudroe slovo.** Sbornik khakasskikh narodnykh poslovits, pogovorok i zagadok [Wise Word. Collection of Khakass folk proverbs, sayings and riddles]. Abakan, 1976, Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 128 p. (in Russian and Khakas)
- Nemoi bogatyr' Khan Mirgen** [The mute hero Khan Mirgen]. Skazaniya i legendy khakasov [Tales and legends of the Khakas]. Abakan, House of Writers of Khakassia Publ., 2013. P. 64–80 (in Russian).
- Orel V. E.** Kul'tura, simvoly i zhitovnyi mir [Culture, symbols and wildlife]. Khar'kov, gumanitarnyi Tsentri Publ., 2008. 584 p. (in Russian).
- Propp V. Ya.** Istoricheskie korni volshebnoi skazki [Historical roots of a fairy tale]. Moscow, Labirint Publ., 2009, 332 p. (in Russian).
- Sispekter (Zagadki)** [Riddles]. Alyptyg nymakhtar (Bogatyrskie skazaniia) [Heroic legends]. Abakan, Khakas. Book Publ., 1951. P. 275–282 (in Khakass).

Subrakova O. V. Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa [The language of the Khakass heroic epic]. Abakan, 2007, Khakas. book Publ., 164 p. (in Russian).

Khakasskie narodnye takhpakhi [Khakass folk songs]. Abakan, Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ., 1980, 132 p. Khakasskii geroicheskii epos: Ai Khuuchin [The Khakass heroic epos: Ai Khuuchin]. Novosibirsk, Science Publ., 1997, 479 p. (in Khakass and Russian).

Khan Orba. Bogatyrskoe skazanie, zapisannoe ot S.I. Shulbaeva [Khan Orba. The heroic tale written from S. I. Shulbaev]. Abakan, 1989, Khakass Publ., 208 p. (in Khakass).

Chistobaeva N. S. Geroicheskii epos khakasov: Tematika i poetika [The heroic epic of the Khakas: Theme and poetics]. Abakan: Brigantina Publ., 2015, 170 p. (in Russian).

Iki akh oi khulun [Two white-billed colts]. Khan Mirgen [Khan Mirgen]. Abakan, 1969, Khakass office Krasnoyarsk. Book. Publ. P. 117–208 (in Khakass).

Burnakov Venaryi Alekseevich.

Ph.D. in History, Senior Researcher Department of Ethnography.

Institute of Archaeology and Ethnography RAS.

Academician Lavrentiev Str. 17, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: venariy@ngs.ru

А. В. Войтович, Е. Ю. Кошелева

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСНОВНЫХ АСПЕКТОВ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ЧЛЕНОВ ЦЕНТРА ПОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ «ДОМ ПОЛЬСКИЙ» В ТОМСКЕ»

Рассматривается значимость отдельных факторов самосознания (язык, религия, культура, историческая память) в поддержании польской этнической идентичности членов общественной организации «Дом Польский» в Томске в конце 2010-х гг. Основными теоретическими рамками работы выступают конструктивистский подход к теории этноса (Р. Брубейкер, В. А. Тишков) и теория исторической памяти (М. Хальбвакс). Исследуются этнические автостереотипы членов данной группы. Выявлена вариативность и ситуативность самоопределения по этническому либо политическому признаку в зависимости от контекста обстоятельств: от этнонима «поляк» до политонима «россиянин». Выявлена важность изучения/знания польского языка респондентами как одного из компонентов идентичности. Большинство респондентов знают или изучают польский язык. Религиозная принадлежность, исповедование католицизма, как выявлено, не имеет решающего значения для осознания себя поляком. Отдельно рассмотрены вопросы сохранности исторической памяти как фактора этнической идентичности. Респонденты отметили важность семейной истории и архивных материалов (писем, фотоальбомов) в передаче традиций и сопричастности к истории польского народа. Поляки Сибири приехали сюда в разное время в XIX и XX вв. В большинстве случаев это были недобровольные переселения. Исследованы вопросы интеграции поляков в российское общество. Согласно результатам исследования, большинство опрошенных считают, что поляки полноценно интегрированы в российское общество. К сожалению, иногда происходит экстраполяция действий и заявлений польских политиков на всех поляков в российском общественном сознании, что может влиять негативно на отношение россиян к этой этнической группе. Результаты интервьюирования позволяют сделать вывод, что самосознание российских поляков, имеющих (или предполагающих наличие) польских предков, амбивалентно и конструируется в зависимости от внешних факторов. Выявлена высокая значимость исторической (коллективной) памяти, которая является основным маркером идентичности российских поляков, в то время как языковой и религиозный маркеры не играют столь значимой роли.

Ключевые слова: поляки, российские поляки, Сибирь, этническая идентичность, историческая память, автостереотипы, конструктивизм, общественные организации

Проблема идентичности связана с важнейшими философскими проблемами самопознания человека, понятиями «субъект», «индивидуальность», «личность», а также с конструированием дискурсов «различия», «инаковости», «другого». Вопросы самосознания на протяжении долгого времени не сходят с повестки дня социально-гуманитарных наук. На наш взгляд, поиск личностью устойчивых мировоззренческих ориентиров становится тем более необходимым, чем более нестабильным представляется само существование и возможность самоопределения. Проблема идентичности активно разрабатывается в настоящее время В. А. Ядовым, Е. Г. Трубиной, С. И. Емельяновой, М. В. Заковоротной, М. Н. Губогло и др. В своей работе мы придерживаемся конструктивистского подхода к теории этноса, яркими представителями которого являются Б. Андерсон, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Р. Брубейкер, В. А. Тишков.

Всплеск интереса к генеалогии и повсеместное создание национально-культурных организаций в начале 1990-х гг. (в т.ч. Томской региональной общественной организации «Центр польской культуры “Дом Польский” в Томске») был обусловлен не только тем, что исчезла необходимость скрывать те или иные факты биографии предков, но и тем, что произошло «разрушение самоидентификации личности в качестве “советского человека”; ценности и нормы, определявшие процесс самоидентификации личности, неожиданно изменили значение, а общепринятые цели деятельности оказались лишёнными смысла» (Евгеньева, Селезнева, 2013: 161). Это хайдеггеровское «возвращение к себе», поиск новой или актуализация имевшейся этнической идентичности, существовавшей в маргинальной или полумаргинальной форме, невозможны без исторической памяти. Вслед за Л. П. Репиной, развивающей теорию исторической памяти Мориса Хальбвакса, под исторической памятью понимаем «сово-

купность донаучных, научных, квазинаучных и внеаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом» (Репина, 2004: 42). В последние годы интерес к исследованию исторической памяти у российских социологов, историков, социальных антропологов усилился, в частности, можно выделить работы Е. А. Протасени (Протасеня, 2016) и А. Г. Васильева (Васильев, 2015).

Тема сибирских поляков и их потомков также не обойдена вниманием историков, о чем свидетельствует ряд международных научно-практических конференций и тематических сборников, посвященных этой тематике («Поляки в Якутии» (Якутск, 1997), «Россия и Польша: историко-культурные контакты» (Якутск, 1999), «Сибирско-Польская история и современность» (Иркутск, 2000), «PoloniawRosji: historia idziendzisiejszy» (Москва, 2000), «Полонии в Сибири, России и в мире» (Иркутск, 2004), «Поляки в Приенисейском крае» (Абакан, 2005), «История и культура поляков Сибири» (Красноярск, 2006); «Поляки в Сибири. Поляки о Сибири» (Томск, 2012), «Проблемы российско-польской истории и культурный диалог» (Новосибирск, 2014), «Поляки в Сибири в условиях социальных катаклизмов: люди, институции, процессы, образы» (Москва, 2017), «Поляки на Алтае вчера, сегодня, завтра» (Барнаул, 2017) и др.), а также работы исследователей М. Р. Новоселова и Б. С. Шостакович: Социокультурный облик современной сибирской Полонии на примере данных анкетирования членов ПКПО «Огниво» в Иркутске (Иркутск, 1996); Участники современных сибирских полонийных организаций в ракурсе социокультурного изучения: первоначальные результаты и перспективы // Сибирская Полония: прошлое, настоящее, будущее (Томск, 1999); К постановке задач изучения сибирских полоний в историческом прошлом и настоящем (Иркутск, 2006) и др.). Настоящая работа является в некоторой степени продолжением работы В. Ю. Корневой «Томские поляки: к вопросу о самосознании и этнониме» (Корнева, 2016).

Проблема исследования состоит в выявлении значимости роли языковой, религиозной, культурной составляющих исторической (коллективной) памяти в поддержании польской этнической идентичности членов Томской региональной общественной организации «Центр польской культуры “Дом Польский” в Томске».

Целью исследования является изучение представлений членов ТРОО «ЦПК “Дом Польский” в Томске» о себе как носителях польской идентичности.

Задачи исследования:

1. Определить характер и структуру базовых компонентов этнической самоидентификации членов общественной организации «Дом Польский» в Томске».
2. Исследовать значимость каждого из выявленных компонентов в структуре идентичности изучаемой группы.

Использованы следующие теоретико-методологические концепты: этническая идентичность, историческая память, коллективная память, культурная память.

Эмпирические данные были получены антропологическими методами полуструктурированного интервью нарративного типа и включенного наблюдения. Для проведения интервью был разработан гайд.

Адресной аудиторией исследования стали 14 членов ТРОО «ЦПК “Дом Польский” в Томске» (6 мужчин и 8 женщин) в 2017–2019 гг. Возраст интервьюируемых: от 23 до 31 г. – 4 чел., 38–44 лет – 6 чел., старше 50 лет – 4 чел. Образование: высшее – 13 чел., среднее – 1 человек (на момент исследования количество активных членов ТРОО «ЦПК “Дом Польский” в Томске» составляло около 50 человек).

Вопросы разделены на три тематических блока: самоидентичность (вопросы 1–8), поляки в российском обществе (вопросы 9–14), Россия и Польша (вопросы 15–20). Блоки объединяются проблемами, связанными с темой исследования? – самосознанием и исторической памятью.

Первый блок связан с этнической самоидентичностью (русский, поляк, другой вариант). Можно предположить существование «внешнего», в какой-то степени «официального» статуса (графа «национальность» в анкетах советского периода, ответы при проведении переписи населения и т. п.) и «внутреннего» статуса, которые характеризуют разную степень осознания собственной идентичности, в том числе с точки зрения социума. Так, двое молодых респондентов (мужчины 26 и 29 лет) ответили, что в большей мере ощущают себя поляками, однако лишь один из них дал такой же ответ при переписи населения. В то же время один из респондентов (мужчина 50 лет) указал в переписи национальность «поляк», тогда как по самоощущению он россиянин.

Следует отметить, что ответ «россиянин», использованный частью респондентов (при наличии варианта ответа «русский») в вопросе о самоощущении, представляется симптоматичным, притом что в вопросе об указанной в переписи национальности обычно выбирается вариант «русский». А во втором случае (при переписи) слова «русский» и «россиянин» респондентами воспринимаются как синонимы (более того, в одном комментарии сообщается, что «при переписи указала “русская”, но в большей степени считаю это гражданством, нежели национальностью»), и потому информанты не видят необходимости вводить дополнительный термин, тогда как для самоощущения эти термины различны.

В обоих случаях, по нашему мнению, понимание респондентами этничности близко к концепции, согласно которой этнос – это исторически сложившаяся совокупность людей с общими стабильными особенностями культуры и психики, осознающих свое единство и отличие от других совокупностей. К числу особенностей культуры и психики следует отнести и историческую память как «важнейшую составляющую самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо разделение оживляемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конституирования и интеграции социальных групп в настоящем» (История и память..., 2006: 25). На исторической памяти основан выбор термина «россиянин» для выражения самоощущения наших респондентов. Этот термин подразумевает особенность нашего респондента – потомка представителей иного этноса (поляков), выросшего в русской языковой и бытовой среде, для которого происхождение предков является самоценным фактом, не позволяющим безоговорочно признать себя русским. Один из комментариев к вопросу о самоощущении содержит уточнение: «россиянин с польским корнями», т. е. здесь увеличена дистанция, заложенная в слове «россиянин» (очевидно, эта дистанция еще более отражена в ответе «сибиряк», данном одним из респондентов в обоих вопросах). Среди ответов есть признание «не чувствую себя полноценным представителем какой-либо нации», что, на наш взгляд, также является крайним отражением смешанной идентичности томских (сибирских, российских) поляков.

Итак, респондентами являются потомки поляков. Две трети респондентов знают, когда и кто из их польских предков оказались на территории современной Томской области или в Сибири/России в целом. Согласно ответам, это ссыльные разных периодов: участники восстания 1863 г., переселенцы по столыпинской реформе, депортированные сюда в 1930-х – 1940-х гг. граждане СССР. Большинство респондентов указали, что эти знания основаны не на документах, а на семейных легендах.

Не ставя под сомнение их ответы, мы тем не менее должны указать, что «одно из направлений, по которому происходит процесс поиска новой идентичности, представляет собой обращение к неким “высшим” ценностям..., которые могут быть найдены в “героическом” прошлом отдельной личности, группы или нации, которое обычно предстает в упрощенном, стереотипизированном виде» (Евгеньева, Селезнева, 2013: 161). В этом отношении польский стереотип занимает особое место.

По мнению опрошенных, в российском массовом сознании существует устойчивый польский образ: сосланный в Сибирь гордый шляхтич-повстанец и прекрасная полька. (Если

образ поляка-мужчины все же двойственен и вторым стереотипом является «спесивый пан», то польские женские образы безусловны. Одним из примеров может служить документальный фильм «Польские красавицы. Кино с акцентом» телеканала «ТВ Центр», посвященный польским актрисам, которые имели успех в СССР. «Их имена звучали как музыка», – сообщает закадровый голос С. Чонишвили. Однако, возможно, это не столько комплимент собственно актрисам, тем более не польскому языку, сколько отражение образа польских женщин в отечественном общественном сознании.) Этот стереотип импонирует томским полякам, независимо от сословной принадлежности и причин появления в Сибири их предков.

Представление респондентов о поляках не ограничивается указанными выше образами, а дополняется уверенностью половины опрошенных в положительных чертах польского менталитета (респонденты не делают разницы между жителями Польши и потомками поляков, «людьми польского происхождения»). Комментарии к ответам содержат утверждения об их организованности, трудолюбии, вежливости, ответственности в вопросах воспитания детей. Однако другая половина опрошенных отрицает какое-либо влияние польских корней на свое мировоззрение или практики повседневности.

Язык, являющийся основой этнической классификации, для потомков переселенцев в третьем-четвертом поколении, разумеется, не может являться главным фактором идентичности, однако 13 опрошенных целенаправленно изучают/знают польский язык и считают желательным владение им человеком, относящим себя к полякам.

Традиционное для поляков католическое вероисповедание не является, согласно опросу, необходимым или предпочтительным фактором для польской самоидентичности в России. Все респонденты отметили, что поляки не обязаны быть католиками, и лишь двое посещают костел. Согласно данным проведенного опроса, можно сделать предположение, что Рождество и Пасха, отмечаемые тремя четвертями опрошенных (причем Пасха по католическому календарю), не являются сугубо религиозными праздниками (не случайно они отмечены и как праздники, и как польские обычаи), а выступают в качестве элементов исторической памяти, связывающих респондентов с культурой предков.

Из светских польских праздников, которые отмечают респонденты, были названы День независимости и День Конституции (3 мая). (Один респондент ответил, что он именно *отмечает* эти праздники, названия которых в анкете написаны им по-польски. В этот ряд он ставит и не являющуюся праздником годовщину Варшавского восстания 1944 г., видимо, подразумеваемая особое отношение, связанное с концептом «*отмечать* [памятный день]»). В качестве польских обычаев, кроме Рождества и Пасхи, упомянуты польская кухня и *Thustyczwartek* («жирный четверг», последний четверг перед Великим постом; обильный ужин с мясом – авт.). Эта сторона этнической идентификации – национальные бытовые особенности – в урбанистических условиях XXI в. практически вытеснены и заменены элементами массовой культуры.

Второй блок вопросов направлен на выявление представлений респондентов о степени интеграции/ассимиляции сибирских поляков в российское общество и об отсутствии/наличии в российском обществе особого отношения к полякам. Постановка этого вопроса предполагает идентификацию и самоидентификацию поляков в обществе (что не всегда совпадает), связанных с исторической памятью обеих (польской и российской) сторон.

Две трети опрошенных считают, что российские поляки полностью интегрированы в российское общество и уверены в том, что это нормальное явление. По их мнению, полной интеграции и ассимиляции поляков способствует факт рождения в России, исторический процесс, общность славянских языков, истории, культуры и т. п. Лишь один респондент считает ассимиляцию потомков поляков проблемой, требующей активных действий. Другой, напротив, уверен, что такая ассимиляция труднодостижима в нынешних условиях, так как ей препятствует «разница менталитетов, национальные стереотипы и напряжение между Россией

и Польшей, которое создают власть имущие структуры и СМИ с обеих сторон в равной степени». Один из респондентов, считающий ассимиляцию нормальным явлением, также указал на то, что разность менталитетов препятствует полной ассимиляции. Три четверти считают, что возможна полная ассимиляция поляков, некоторые из опрошенных уверены, что она уже состоялась. Комментарий одного из респондентов выглядит как итог: «Поляки уже почти полностью ассимилированы. Современные российские поляки – это сообщество потомков поляков, лишенных непосредственной социальной, бытовой, культурной связи с Польшей. В России уже нет общих мест проживания поляков, ослабевают и родственные связи между поляками. Нет польских браков. Не говорят на польском языке в семье»; «Не интересуются культурой и историей Польши», – добавляет другой респондент. Этот ответ перекликается с вопросом самоидентификации. Таким образом, главное, а в ряде случаев единственное обоснование для самоидентичности наших респондентов – происхождение предков. Мнение респондентов согласуется и с результатами Всероссийской переписи населения 2010 г. (Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.), согласно которой поляками в Томской области назвали себя 750 человек, или 0,07 % от опрошенных. В 2002 г. эти показатели составляли 1 307 чел. (0,12 %), в 1989 г. – 1 732 чел. (0,17 %), и в 1959 г. – 3 065 чел. (0,41 % от опрошенных), что значительно ниже количества потомков поляков в регионе. Авторы не располагают более поздними сведениями.

Переходом к третьему блоку служат вопросы о наличии/отсутствии особенного отношения других российских этносов к российским полякам. Несмотря на разнесение объектов вопроса (российские поляки и поляки – граждане Польши), избежать смешения не удалось.

Девять опрошенных ответили, что особого отношения нет, а пятеро утверждают обратное, причем четверо из них указывают на «не очень хорошее отношение», связывая с «историческими и политическими событиями, санкциями, размещением баз НАТО, разрушением солдатских захоронений, непониманием того, что политики и польский народ – не одно и то же». При этом девять респондентов отрицают негативное отношение к российским полякам, а те, кто признает его наличие, уточняют нераспространенность этого явления, хотя и выносят суждение на собственном опыте.

Один респондент считает, что существует позитивное отношение к полякам, «подобное белой зависти: абсолютно все рады “обнаружить” среди предков шляхтича или красавицу-польку; ...есть сочувствие как к народу, попавшему в Сибирь не по своей воле». Шестеро респондентов указали на то, что сталкивались с положительным отношением к полякам и их потомкам, прежде всего было «много сочувствующих в дни катастрофы самолета под Смоленском», а также «здоровое любопытство, интерес».

Вопросы третьего блока наиболее тесно связаны с исторической памятью. Здесь рассматриваются важные, с точки зрения респондентов, события польской истории, а также представления респондентов о современной Польше и российско-польских отношениях. Примечательно, что ответы на вопросы о важнейших исторических событиях польской истории, российско-польских отношений и событиях в жизни российских поляков в основном фигурируют одни и те же факты.

Так, к наиболее важным историческим событиям респонденты отнесли Варшавское восстание 1944 г., восстания XVIII–XIX вв., фашистскую оккупацию Польши. Более подробно история Польши освещена в ответах на вопрос о наиболее важных событиях российско-польских отношений. К таковым событиям большинство респондентов отнесли авиакатастрофу под Смоленском 2010 г., разделы Польши 1772–1795 гг., Вторую мировую и Великую Отечественную войну, репрессии против поляков в период сталинизма, в том числе Катынь, как их конкретное воплощение (в анкете встретилось написание *Хатынь*, что свидетельствует о путанице и пробелах в историческом сознании россиян). Следует отметить, что авиакатастрофа и репрессии 1930-х гг. указаны большинством респондентов в качестве важнейших со-

бытий в жизни российских поляков. Дважды упоминались образование, существование и упразднение ПНР, а также сыгравшие важную роль в жизни многих россиян «челночные» торговые поездки за товарами в Польшу в 1990-х гг. По одному разу были названы столыпинская реформа, революция, гражданская война, предвоенное переселение поляков, движение «Солидарность», провозглашение независимости Польши в 1918 г. (встретилась дата 11 ноября 1917 г.), создание Организации Варшавского договора, включение Польши в состав Российской империи, 1 и 17 сентября 1939 г. (даты нападения на Польшу Германии и СССР соответственно), события в Познани 1956 г., а также «события советской эпохи и советский период, который важно постараться осмыслить и для России, и для Польши», и «то, что способствует ухудшению [отношений] – переписывание истории, уклон на Запад» (ответ сопровождается комментарием: «Столько наших солдат за их свободу погибло, и мы же – оккупанты!!!»).

В жизни российских поляков есть и другие важные события, как то: «возможность возвращения в Польшу и получения Карты поляка» (специального документа, дающего определенные льготы при получении визы и пребывании в Польше), «открытие польских сообществ на территории России», «непосредственное общение с поляками», в том числе на разнообразных культурных фестивалях.

Завершают третий блок вопросы о Польше глазами потомков поляков. Девять респондентов указали, что интересуются политической, экономической, социокультурной ситуацией в Польше, но не ищут информацию специально; пятеро ищут целенаправленно (один с пометкой «редко»); один ответил «постоянно читаю художественную и историческую литературу на польском языке». На формирование представления о Польше влияют российские СМИ, рассказы побывавших/проживающих в Польше друзей и знакомых, посещение Польши и общение с поляками.

Современная Польша большинству респондентов ожидаемо представляется в позитивном свете («экономически более развитой, чем Россия», «вполне безопасной, культурной, комфортной для жизни», «современной европейской демократической католической страной с высоким уровнем жизни и прекрасной архитектурой»). Лишь двое респондентов рисуют менее оптимистичный образ («страна с излишне сильной ролью церкви и политикой, ущемляющей права женщин [в частности], законы об абортах» и «нация, переполненная комплексами вкупе с завышенной самооценкой; страна, отстающая в экономическом развитии от Запада, не готовая безоговорочно принять ВСЕ западные ценности»).

О желании эмигрировать в Польшу заявили четверо респондентов: мужчины 26 и 29 лет, женщины 23 и 31 года (в том числе двое предприняли для этого определенные шаги), о нежелании – десятеро (от 38 до 56 лет).

Результаты интервьюирования позволяют сделать вывод, что самосознание российских поляков, имеющих (или предполагающих наличие) польских предков, амбивалентно. Это проявляется на разных уровнях: «официальном» (при заполнении графы «национальность» в анкетах советского периода, ответах при проведении переписи населения) и «неофициальном». Большинство опрошенных на официальном уровне называют себя русскими или россиянами. Это можно объяснить тем, что «в России проще быть русским» и тем, что политоним «россиянин» отражает принадлежность к гражданству РФ и не подчеркивает этническую принадлежность. Нельзя исключать и того, что он отражает степень интеграции поляков в российское общество, которая высока, и, видимо, правильнее говорить об ассимиляции.

Настоящее исследование показывает, что основную часть социальной группы, которую можно назвать томскими поляками (потомками этнических поляков, прибывших в Сибирь два-четыре поколения назад), составляют поляки, ассимилировавшиеся с русскими, т. е. люди, чья социализация состоялась в русской культурно-символической и языковой среде. Между тем мы считаем самоназвание, даже на неофициальном уровне, одним из важнейших составляющих исторической памяти, в некотором роде ее краеугольным камнем. Амбивалентность

проявляется здесь в осознании респондентами себя одновременно как русскими, так и нерусскими, т. е. жителями России, имеющими какие-либо отличные от русских черты мировоззрения или образа жизни. В этом случае отличие русского от российского поляка, т. е. «россиянина с польскими корнями», заключается в том, что последний может (но не обязан) ходить в костел, изучать польский язык из побуждений исторической памяти, испытывать интерес к истории и культуре Польши. Амбивалентность проявляется и при обсуждении вопросов, связанных с историей Польши, поляков, советско-польских и российско-польских отношений. Как упоминалось выше, политическая социализация детерминирует интерпретацию тех или иных событий, но ощущение некой причастности к этим событиям вносит определенные коррективы. Отсюда и более болезненное отношение к политически обусловленным проблемам отношений России и Польши, когда российский поляк вынужден соединять две (зачастую противоречивые) точки зрения.

Таким образом, для российских (сибирских, томских) поляков ведущим основанием для самоидентичности является фактор происхождения, т. е. семейной истории, исторической памяти, поскольку языковые и бытовые отличия от русских практически отсутствуют, а традиционная религиозная принадлежность (католичество) не является обязательной. Несмотря на ассимиляцию, они сохраняют ощущение своего отличия, которое проявляется в календарной разнице праздников, памятных дат, в разговорах на историко-политические темы.

Литература:

- Арнаутова Ю. А.** Культура воспоминания и история памяти // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени. М.: Кругъ, 2006. С. 47–55.
- Бромлей Ю. В.** Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 418 с.
- Васильев А. Г.** Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке / отв. ред. Н. А. Кочеляева. М.: Совпадение, 2015. С. 29–57.
- Диаспоры в историческом времени и пространстве:** национальная ситуация в Восточной Сибири. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. ун-та, 1994. 201 с.
- Евгеньева Т. В., Селезнева А. В.** Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // Известия Тульского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. № 3. С. 158–167.
- История и культура поляков Сибири** / сост. С. В. Леончик. Красноярск, 2006. 132 с.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года** в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (дата обращения: 20.06.2021).
- Корнева В. Ю.** Томские поляки: к вопросу о самосознании и этнониме // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego (Ежегодник Русско-польского института). 2016. № 1(9). С. 5–12.
- Новоселова М. Р., Шостакович Б. С.** Социокультурный облик современной сибирской Полонии на примере данных анкетирования членов ПКПО «Огниво» в Иркутске // Восток и Россия: взгляд из Сибири. Иркутск, 1996. С. 374–378.
- Полонии в Сибири, в России и в мире:** проблемы изучения. Иркутск: ООО «Мегапринт», 2006. 194 с.
- Поляки в Сибири.** Поляки о Сибири / отв. ред. Т. В. Галкина, Т. А. Гончарова. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2012. 267 с.
- Поляки в Сибири:** от повстанцев 1863 г. до современной Полонии / под ред. С. В. Леончика. Красноярск, 2014. 226 с.
- Поляки на Алтае.** Алтай в Польше (XVIII–XXI вв.): сб. науч. ст. / под ред. И. И. Никулиной, Н. Г. Павловой. Барнаул, 2013. 174 с.
- Проблемы российско-польской истории и культурный диалог.** Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2014. 576 с.
- Протасеня Е. А.** Историческая память как фактор формирования этнической идентичности // Вестник Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2016. Вып. 2. С. 175–180.
- Репина Л. П.** Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 33–45.

Сибирская полония: прошлое, настоящее, будущее / под ред. В. А. Ханевича. Томск, 1999. 232 с.

Сибирско-Польская история и современность: актуальные вопросы: материалы международной научной конференции (Иркутск, 11–12.09.2000). Иркутск, 2001. 365 с.

Сибирь в истории и культуре польского народа / пер. с польск. М.: НИЦ Ладомир, 2002. 568 с.

Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. Вып. № 2–3. С. 8–27.

Polonia w Rosji: historia i dzień dzisiejszy. М., 2000. 145 с.

Войтович Алексей Викторович.

Кандидат исторических наук, доцент историко-филологического факультета ТГПУ.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.

E-mail: ranw@mail.ru

Кошелева Елена Юрьевна.

Кандидат исторических наук, доцент факультета исторических и политических наук ТГУ.

Томский государственный университет.

Пр. Ленина, 36, Томск, 634050.

E-mail: key7@mail.tsu.ru

Материал поступил в редакцию 27 декабря 2022 г.

A. V. Voitovich, E. Y. Kosheleva

THE MAIN ASPECTS OF ETHNIC IDENTITY AMONG THE MEMBERS OF THE "POLISH CULTURAL CENTER "POLISH HOUSE" IN TOMSK"

The article deals with the importance of individual self-perception factors (language, religion, culture, historical memory) for maintaining Polish ethnic identity among the regional public organization “Polish House” members in Tomsk in the late 2010s. The main theoretical foundations of the work are the constructivist approach of the theory of ethnos (R. Brubaker, V.A. Tishkov) and the theory of historical memory (M. Halbwaks). Ethnic autostereotypes of this group are examined. The variability and contextuality of self-determination on an ethnic or political basis depending on the context of circumstances are shown: from the ethnonym “Pole” to the politonym “Russian” It is shown how important it is for the respondents to learn/know Polish, as it is one of the components of their identity. The majority of respondents know Polish or are learning it. As the authors noted, religious affiliation and commitment to Catholicism are not crucial for self-awareness as a Pole. The issue of preserving historical memory as a factor of ethnic identity is considered separately. The interviewees pointed out the importance of family history and archival materials (letters, photo albums) for the transmission of traditions and participation in the history of the Polish people. Poles from Siberia came here at various times in the XIX and XX centuries. In most cases, these were not voluntary resettlements. The authors studied the issues of the integration of Poles into Russian society. According to the study results, most respondents believe that Poles are fully integrated into Russian society. But, unfortunately, the Russian public sometimes extrapolates the actions and statements of Polish politicians to all Poles, which can have a negative impact on the attitude of Russians toward this ethnic group. The survey results show that the self-confidence of Russian Poles who have Polish ancestors (or suspect that they have Polish ancestors) is ambivalent and depends on external factors. Furthermore, they show the great importance of historical (collective) memory, which is the most important marker of the identity of Russian Poles, while linguistic and religious markers do not play such an important role

Keywords: *Poles, Russian Poles, Siberia, ethnic identity, historical memory, autostereotypes, constructivism, public organizations*

References:

Arnautova Yu. A. Kul'tura vospominaniya i istoriya pamyati [The culture of remembrance and the history of memory] // History and memory: the historical culture of Europe before the beginning of the New Age. Moscow, 2006. P. 47–55 (in Russian).

Bromley Yu. V. Ocherki teorii etnosa [Essays on the theory of ethnos]. Moscow: Nauka, 1983. 418 p. (in Russian).

- Vasiliev A. G.** Kul'turnaya pamyat'/zabvenie i nacional'naya identichnost': teoreticheskie osnovaniya analiza [Cultural memory/oblivion and national identity: theoretical foundations of analysis] // Cultural memory in the context of the formation of Russia's national identity in the XXI century. Moscow, 2015. P. 29–57 (in Russian).
- Diaspory v istoricheskom vremeni i prostranstve:** nacional'naya situatsiya v Vostochnoj Sibiri [Diasporas in historical time and space: the national situation in Eastern Siberia]. Irkutsk: Publishing house of Irkutsk state. university, 1994. 201 p. (in Russian).
- Evgenyeva T. V.** Politicheskie predstavleniya v kontekste istoricheskoy pamyati: obrashchenie k proshlomu v situatsii krizisa identichnosti [Political representations in the context of historical memory: turning to the past in an identity crisis situation] // News of the Tula State University. 2013. No. 3. P. 158–167 (in Russian).
- Istoriya i kul'tura polyakov Sibiri** [History and culture of the Poles of Siberia]. Krasnoyarsk, 2006. 132 p. (in Russian).
- Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda** v otnoshenii demograficheskikh i social'no-ekonomicheskikh harakteristik otdel'nykh nacional'nostej [The results of the All-Russian population census of 2010 in relation to demographic and socio-economic characteristics of individual nationalities] // Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html (Date of access: 06/20/2021) (in Russian).
- Korneva V. Yu.** Tomskie polyaki: k voprosu o samosoznanii i etnonime [Tomsk Poles: on the issue of self-consciousness and ethnonym] // Rocznik Instytutu Polsko-Rosyjskiego (Yearbook of the Russian-Polish Institute). 2016. No 1(9). P. 5–12 (in Russian).
- Novoselova M. R.** Sociokul'turnyj oblik sovremennoj sibirskoj Polonii na primere dannykh anketirovaniya chlenov PKPO «Ognivo» v Irkutske [Sociocultural image of modern Siberian Polonia on the example of data from a survey of members of Polish cultural organization 'Ognivo' in Irkutsk] // East and Russia: a view from Siberia. Irkutsk, 1996. P. 374–378 (in Russian).
- Polonii v Sibiri, v Rossii i v mire:** problemy izucheniya [Polonia in Siberia, in Russia and in the world: problems of study]. Irkutsk, 2006. 194 p. (in Russian).
- Polyaki v Sibiri.** Polyaki o Sibiri [Poles in Siberia. Poles about Siberia]. - Tomsk: Publishing House of the Tomsk State Pedagogical University, 2012. 267 p. (in Russian).
- Polyaki v Sibiri:** ot povstancsev 1863 g. do sovremennoj Polonii [Poles in Siberia: from the rebels of 1863 to modern Polonia]. Krasnoyarsk, 2014. 226 p. (in Russian).
- Polyaki na Altae.** Altaj v Pol'she (XVIII – XXI vv.) [Poles in Altai. Altai in Poland (XVIII–XXI centuries)]. Barnaul, 2013. 174 p. (in Russian).
- Problemy rossijsko-pol'skoj istorii i kul'turnyj dialog** [Problems of Russian-Polish history and cultural dialogue]. Novosibirsk: Institute of History of Siberian branch of RAS, 2014. 576 p. (in Russian).
- Protasenya E. A.** Istoricheskaya pamyat' kak faktor formirovaniya etnicheskoy identichnosti [Historical memory as a factor in the formation of ethnic identity] // Bulletin of the Nizhny Novgorod State University. 2016. Issue. 2. P. 175–180 (in Russian).
- Repina L. P.** Istoricheskaya pamyat' i sovremennaya istoriografiya [Historical memory and modern historiography] // New and contemporary history. 2004. No 5. P. 33–45 (in Russian).
- Sibirskaya poloniya:** proshloe, nastoyashchee, budushchee [Siberian Polonium: past, present, future]. Tomsk, 1999. 232 p. (in Russian).
- Sibirsko-Pol'skaya istoriya i sovremennost':** aktual'nye voprosy [Siberian-Polish history and modernity: topical issues]. Irkutsk, 2001. 365 p. (in Russian).
- Sibir' v istorii i kul'ture pol'skogo naroda** [Siberia in the history and culture of the Polish people]. Moscow, 2002. 568 p. (in Russian).
- Halbvaks M.** Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory] // Emergency reserve. 2005. Issue No 2–3. P. 8–27 (in Russian).
- Polonia w Rosji:** historia i dzień dzisiejszy. Moscow, 2000. 145 p. (in Polish).

Voitovich Aleksey Victorovich.

Ph.D. in History, associate professor.

Tomsk State Pedagogical University.

Kievskaya Str., 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: panw@mail.ru

Kosheleva Elena Yurievna,

Ph.D. in History, associate professor of faculty of Historical and Political Studies, TSU.

Tomsk State University.

Lenin Str., 36, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: key7@mail.tsu.ru

Т. И. Дронова

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ПРАКТИК ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫХ ПЛАЧЕЙ У СТАРОВЕРОВ-БЕСПОПОВЦЕВ УСТЬ-ЦИЛЕМЫ

На примере локальной традиции нижнепечорских староверов-беспоповцев описываются особенности позднего бытования погребально-поминальных причитаний в Усть-Цилемском районе Республики Коми. В исследовании обращается внимание на достаточно позднее изучение причеты фольклористами. Сбор причетов производился разными исследователями не систематически. Записи 1929 г. были опубликованы с комментарием лишь в 2013 г., еще одна крупная публикация текстов, собранных в 1942 г., относится к 1962 г. С разной степенью полноты причеты публиковались и в других сборниках. Преимущественно в XXI в. появляются и аналитические статьи. В настоящей статье причетная традиция рассматривается с позиции этнографического исследовательского подхода, главное внимание обращается на функционирование жанра, место и роль причетов в погребально-поминальном обряде в конце XX – начале XXI в. Описываются факторы, способствовавшие приобщению причетальщиц к традиционной плачевой культуре. Приводится обрядовая терминология, устойчивые выражения, являющиеся наименованием плачей, свидетельствующие об их исполнении, а также лексика, представленная в плачах метафорическими заменами, эпитетами. Анализируется значение регулирования исполнения плачей относительно времени суток, а также рассматривается ограничение их исполнения по отдельным возрастным и социальным группам. Обращается внимание на локальную особенность исполнения плачей по усопшим, которые прижизненно проявляли неуважение к некоторым представителям семьи и являлись обидчиками, – посредством плача выражались недоброжелательные поступки и действия умершего человека. Статья написана на основе полевых материалов, собранных автором в разные годы в усть-цилемских селах и деревнях, на опубликованных материалах и архивных источниках, хранящихся в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН.

Ключевые слова: *староверы-беспоповцы, погребально-поминальные причитания, плач, плачая, народная терминология, устный рассказ, обрядовая лексика*

Введение

Во второй половине XX в. тема ритуальных плачей становится в числе приоритетных в исследованиях фольклористов, раскрывающих поэтику причитаний, набор типичных для этой традиции формул и мотивов. Между тем Печорский край, прославившийся на рубеже XIX–XX вв. эпической поэзией, длительный период не вызывал интереса у филологов к изучению плачевой культуры, притом что в разные годы XX столетия тексты плачей исследователи фиксировали. Первооткрывателем народной усть-цилемской плачевой поэзии был Н. Е. Ончуков, записавший от одной исполнительницы девять свадебных текстов, которые были опубликованы им в 1902 г. (Ончуков, 1902: 349–352). Следующая фиксация причетов состоялась в 1929 г. А. М. Астаховой были записаны 26 погребально-поминальных плача и два рекрутских, опубликованных с комментариями Т. С. Каневой в 2013 г. (Печорские причитания, 2013: 109–146). Уникальность этих записей обусловлена не только наличием самих текстов, но и их включенностью в этнографический контекст. В заметках собирателя отражены важные сведения о терминологии плачевой культуры, оценки наставников исполнения плачей, размышления причетальщиц о состоянии усть-цилемского голошения. Ряд плачей представлен в сборниках: «Песни Печоры» (Песни Печоры, 1963), «Печорский фольклор» (Леонтьев, 1939) и «Печорские былины и песни» (Печорские былины и песни, 1962).

Особого внимания заслуживают записи плачей от усть-цилемских исполнительниц, зафиксированных в 1942 г. членами экспедиции Карело-Финского государственного университета (возглавляемой В. Г. Базановым), в годы Великой Отечественной войны вынужденно эвакуированного в г. Сыктывкар и функционировавшего при Сыктывкарском пединституте. Уникальность этих текстов определена историческим моментом – проходами на фронт усть-цилемских мужчин и совершавшихся по ним плачей. Собиратели записали 23 текста, в которых отражен трагизм мобилизации мужчин и отправки их на фронт. Вместе с тем ценность

представляют и другие плачи, записанные в усть-цилемских селениях (погребально-поминальные, автобиографические, два варианта плачей полного процесса свадебного обряда). Публикация этих текстов в 1962 г. (за исключением свадебных) была и остается самой крупной – 66 погребально-поминальных, автобиографических, семейных плача, из которых 15 по усть-цилёмам, уходящим на фронт (Русская, 1962).

Круг опубликованных источников по плачевой культуре жителей Усть-Цилемского района подробно рассмотрен в статье Т. С. Каневой (Канева, 2020: 53–70), где автор приводит и библиографический список работ по данной теме, а также свидетельствует о богатом материале по печорской причети, составляющем в общем числе не менее 500 единиц текстов, как опубликованных, так и хранящихся в архиве кафедры фольклора МГУ и Усть-Цилемском собрании фольклорного архива СГУ.

В настоящей работе на примере усть-цилемской локальной традиции рассматриваются особенности позднего бытования погребально-поминальной причети в этнографическом контексте (вторая половина XX – начало XXI в.). Главное внимание обращено на функционирование жанра, выявление терминологии, анализируется роль и значение плача в обряде, преемственность традиции.

Причеть: обрядовая терминология и бытование

В усть-цилемских селениях голошения назывались плаксы, плаксовые слова, плачи, а их исполнение – голошение, плакать голосом, плакать плаксы, голосить, оплакать/оплакивать, горе/жизнь выплакать, приплакивать: «Ране бабы так ушбаско голосом плакали. Так уш оплакивали, всю жись выплачут. И все будут плакать, слез не могут сдержать. Так за сердце и берёт» (ПМА 1); «У кого мужа на войну увезут, у кого брата увезут, у кого сына увезут, эта жэнщина плаксы плакала, умрёт ле кто-ле, тоже плаксы плакала» (СРГНП. Т. 2). Еще в середине XX в. сохранялись названия исполнительниц плачей – плакальщица, причётница, плачечя; в настоящее время эти термины уже не используются. Обычный плач без произношения слов определяли как «хлыпь», «хлыпью плакать»: «Мать родимую повезли – хлыпью плакала, а словами не плакала» (Печорские причитания, 2013: 133).

К. В. Чистов определил причитания как «поэтическое сознание причитывающей, находящейся в крайнем эмоциональном напряжении», которое высвечивает только определенные фрагменты действительности, имеющие особое значение для сложившейся ситуации (Чистов, 1977: 135). В нашем случае – это смерть как фактор разрушения семейной целостности; усопший, вызвавший проблемы для членов семьи и их дальнейшей жизни; вдовство и сиротство, связанное с потерей кормильца. Функция плачей заключалась не только в выплакивании горя или критичности определенного жизненного состояния, это прежде всего проявление ритуального поведения в обряде, направленного на преодоление кризисной ситуации. Несмотря на то, что обряду соответствует молчаливое поведение, нарушение этого запрета, проявлением которого является ритуальный плач, объясняется магической функцией голоса человека, являющейся приметой «“этого”, земного, звучащего мира в противоположность “тому”, потустороннему миру, лишённому звуков и голосов» (Толстая, 1999: 10). С. М. Толстая называет такое голосовое поведение «“орудием связи” между земным, человеческим миром и потусторонним миром предков» (Толстая, 1999: 135). Именно так понимали его и усть-цилемские крестьяне: на кладбище в плаче рассказывали они предкам о своем «житьи-бытьи», девушка-сирота просила благословения на брак у усопших родителей, через новопреставленного передавались приветы «родителям» и др. Вместе с тем горе было безграничным, плачи были формой оповещения о случившемся всему «белому свету» (ср.: прощание с белым светом; об этом: Дронова, 2019: 117–118). В понимании крестьянства об этом должны знать реки и горы, поэтому в часы безутешного горя плачечя выходили голосить к реке или в поле: «Вот

выйду в поле, да поплачу и вроде легче делается» (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 235); в годы Великой Отечественной войны женщины *плакали плаксы* в лодке за веслами: «Елена Федоровна плач о своей жизни исполнила в лодке, когда шли под парусом» (НАКНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 248).

В селах и деревнях, расположенных по р. Цильме, плач рассматривали как покаяние перед усопшим, а при определенных случаях (по утонувшему) к голошению прибегали как к средству помощи в обнаружении утонувшего: «*Человек умрет и всегда плачут, кто может голосом. Может обидели когда, оскорбили тут как прощаются. У Ксеньи Федуловой муж потонул она каждый день ходила к реке молилась и плакала и плач помог – нашли мужа и похоронила*» (ПМА 2).

Как и во всей восточнославянской традиции, на Печоре причитание являлось сугубо женским жанром (Адоньева, 2004: 216). Традиционно практика плачей для девушек начиналась со свадебных голошений; невест этому обучали молодые и пожилые женщины, которые сами являлись активными вопленицами в обряде: «В молодости она (Авдотья – Т. Д.) водила «зарученье», невест учила плакать, потом стала оплакивать умерших» (НАКНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 12). По рассказам информантов, отнюдь не каждая девушка обладала талантом к исполнению плачей. В свадебном обряде нередко за невесту плакала сторонняя женщина, а она «*тихо роняла слезы*». И все же в представлении усть-цилемок, каждая женщина должна была уметь *плакать голосом* с тем, чтобы при случае оплакать близких на похоронах. В середине 1950-х гг. плакальщицами являлись женщины в возрасте от 35 лет и старше. В редких случаях, например, сиротства искусству плача приобщались в раннем возрасте. В. Базанов пишет об этом: «Авдотья Кондратьевна (Носова, 1869 г.р. – Т. Д.) в 15 лет осталась сиротой и пошла в чужие люди работницей <...> Мать у нее была мастерица-вопленица. Еще с детства Авдотья прислушивалась к плачам и запоминала их. По-настоящему она начала оплакивать с 14 лет. Первым плачем ее был плач по отцу, а потом плач по бабушке» (НАКНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 12). По воспоминанию И. И. Петрашовой, плачи всегда завораживали девочек: «*Мне всегда плачи наши нравились. Хоть и не было у меня горя, а я ходила с книжкой, не помню какая книжка, но там плачи были написаны и плакала голосом. Мне было 10 лет, как на финскую войну отправляли в солдаты. Женщины плакали и мы маленькие тоже ходили, подражали, плакали. Очень нравилось*» (ПМА 3). О приобщении к плачам находим рассуждения усть-цилемских женщин, зафиксированные исследователями в разные годы. Из экспедиционных записей А. М. Астаховой 1929 г.: «Мужа увезли на войну, невестка пришла: “Научи меня плакать”. Я сказала: “Поживи, сама научишься”. Так вот пожила полгода и опосле научилась пуще меня. Горе научит, лишь бы горе было» (Печорские причитания, 2013: 136); «Природа, горе само велит приплакнуть» (Печорские причитания, 2013: 131). Из экспедиционных записей В. Базанова находим: «Само горе учит, само горе плачет», «Приплакивать Парасковья училась у матери. Она говорит: “Прилакивать-то надо не с борку, да с веретейки, а чтобы слово в слово родило”. В плачах она находит утеху и успокоение, а также большое эстетическое наслаждение» (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 215). Многие современные плакальщицы на вопрос, что послужило причиной их обучению плачам, также отвечали: «*Горе научило*». Идея горя как «учителя» представлена и на вологодском материале (Югай, 2018: 42). В настоящее время в Усть-Цилемском районе владеют искусством импровизационного плача уже немногие женщины в возрасте не моложе 70 лет.

Существовали ограничения, касающиеся времени голошения. Запрещалось плакать голосом с вечера (после 18 часов) до утра (9 часов). Запрет на вечернее и ночное голошение связан представлениями о «сне/отдыхе» умерших. Например, в вечерние часы запрещалось даже говорить об усопших с тем, чтобы не тревожить их. Вместе с тем в вечерне-ночное время не возбранялось чтение псалтыря по усопшему в период его трехдневного нахождения в доме. Исключение составляла вселенская поминальная служба, совершаемая в пятницу в родительские

недели в вечернее время, на которой поминовение совершалось по всем категориям умерших, включая самоубийц. Приемлемым временем для плачей и совершения панидихных поминовений была световая часть дня, предпочтительно до обеда – с 9 до 12 часов – часть суток, называвшаяся «чистой», «чистое время», когда молились и ходили на кладбище. Сакральность этой части суток подчеркивается запретом на шум: ссоры, пляски и т. д. В день погребения плачи звучали до трех часов дня – рубежа, после которого уже не совершались погребения.

В погребально-поминальном обряде существовали возрастные ограничения оплакиваемых. Запрещалось плакать по младенцам, смерть которых считалась благой в силу их безгрешности – *аки ангелы*, имелось и житейское объяснение: *«не растили, мене жалко, а вот уж по отрокам плакали, их уже до помощников выращивали, сила уже в них была вложена»* (ПМА 4). Спокойно воспринималась смерть людей старческого возраста, выполнивших свое земное предназначение, как «отживших свое» – их смерть рассматривалась своевременной. По этой возрастной категории людей ритуальные плачи совершили преимущественно в день похорон, и плачи были менее надрывными. Большое неутешное горе выпадало в случае преждевременной смерти людей, особенно, когда в семье были малые дети. В таких ситуациях погребальные плачи начинали исполнять сразу после наступления смерти, в них преимущественно выражалось сетование на предстоящую горестную жизнь семьи без кормильца или без материнской заботы. Иногда оплакивания начинались сразу после омовения усопшего и укладывания его на лавке, они могли быть единичными и неежедневными. В день похорон плачи исполняли с утра до момента захоронения и прерывались на период совершения молитвы/службы и трапезы.

Мастера исполнения плачей в день похорон оплакивали тех, кто, по их мнению, был достоин этого. В числе почитаемых были люди с безупречной репутацией: искусные мастера своего дела, заступники сирот и немощных, словом, люди, много потрудившиеся на благо других, достойные семьянины. На погребении таких людей плачи звучали непрерывно, плакальщицы сменяли друг друга. Считалось необходимым совершить плач по близким людям (мужу, матери, отцу, свекрови, сыну, дочери). Традиционно в день похорон *плаксы* звучали из уст бывалых плакальщиц, тогда как в течение трехдневного пребывания усопшего в доме «вопить» могли и новички: дочери по матери, жена по мужу, мать по детям и др. – в этом случае говорят о плакальщице без должного опыта, что она *приплакиват*. В культуре усть-цилемских староверов исполнение плачей жительницами селений совершалось на безвозмездной основе. Бывало, что на похоронах плакальщиц было несколько, каждая из которых своим голошением воздавала исключительно дань и почтение усопшему. По воспоминаниям информантов, в годы советского периода плакальщиц приглашали специально оплакать умершего, который не преуспел в добрых делах и не оставил о себе доброй памяти, в особенности это касалось людей, состоящих в рядах КПСС, – в этом случае плакальщицы отказывали, и это не осуждалось; и наоборот, осуждению подвергались те, кто совершал плач по человеку с сомнительной репутацией, например, подозреваемом в причастности к колдовству.

Плачи были обращены не только усопшему, как в некоторых других севернорусских местностях (Алексеевский, 2007: 267–270), но и к живым. В ходе экспедиции 1942 г. в Усть-Цилемском районе были записаны плачи и о горькой судьбе, которые исполняли плакальщицы о себе. В. Г. Базанов пишет: «Печорские плачи, записанные в 1942 году, свидетельствуют об окончательном отрыве причети от похоронного обряда и о превращении традиционного погребального плача в своеобразное повествование о своей жизни в связи с потерей близкого человека» (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 5). В день похорон у гроба усопшего могли оплакать вдову/вдовца или осиротевших детей: *«Человек умрет и покойного оплачут, и вдову или вдовца. Папаша умер Анна Ивановна над гробом мамашу оплакала и та потом благодарила Анну Ивановну, за то что всю жизнь она выплакала ейну. Плакали, чтобы все*

слышали, и для живых плакали – это как поддержка им была» (ПМА 5). Подобные плачи зафиксированы исследователями и в Вологодском крае. Так, она из плакальщиц на вопрос, плачут ли о себе, ответила: «Да ведь все больше ревели о своем горе. И о покойнике когда реवेशь, все больше о себе!» (Ефименкова, 1980: 15). По сути, такие плачи представляют собой семейную историю, через которую раскрываются чувства, переживания членов семьи, развернуто раскрываются судьбы как умершего человека, так и осиротевших людей. В. Г. Базанов усть-цилемские погребальные плачи назвал одной из существенных глав народной энциклопедии – преимущественно энциклопедии женской души, которой народ доверяет свою семейную историю. Через образы «обидушки», «кручинушки», «горькой горюшицы» печорские плачи следует рассматривать как своеобразные повествования о жизни женщины/семьи в связи с потерей близкого человека (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 5.). Таким образом, погребальные плачи были направлены не только усопшим, но и живым, для последних они являлись своеобразной моральной поддержкой и утешением, и признанием, например, как достойной жены/мужа.

Плачи являлись обязательной частью погребального обряда, в них традиционно сообщались обстоятельства смерти, если она была внезапной (об утонувшем, сгоревшем, убитом), или преждевременной, расписывалось семейное благоденствие и его распад; представлялось бытие сирот/горюющих в будущем. По воспоминанию информантов, плакали как умели, не осуждалось, но о мастерах «плачей», которых было значительно меньше, чем знатоков традиционных песен, знали в округе: «Плакали как умели. За это не осуждали. А уж после-то бабы, которы не были на похоронах, уж всегда спросят: оплакивал ле кто покоенку, ле покойного голосом?» (НА КНЦ УрО РАН Ф. 5. Оп. 2. Д. 568. Л. 25). Важнейшая функция плача заключалась в том, что живые обращались к «родителям» с просьбой принять (встретить) новопреставленного в «небесных селениях».

Жители деревни всегда с одобрением констатировали сам факт плача и особенно плач нелюбимой невестки по свекрови или жены по немилостивому мужу. В этом случае говорили: «Невестушка уж уважила свою свекровушку»; «даром шию мужик дерибаватый был, да жсонка оплакала». Следовательно, совершением плача выплакивали горе, нанесенное обидчиком, и выражали ему (ей) прощение, милостиво отпуская их в дальнюю невозвратную дорогу. В частности, на похоронах свекрови невестка по традиции в *плаксах* выплакивала все свое горе, причиненное ей в семье мужа. В плаче это было допустимо, тогда как в разговоре следовало говорить о покойном только хорошее; здесь же выплакивались все огорчения, как, например, в этом тексте:

Ты богоданна да свекрова матушка,
Ты не сознательна, не уважительна,
Неуважительна и необходимительна,
Я не мила тебе да не любя тебе,
Я белым телом себе и делом-работанькой
Никак я не могла тебе унаровить, горе,
У большой семьи да нерассудной,
Во скудном житьи да малоскудным,
Я не нужна-важна тебе, не надобна,
Во добре житьи да я жить негодна,
На работаньку да неудобная.
Не приставаат моя дело-работанька,
Богоданна свекрова матушка,
Богоданная моя да мила Павловна.
Только я нужна-важна да так милой ладе,
Милой ладе, да думе крепкой.

За милу ладу я походилася,
Походилася да я влюбилася
О своего-то да ладу милую,
О своего-то да думу крепкую.
Уж ты жури, брани хошь день и ночь меня,
Распаряй хошь да с ладой милоей,
Разлучай хошь детей сердешных,
Не распарить тебе да с ладой милоей,
Не разлучить да с думой крепкой,
Твое-то да чадо милое,
Твое-то ли дитя мне по круту плечу,
Он по крови да по горячей,
Он по совести да по сусветной,
Он мне по уму да и по разуму,
По сердцу да по ретивому,
Я на его сердце да положила,
Им сердце да я удобрила.
Не того ли я, свекрова матушка,
Хошь ты шумливая, хошь ты громливая,
Ты зубастая, да ты ругатлива,
Ты ругатлива да вечкотливая.
Я не гляжу на тебя, бедна злосчастная,
Я перенесу, бедна да горе злыденна,
Я для лады да все для милоей,
Я для думы да все для крепкой,
Я все стерплю да, горе, все смолчу,
От тебя, моя свекрова матушка.
Не везла столько да лошадь добрая,
Не снесла столько да мать-быстра река,
Сколько я терплю да сколько я несусь,
Тебе спасибо ли, свекрова матушка,
Тебе больше спасибо да с благодарностью,
Ты за что меня, бедну, журишь-бранишь,
Ты во всяку да пору-времечко.
Только в ту пору да не бранишь меня,
Когда накатится на тя да крепкий теплый сон,
Только о ту пору да я спокойная,
О ту пору да не браненная (Русская, 1962: 104–105).

В традиционной погребальной обрядности одно из противоречий заключается в упоминании или использовании имени усопшего в ритуальных действиях. Как и повсеместно, в погребально-поминальных плачах терминология представлена заместительной лексикой, наполненной метафорическими заменами, эпитетами и наиболее полно воссоздана в плачах, в которых исследователи также видят магическую силу оберега: «Как обряд стремится скрыть реальное событие смерти за его обрядовым переживанием, так и обрядовый термин должен “похоронить” опасное, смертоносное имя. Описательная метафорическая лексика здесь субституирует некое постоянное “пустое место” в терминологии» (Седакова, 1983: 204). В сравнении с материалами по родильной обрядности усть-цилёмов новорожденный также воспринимается как «пустое место» – *живулька*, поскольку в традиционном понимании оче-

ловечивание младенца начинается с духовного рождения его в обряде крещения и наречении именем, являющемся важнейшим актом перехода и включения новорожденного в социум (Дронова, 2008: 13). По сути, в плачах ритуальное «снятие» имени знаменовало возвращение человека в природу и отделяло его от мира живых. Но в христианской традиции смерть не является рубежом/пределом в использовании имени усопшего, поскольку жизнь души мыслится вечной, а благая смерть возрастного человека чаще рассматривается как радостное завершение земной жизни, в иных случаях – нередко опечаленное грехами. С этими представлениями и связан запрет на плач над телом усопшего старца/старицы, тогда как не возбранялись «слезы в тай» при поминовении, рассматриваемые как «смывание грехов».

В авторитетных церковных памятниках говорится: плакать надо о собственных грехах, а не над «смердящим телом». В связи с такими воззрениями духовные наставники запрещали исполнять ритуальные плачи, считая их неуместными и даже «богопротивными». Существует и другое (народное) объяснение – душе усопшего тяжело: «Нынче голосить духовные не велят, говорят, будто тяжело покойному» (Печорские причитания, 2013: 139). В старообрядческой традиции имя усопшего заносится в семейный синодик (*помянник*) и зачитывается в поминальные дни. И все же стремление староверов к устройению жизни «по книге» не исключало человеческого чувства, вызванного горем и страхом перед смертью, и здесь срабатывал опыт, обращавший к глубинной памяти – дополнительному использованию средств коммуникации с умершими, каковыми являлись ритуальные плачи, существовавшие параллельно с религиозными обрядами. Одним из объяснений, санкционировавших исполнение плачей, является следующая апокриф: «Плакать в голос и вообще плакать над покойным запрещается. Но Богородица, когда Христа распяли, плакала голосом. Ей было тяжело и она в голос плакала, и стало легче. Вот и стали плакать голосом» (ПМА 6).

Трагизм смерти обостряет понимание того, что чаще всего при жизни умерший человек не был обласкан, не получил должного внимания и в причети плакальщицы как бы восполняют этот жизненный пробел. Посредством заместительной лексики, нежного обращения к умершему причитальщицы передают теплоту своих чувств, подчеркивают значение человека в жизни семьи. К. В. Чистов, рассматривая погребальную причетку на севернорусском материале середины XIX в., свидетельствует, что в классификационной системе термины родства не столь архаичны: «родители» – отец, мать; все члены семьи старшего поколения – «батюшко», «матушка»; характерно различие родственников и свойственников: «братец» – родной брат; «братец богоданный» – деверь; «сестрица богоданная» – золовка (Чистов, 1977: 142). В усть-цилемских старообрядческих плачах обыденные метафоры-определители родства дополняются общефольклорными образами-символами: бабушка – *жалослива бабушка, ласкова бабушка*; мать – *кормилца родима матушка, господарыня*; сестра – *сестра родимая*; брат – *брателко, брат-родитель, ясный сокол, солнце красное, солнце обогревное*; дочь/сын – *чадо милое, дитя сердечное*, сын – *ясный сокол*, дочь – *лебедь белая*; свекровь – *богоданная свекрова матушка*. Использование архаических метафорических замен имени мужа/отца связано с особым статусом главы семьи не только кормильца, но и человека, занимавшего высшую позицию в семье, обладавшего властью, являвшегося защитником, любимым человеком. В усть-цилемских плачах муж – *дума крепкая, стена камённая, стена городовая, гора высокая, кормилец батюшко, лада милая* – термины, за исключением двух последних, не встречающиеся в севернорусских плачах. Здесь метафоры *дума, стена, гора* и добавленные к ним *крепкая, каменная, высокая* раскрывают значения прижизненного предназначения человека: как обладающего властью, защитника. Фрагменты типичных плачей:

1. Жена по мужу:

Уж дорога ты моя, да лада милая,

Уж дорога моя, да дума крепкая.

А ты ле бросил ле меня, ставил ле.
А ты не во пору меня не вовремя.
А ты оставил ле да не состарил ле.
А я годами-то еще не старая.
Не старая, да не залетная...
А у меня болеть стали да ноги верные.
А у меня болеть стали да руки белые.
А вы все робили, да вы все делали.
А дорога моя, да лада милая
А дорога моя, да дума крепкая.
А ты тиха была да смирёная.
А как жарко лето, да было солнечно.
А пропивал ле ты да золоту казну?
А я не разшумлена была, не разгромлена.
А по чужим людям была не разгонена
А как воля была у меня не унята.
А золота казна была не учитана.
А дорога моя, да ты лада милая.
А ты скорехонько, да ты крутехонько.
А я не чаяла, да ведь то не думала.
А не в уме да не дёржала.
А что расстануся, да распрощаюся.
А разлучила нас, да мать сыра земля.
А мать сыра земля, да гробова доска (НА КНЦ УрО РАН Ф. 5. Оп. 2. Д. 568. Л. 14).

2. Плач по матери:

Красно солнышко закатиться,
Дорогая моя матушка отправится
Во последний путь да во дороженьку,
Во дороженьку да во дальнюю,
Во дальнюю да не возвратную,
По которой никто не выхаживал,
Добрый молодец на белом коне не езживал,
Письмо-грамотки никто не написывал.
Письмо писать – писарей нету,
Письмо нести – нету разносчика.
Дорога моя мати родимая,
Нам не встретиться, не свидеться.
Уж где мы тебя будем разыскивать
Во темном лесу да во сыром бору.
Нам не выискать тебя, не высмотреть
Во большой толпе да во компаньюша.
Будем спрашивать у нанушецы да горюшецы,
Ты не видела ль нашу мати? (ПМА 7)

Особо оценивалась ситуация, когда оплакивали малолетних детей-сирот, оставшихся без матери или лишившихся обоих родителей. Несмотря на развитость общинной жизни и систему помочей у староверов, жизнь вдовы с детьми рассматривалась как сиротство. Об этом свидетельствуют присловья: «С мужем жена – так чисто госпожа, а без мужа жена – так чисто

сирота»; «Худой мужичишко, да притульичко: за него завалюсь, никого не боюсь». Жизнь без мужа в плаче озвучивается не просто тяжелой, а мученической: «уж я как *нонче стану жить позориться, / уж я как стану, горе, маяться*», вдову традиционно в плачах называли *горюха, горюшица*.

«Я горюха бедна злосчастная,
Я осталася да разосталася,
Я от лада да я от милоей, я от думы да я от крепкой.
Я горька вдова да не мужняя жена,
Я со ребятами горе со малыми,
Со сиротами да со убогими.
Я как стану да век коротати,
Я со малыма детьми да не со взрослыма» (НАНКЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 61).

Дети-сироты в плаче также называются *серы утицы* – сравниваются с птицей, не ставшей на крыло, т. е. беспомощной. Женщина чаще самостоятельно растила детей, тогда как вдовец всегда приводил в дом жену, но при этом дети считались сиротами со сложной неоднозначной судьбой, которую предрекали уже в погребальных плачах:

Он возьмет себе да молоду жену,
Он не мать детям, не родимую,
Он не жалость им да не сердешную.
Он ведь злу-лиху им возьмет мачеху,
Злу растройщицу возьмет разнощицу.
Они шататься будут и скитатися,
Не обшиты будут, не обмытые,
Не обуты будут, не одетые,
Они нагешенькие будут, босешеньки,
Они завсегда будут да виноватые,
Откуль гроза да не подыметя,
На горьких детей да все опуститься» (НАНКЦ УрО РАН. Ф. 1, оп. 11, ед. хр. 69, л. 138).

Мужчины-вдовцы говорили о себе: «Лучше трижды обгореть, чем один раз овдоветь», т. е. дом всегда можно отстроить, а человеческую жизнь уже не вернуть. В погребальных плачах звучит различное понимание смерти: в случае внезапной, непредвиденной кончины – это *злодейка, чужая сторона*; когда умирали старцы – *смерточка, смертушка*, названия, вероятно, образованы на основе христианского понимания смерти как блага. Неоднозначно отражен в терминологии и гроб – новый «дом» усопшего, который называется «новой горенкой», «светлой светлицей», «легкой лодочкой», а жилой – «злой хороминой». По хозяйну дома голосила жена, по хозяйке – одна из близких родственников. Голошение по хозяйну дома:

1. Тяжело ты лег, да не поворачиваешься.
Крепко заспал, да не пробуждешься.
На резвы ноги не ставашь.
Очи ясны не открывашь.
Дорогих гостей не встречаешь.
Да любого за стол не садишь.
Срядился, да во путь дорожечку.
Путь дорожечка, да не дальняя, не воротная.

Та дорожечка, да печальная.
Сделали тебе, да нову горенку.
Нова горенка, да без щылочек,
Без пазов, да не вынятых.
Светла светлица, да без околенок,
Без кирпичных печей,
Без скрипучих дверей.
С той горенки, да не будет выходу.
Не выходу и не выезду.
На резвых-то ногах ты не выйдешь.
Серой птицей, да не вылетишь.
Письма-грамотки, да не напишешь.
Вести-павести, да не пришьлешь.
Где мы будем тебя разыскивать?
Где мы будем тебя, да распроведывать?
Не найти тебя, да во широких лугах.
Не разыскать тебя, да в темных лесах.
Не увидеть тебя, да во крутых горах (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 568. Л. 5 – 6).

2. Голошение по хозяевам дома:

Вы злы лихи хоромины.
Вы выживчивы, а не разживчивы.
Вы сповыжили, да ладо милое,
Вы сповыжили свою хозяйошку.
Раскатал бы вас, да по бревнышку
И спустил бы вас, да во святу реку.
Пусть несет вас, да напониэ реки
Напониэ реки, да на поплаэ воды.
Во сине море, да ледовитое.
Пусть вас бьют качают, да ледяной водой (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 568. Л. 32).

Погребение усопшего воспринимается христианским сообществом как «восхождение души на небо», «в горные обители», отразившееся в текстах плачей в день погребения. Так, на пути к кладбищу *плачя* голосит:

1. Уж мы несем тебя, да на большу гору,
На большу гору, да на окатисту.
Вы встречайте-ко, родны родители.
Отец с матерью дочь жалимую.
Ты встречайся муж, ладо милое.
Встречай жену любимую (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 568. Л. 17).

В плачах гроб называется также «легкой лодочкой», что указывает на древнейшую традицию погребения в долбленных колодах. В народном мировоззрении уход на «тот» свет связывался с преодолением водной преграды, об этом свидетельствуют факты расположения кладбищ на противоположном берегу реки, вынос щепок от строительства гроба и намогильного памятника на реку (лед). Гроб в обряде «выступает как ритуальный транспорт» (Седакова, 1983: 205).

Ты кормилеча, да ладо милое.
Ты кормилеча, да дума крепкая.
Уж ты бросил, да оставил нас.
В легкой лодочке, да во еловой.
Без веселушка да без грабельного.
Мы куды нынче приставать станём?
К которому да краю-берегу.
Как моя-то гора высокая,
Как моя-то ле стена каменная.
Он годами то стал залетной.
Он волосами то стал сединный (НА КНЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 568. Л. 17).

Ритуальный плач характеризует надрывность, особенно в «критический час»: во время опускания гроба в могилу. В этом следует видеть не только горечь разлуки, но и установление границы между живыми и мертвыми. Во время исполнения *плаксы* плачею запрещалось прерывать (*плакала сколько могла*), а по окончании, в случае затянувшегося плача ей говорил: «будет (хватит – Т. Д.) себя убивать», «не верезжай (не травмируй – Т. Д.) себя», «всех слез не выплакать». В похоронных плачах состояние горя усиливалось добавлениями слов: «ох тимнеченько», «ойо да ойо», при этом если голошение проходило над гробом, то плакальщица опиралась руками на край гроба: «Ковда голосом плачут, дух переводят, дэж се охтимнеченько скажут – это как горе большо, ановы опетьойо да ойо плачут» (ПМА 8). Погребально-помнальные плачи представляли собой импровизированные поэтические повествования, всестороннее рассмотрение которых не предусмотрено в рамках данной статьи, но полагаю важным привести об этом воспоминание А. П. Разумовой – участницы экспедиции на Печору 1942-го г.: «И, в общем, происходило такое как бы повторение того, что они уже сказали. Но они никогда уже тот плач не повторяют. Они уже скажут другими словами: содержание будет одинаковое, но повторного такого плача уже не записать. У меня такого, конечно, плача, как на самих проводах, не получилось, и не могло получиться ни у кого» (Моя первая экспедиция, 2005: 47–48). Эти слова полностью подтверждены моим личным опытом записи плача о моей маме: когда спустя несколько дней после ее похорон я попросила плакальщиц продиктовать мне исполненные ими тексты, они уже были другими. Еще в 1990-е гг. оплакивание покойного считалось обязательно частью обряда, в ином случае сокрушенно говорили: «Уж никто не оплакал», что отчасти рассматривалось как неуважение к усопшему.

В XXI в. погребально-поминальные плачи становятся уже редким явлением в культуре староверов-беспоповцев Усть-Цильмы. Возрастные информаторы сокрушенно говорят об утрате традиций и одной из причин называют проникновение в сельскую жизнь средств массовой информации, интернета. Представители среднего возраста указывают на то, что люди утрачивают веру в загробную жизнь, стали зажатыми, замкнутыми; утрачивается былое застольное общение, сплывавшее людей, а вместе с этим уходит из жизни сельчан и великодушие, желание на обрядовом уровне оказывать поддержку семьям в скорбные для них дни. И между тем в дни похорон, в календарные поминальные даты еще можно услышать традиционные плачи, правда, уже не столь содержательные и продолжительные.

Заключение

Погребально-поминальные плачи являются составной частью традиции, исполнение которых наиболее целостно сохранялось еще в конце XX в. Несмотря на ориентированность староверов «жить по книге», в их культуру тесно вплетены элементы архаических представлений и верований, и традиционные плачи составляют важную и значительную часть. Плачи явля-

ются эмоциональным наполнением обряда, посредством которых символически поддерживается связь между миром живых и миром мертвых. В плачах живые обращались к усопшим «родителям» принять новопроставленного. С утратой веры в загробную жизнь связывается одна из причин затухания традиции. В настоящее время исполнителями являются женщины в возрасте от 70 лет и старше, сокрушенно свидетельствующие об утрате интереса населения к этому жанру.

Список сокращений:

НАКНЦ УрО РАН – Научный архив Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Информаторы:

1. Записано от А. М. Бабиковой, 1922 г.р. в д. Чукчино в 2004 г.
2. Записано от Е. К. Паршиной, 1938 г.р. в с. Трусово в 2012 г.
3. Записано от И. И. Петрашовой, 1929 г.р. м/р с. Усть-Цильма, м/з г. Сыктывкар, 2011 г.
4. Записано от Е. А. Бабиковой, 1950 г.р. в д. Чукчино в 2012 г.
5. Записано от И. А. Бабикова, 1940 г.р. в д. Чукчино в 2012 г.
6. Записано от Г. А. Ветриченко, 1947 г.р. в д. Коровий Ручей в 2011 г.
7. Записано от М. Н. Тирановой, 1919 г.р. в с. Усть-Цильма в 1990 г.
8. Записано от А. М. Бабиковой, 1922 г.р. в д. Чукчино в 2004 г.

Литература:

- Адоньева С. Б.** Прагматика фольклора. СПб., 2004. 216 с.
- Алексеевский М. Д.** Севернорусские похоронно-поминальные причитания как акт коммуникации: к вопросу о прагматике жанра // Рябининские чтения 2007: материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 267–270.
- Дронова Т. И.** Рождение и воспитание детей в традициях русских староверов-беспоповцев Усть-Цильмы // Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы / науч. ред. Т. Н. Бунчук. Сыктывкар, 2008. С. 8–26.
- Дронова Т. И.** Религиозный канон и народные традиции староверов Усть-Цильмы: формирование, сохранение, эволюция. Сыктывкар, 2019. 280 с.
- Ефименкова Б. Б.** Севернорусская причеть: междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская область). М.: «Советский композитор», 1980. 392 с.
- Канева Т. С.** Русские причитания Печоры: материалы к аннотированному библиографическому указателю // IV Всероссийский конгресс фольклористов (Тула, 1–5 марта 2018 г.): сб. науч. ст. в 3 т. Т. 3: Комплексные исследования традиционной культуры / сост.: В. Е. Добровольская, А. Б. Ипполитова; отв. ред. А. Б. Ипполитова. М.: ГРДНТ имени В. Д. Поленова, 2020. С. 53–70.
- Леонтьев Н. П.** Печорский фольклор / сост., ред. и прим. В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.
- «Моя первая экспедиция на Печору – это был 42-й год»** (из воспоминаний А. П. Разумовой). Публикация В. Л. Лурье, А. А. Сенькиной // Живая старина. 2005. № 2. С. 47–48.
- Ончуков Н. Е.** Печорские былины // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1902. Т. 7. Кн. 3. С. 349–352.
- Песни Печоры** / изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963.
- Печорские былины и песни** / зап. и сост. Н. П. Леонтьев. Архангельск, 1979.
- Печорские причитания и заметки** о похоронном обряде в записях экспедиции ГИИИ 1929 г. (из полевых дневников А. М. Астаховой) / Публикация и комментарии Т. С. Каневой // Из истории русской фольклористики. Вып. 8. СПб., 2013. С. 109–146.
- Русская народно-бытовая лирика.** Причитания Северного края в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой 1942–1945 гг. М.; Л., 1962. 598 с.
- Седакова О. А.** Метафорическая лексика погребального обряда. Материалы к словарю // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии. М.: Наука, 1983. С. 204–219.
- Толстая С. М.** Звуковой код традиционной народной культуры // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М., 1999. С. 9–16.

Толстая С. М. Обрядовое голошение: лексика, семантика, прагматика // Мир звучащий и молчащий: семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / отв. ред. С. М. Толстая. М., 1999. С. 135–147.

Чистов К. В. Севернорусские причинания как источник для изучения крестьянской семьи XIX века // Фольклор и этнография: связи фольклора с древними представлениями и обрядами / отв. ред. Б. В. Путилов. Л.: «Наука», 1977. С. 131–147.

Югай Е. Ф. Актуализация причитания: взгляд причитальщицы на импровизацию в конце XX–XXI в. // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 9(42). С. 36–49.

Дронова Татьяна Ивановна.

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник.

Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра Уральского отделения РАН.

Ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982.

E-mail: t_i_dronova@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15 декабря 2022 г.

T. I. Dronova

REGULATION OF BURIAL PRACTICES AND FUNERAL LAMENTS OF THE OLD BELIEVERS-BESPOPOVTS OF UST-TSILMA

Using the local tradition of the Old Believers-Bespopovtsy of Nizhnepechora as an example, the characteristics of the late existence of burial and memorial laments in the Ust-Tsilemsky district of the Komi Republic are described. The study draws attention to the rather late research of baptism by folklorists. The collection of the reports was not carried out systematically by different researchers. The 1929 records were published with a commentary only in 2013 and another major publication of the texts collected in 1942 dates from 1962. The reports have been published in other collections with varying degrees of completeness. Particularly in the 21st century, there are also analytical articles. This article examines the liturgical tradition from the perspective of an ethnographic research campaign, focusing on the functioning of the genre, the place, and the role of eulogies in funeral and memorial rites at the end of the 20th and beginning of the 21st centuries. The factors contributing to eulogies' introduction into traditional funeral culture are described. The ritual terminology, the stable expressions that are the names of the laments and indicate their fulfillment, and the vocabulary represented in the laments by metaphorical substitutions and epithets are given. The importance of regulating the performance of lamentations in relation to the time of day is analyzed, and the restriction of their performance to certain ages and social groups is also considered. The local peculiarity of the performance of lament songs for the deceased, who showed disrespect to some family members during their lifetime and were abusers, through the lament songs, the unkind actions and deeds of the deceased person are shown. The article was written on the basis of field materials collected by the author in different years in the villages of Ust-Tsilma, as well as on the basis of published materials and archival sources kept in the scientific archive of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences..

Keywords: *Old Believers-Bespopovts, mourning and memorial laments, lamentations, funeral cries, folk terminology, oral narrative, ritual vocabulary*

References:

Adon'eva S. B. Pragmatikafol'klora [Pragmatics of folklore]. Sankt-Peterburg, 2004. P. 216. (in Russian).

Alekseevskij M. D. Severno-russkie pohoronno-pominal'nye prichitaniya kak akt kommunikacii: k voprosu o pragmatike zhanra [Northern Russian funeral and memorial lamentations as an act of communication: on the question of the pragmatics of the genre] // Ryabininskie chteniya 2007 Materialy V nauchnoj konferencii po izucheniyu narodnoj kul'tury Russkogo Severa. Petrozavodsk, 2007. P. 267–270. (in Russian).

Dronova T. I. Rozhdenie i vospitanie detej v tradicijah russkih staroverov-bespopovcev Ust'-Cil'my [Birth and up bringing of children in the traditions of Russian Old Believers-Bespopovtsy of Ust-Tsilma] // Detiidetstvo v narodnoj kul'ture Ust'-Cil'my / Nauch. red. T. N. Bunchuk. Syktyvkar, 2008. P. 8–26. (in Russian).

Dronova T. I. Religioznyj kanon i narodnye tradicii staroverov Ust'-Cil'my: formirovanie, sohranenie, evolyuciya [Religious canon and folk traditions of the Old Believers of Ust-Tsilma: formation, preservation, evolution]. Syktyvkar, 2019. 280 p. (in Russian).

- Efimenkova B. B.** Severno-russkaya prichet': mezhdurech'e Suhony i Yuga i verhov'ya kokshen'gi (Vologodskaya oblast'). [Northern Russian berth: the interfluvium of the Sukhona and the South and the upper reaches of the Kokshenga (Vologda region)]. Moskva: «Sovetskij kompozitor», 1980. 392 p. (in Russian).
- Kaneva T. S.** Russkie prichitaniya Pechory: materialy k annotirovannomu bibliograficheskomu ukazatelyu [Russian lamentations of Pechora: materials for an annotated bibliographic index] // IV Vserossijskij kongress fol'kloristov (Tula, 1–5 marta 2018 g.): sb. nauch. st. v 3 t. T. 3: Kompleksnye issledovaniya tradicionnoj kul'tury / sost.: V. E. Dobrovol'skaya, A. B. Ippolitova; otv. red. A. B. Ippolitova. Moskva: GRDNT imeni V. D. Polenova, 2020. P. 53–70 (in Russian).
- Leont'ev N. P.** Pechorskij fol'klor [Pechora folklore] / sost., red. i prim. V. M. Sidel'nikova. Arhangel'sk, 1939 (in Russian).
- «Moya pervaya ekspediciya na Pechoru – eto byl 42-j god»** (iz vospominanij A. P. Razumovoj). Publikacija V. L. Lur'e, A. A. Sen'kinoj [“My first expedition to the Pechora was the 42nd year” (from the memoirs of A. P. Razumova)]. Zhivaya starina. 2005. № 2. P. 47–48 (in Russian).
- Onchukov N. E.** Pechorskie byliny [Pechora epics] // Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk. Sankt-Peterburg, 1902. Vol. 7. Kn. 3. P. 349–352 (in Russian).
- Pesni Pechory** [Songs of the Pechora] / izd. podgot. N. P. Kolpakova, F. V. Sokolov, B. M. Dobrovol'skij. Moskva; Leningrad, 1963. (in Russian).
- Pechorskie byliny i pesni** [Pechora epics and songs] / zap. isost. N. P. Leont'ev. Arhangel'sk, 1979. (in Russian).
- Pechorskie prichitaniya i zametki** o pohoronnomobryade v zapisyah ekspedicii GIII 1929 g. (iz polevyh dnevnikov A. M. Astahovoj). [Pechora lamentations and notes about the funeral rite in the records of the GIII expedition of 1929 (from the field diaries of A. M. Astakhova)] / Publikacija i komentarii T. S. Kanevoj // Iz istorii russkoj fol'kloristiki. Vyp. 8. Sankt-Peterburg, 2013. P. 109–146 (in Russian).
- Russkaya narodno-bytovaya lirika.** Prichitaniya Severnogo kraya v zapisyah V. G. Bazanovoi A. P. Razumovoj 1942–1945 gg. [Russian folk-everyday lyrics. Lamentations of the Northern Territory in the notes of V. G. Bazanov and A. P. Razumova 1942–1945]. Moskva; Leningrad, 1962. 598 p. (in Russian).
- Sedakova O. A.** Metaforicheskaya leksika pogrebal'nogo obryada. Materialy k slovarju [Metaphorical vocabulary of the funeral rite. Materials for the dictionary] // Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie. Problemy leksikologii. Moskva: Nauka, 1983. P. 204–219 (in Russian).
- Tolstaya S. M.** Zvukovoj kod tradicionnoj narodnoj kul'tury [Sound code of traditional folk culture] // Mir zvuchashchij i molchashchij: semiotika zvuka i rechi v tradicionnoj kul'ture slavyan / Otv. red. S. M. Tolstaya. Moskva, 1999. P. 9–16 (in Russian).
- Tolstaya S. M.** Obryadovoe goloshenie: leksika, semantika, pragmatika [Ritual voice-voicing: vocabulary, semantics, pragmatics] // Mir zvuchashchij i molchashchij: semiotika zvuka i rechi v tradicionnoj kul'ture slavyan / Otv. red. S. M. Tolstaya. Moskva, 1999. P. 135–147 (in Russian).
- CHistov K. V.** Severnorusskie prichitaniya kak istochnik dlya izucheniya krest'yanskoj sem'i XIX veka [Northern Russian Causes as a Source for Studying a Peasant Family in the 19th Century] // Fol'klor i etnografiya: svyazi fol'klora s drevnimi predstavleniyami i obryadami / Otv. red. B. V. Putilov. L.: «Nauka», 1977. P. 131–147 (in Russian).
- Yugaj E. F.** Aktualizaciya prichitaniya: vzglyad prichital'shchicy na improvizaciju v konce XX–XXI v. [Actualization of lamentation: a lamenter's view of improvisation at the end of the 20th–21st centuries]. // Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie.». 2018. № 9(42). P. 36–49 (in Russian).

Dronova Tatyana Ivanovna.

Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher.

Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center of the Komi Scientific Center of the Ural Branch RAS.

Kommunisticheskaya Str., 26, Syktyvkar, Russia, 167982.

E-mail: t_i_dronova@mail.ru

Г. Ч. Файзуллина, З. А. Тычинских, Л. Х. Фаизова

ТОБОЛЬСКИЕ БУХАРЦЫ ЮРТ КОМАРОВСКИХ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ДАННЫМ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА¹

На основе материалов рукописных мечетных книг юрт Комаровских Бухарской волости Тобольской губернии рассматривается социокультурный облик сибирских бухарцев в XIX – начале XX в. Мусульманские метрические (мечетные) книги «на записку родившихся, о браках, разводах и смерти» транслитерированы и переведены авторами на русский язык. Транслитерация и перевод старотатарских текстов позволяют ввести в научный оборот новый источниковедческий материал. Показано, что в метрических книгах содержится уникальная информация, которая в совокупности с другими источниками дает возможность детально и комплексно рассмотреть вопросы социально-исторического и лингвистического характера мусульманского населения Западной Сибири. Выявлено, что структура этих документов унифицирована и соответствует общепринятым стандартам изучаемого исторического периода. Составителями мусульманских метрических записей являлись имамы, которые вели службу в местных мечетях, что просматривается по записям, сделанным в книгах о браках и разводах. В мусульманских метрических книгах Комаровской мечети сохранились сведения за 27 лет, охватывающие с 1835 г. по 1852 г. и с 1854 г. по 1862 г. В течение всего этого периода имамом в мечети юрт Комаровских служил бухарец Суюджбаки б. Габдельгазиз. Авторами представлены некоторые факты биографии указного имама и составлена его родословная. Выявлено, что как книги о рождении, так и о браках позволяют определить этническую и сословную структуру изучаемого населения в XIX в. В мечетных книгах юрт Комаровских обозначены эти категории, к которым относились служилые, ясачные татары, бухарцы и др. В рассматриваемых рукописных документах для обозначения бухарского населения характерно в качестве равнозначных использование лексем *бухартин* и *сарт*. Отмечается, что в передаче фонетических особенностей произношения личных имен в графическом оформлении слова (оглушение) и лексике (диалектизмы) прослеживаются некоторые элементы регионального наречия.

Ключевые слова: Тобольская губерния, Бухарская волость, юрты Комаровские, бухарцы, мечетные книги, метрические записи, указной имам Суюджбаки б. Габдельгазиз, лингвокультурологические исследования

Введение

Одним из наиболее значимых этнических компонентов в структуре сибирских татар на поздних этапах этногенеза (XVI–XX вв.) стали сибирские бухарцы. Их численность в Тобольской губернии, по данным переписи 1897 г., составляла 11 307 человек, т. е. около одной пятой части тюрко-татарского населения губернии. В дальнейшем, в течение XX в., бывшие переселенцы из Средней Азии ассимилировались с местными татарами, постепенно утрачивая свою «бухарскую» идентичность. Внеся существенный вклад в становление культуры тюркского населения Сибири, сибирские бухарцы неоднократно становились объектом историко-этнографических исследований. Начиная с XVIII в. историки, в частности Г. Ф. Миллер (XVIII в.), Г. Н. Потанин (XIX в.) и др., обращали внимание на их роль в хозяйственном и культурном освоении Сибири, участие в процессе прокладки торговых путей, привнесения исламской культуры в сибирские земли. Большой вклад в изучение бухарцев внесли исследователи XX в. (Х. Х. Зияев, Ф. Т. Валеев и др.). В наше время историки и лингвисты продолжают активно изучать происхождение, социальный статус, культуру, быт, традиции и обычаи бухарцев, их роль в распространении ислама в Сибири (В. П. Ключева, С. Н. Корусенко, А. К. Бустанов, З. А. Тычинских, Э. Х. Кадилова, Г. Ч. Файзуллина и др.).

Важнейшим источником для изучения экономического, политического и культурного развития сибирских бухарцев являются памятники деловой письменности XIX – начала XX в.,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-412-720008 p_a_ Тюменская область.

включая метрические записи, документы переписи населения, служебную переписку, прошения и челобитные, документы по податям и сборам, записи по юридическим процедурам, указы, протоколы, рапорты, отчеты и пр. Данные документы представляют собой живое свидетельство социальной, предпринимательской, в том числе торговой, деятельности, системы жизнеобеспечения и традиционной культуры бухарцев, проживавших в Западной Сибири.

До настоящего времени слабо введенными в научный оборот остаются метрические книги, в которых содержится уникальная информация, позволяющая детально и комплексно рассмотреть вопросы не только социально-исторического контекста (расселение и количество бухарского населения, личные данные – имя, дата и место рождения, имена и социальное положение родителей, обстоятельства при браке, разводе, дата смерти и место погребения), но и лингвистического (стилистические особенности письменной речи, графику, орфографию, лексику, морфологию, синтаксис языка XIX – начала XX в.).

В метрических книгах сохранились сведения о проживании в XIX в. в населенных пунктах Тобольской губернии этнически и сословно неоднородного населения: староясачных татар, оброчных чувальщиков, служилых татар, оседлых инородцев, а также переселенцев из Средней Азии – бухарцев. В рассматриваемых документах зафиксирована информация не только об этнической или сословной принадлежности, но также и о виде занятия того или иного человека. К ним относятся: *йомышлы* ‘служилый’, *казак*, *отставной казак*, *указной имам*, *зирагатчы (игенче)* ‘земледелец’, *хезмэтче* ‘рабочий’, *балыкчы* ‘рыбак’, *аңтучы* ‘охотник, рыбак’, *сәудәгәрче* ‘торговец’, *асдавнуый үрәтник* ‘отставной урядник’. Эти данные являются ценной информацией для описания социального пространства губернии. Кроме того, социолингвистический анализ наименований лиц по тому или иному признаку позволяет сделать вывод о языковых контактах между неродственными народами, а также о степени адаптации заимствованных слов в письменном языке.

Как видим, исследование мусульманских метрических (мечетных) книг в лингвокультурологическом аспекте позволяет существенно дополнить историко-культурную характеристику сибирских бухарцев как этносословной группы и расширить научные представления об истории и культуре населения Западной Сибири в целом.

Целью данной статьи является историко-лингвистическое исследование социокультурного облика населения юрт Комаровских Тобольской губернии в XIX – начале XX в. на основе материалов рукописных метрических книг «на записку родившихся, о браках, разводах и смерти» данных юрт, вводимых в научный оборот впервые.

Материалы и методы

Изучение архивных фондов Российской Федерации показало, что мусульманские метрические записи Тобольской губернии хранятся в архивах городов Тобольска (ГБУТО ГА в г. Тобольске), Тюмени (ГАТО) и Уфы (ГКУ «Национальный архив Республики Башкортостан»). Это связано с тем, что книги составлялись в двух экземплярах, один из которых отправляли в Оренбургское магометанское духовное собрание (г. Уфа).

Материалом данной работы являются прежде всего неопубликованные и неисследованные документы архивных фондов мечетей Тобольской губернии, хранящиеся в Государственном архиве г. Тобольска. В архиве содержатся фонды 32 мечетей разных населенных пунктов (юрт) Тобольской губернии общей численностью 489 единиц хранения, при этом одно дело может достигать до 600 страниц рукописного текста. Данные метрические записи охватывают период с 1830 по 1917 гг. и содержат сведения в том числе по юртам, в которых проживали бухарцы: Аремзянские (Ф.И639), Байгаринские (Ф.И645), Вагайские (Ф.И647), Вершинские (Агитские) (Ф.И511), Вершинские (Ф.И632), Епанчинские (Ф.И643), Иртышские (Ф.И644), Исеневские (Ф.И638), Иштаманские (Ф.И520), Казылбаевские (Кызылбаевские

Ф.И646), Комаровские (Ф.И641), Кульмаметские (Ф.И649), Лайминские (Ф.И510), Медянские (Ф.И640), Митькинские (Ф.И518), Салинские (Ф.И650), Саусканские (Ф.И635), Супринские (Ф.И648), Тоболтуринские (Ф.И513), Чебургинские (Ф.И514, Ф.И633).

Мечетные книги юрт Комаровских Тобольской губернии представляют собой рукописные метрические книги «на записку родившихся, о браках, разводах и смерти», в которых содержится информация о жителях двух населенных пунктов – юрты Комаровские (Комарау аул) и юрты Араповские (Хан аул). В метрических книгах Комаровской мечети сохранились сведения за 27 лет, охватывающие с 1835 по 1852 г. и с 1854 по 1862 г.

Известно, что бухарцы обычно поселялись в татарских селениях. Так, в XIX в. в Тобольском уезде вместе с ясачными и/или служилыми татарами выходцы из Средней Азии проживали в следующих населенных пунктах: Абаульские (Тлешевские), Абызовские (Ягорау), Араповские (Канавыл), Аремзянские, Ашлыкские (Лайминские), Байгаринские (Баек), Балахлейские (Капкана), Будаинские (Кулай-авыл), Бегишевские (Тубысы), Вагайские (Вагай), Вершинские (Агитские), Епанчинские (Кучайлан), Игеевские (Мало-Саусканские), Иртышатские (Юршак), Исеневские (Бергельские), Истятские, Ишаирские, Ишеевские (Ишей), Иштаманские, Козылбаевские (Кызылбаевские), Катангуйские, Кульмаметские (Селэз), Миткинские (Меткэ), Медянские (Сатылган), Новые (Янаул), Пушнятские (Пушнаш), Ренченские (Рэнчек), Салинские (Сала), Собачкинские, Соусканские, Сузгунские, Суклемские, Супринские (Сопра), Тархановские, Таутаматские, Тачимовские (Шулгун), Тоболтуринские (Тубылтора), Уткарминские, Черторойские (Чумук), Чебургинские (Күкрэнде), Шальчинские, Шамшинские (Шамшы). Однако несмотря на совместное проживание, бухарцы относились к Бухарским волостям, которые в XIX–начале XX в. существовали в Тобольском, Тюменском и Тарском округах (уездах). Согласно статистическим данным 1909 г., в Бухарских волостях Тобольского и Тюменского уездов насчитывалось 44 и 11 селений соответственно (Список населенных мест, 1912).

Иногда бухарцы создавали и собственные монопоселения. Такие поселения существовали в Тюменском, Тарском и Тобольском округах. В Тобольском округе это юрты Комаровские (Комарау) и Миримовские (Коллар). Уже в первой половине XVIII в. Г. Ф. Миллер показывает на территории Тобольского округа эти поселения как населенные бухарцами. Он называет юрты Комаровские – Kasim- или Kamaarau-aul (Миллер, 1996: 77). По обнаруженным в Российском государственном архиве древних актов документам юрты Комаровские, как и другое поселение бухарцев – юрты Миримовские, скорее всего, были основаны еще в первой половине XVII в. выходцами из Средней Азии Комаром Комалдиновым и Миримом Кожмамметевым (РГАДА Ф. 214. Кн. 3. Л. 35 об.). Земли, на которых были основаны эти два поселения, по всей видимости, были приобретены бухарцами в указанное время, т. е. в первой четверти XVII в. В «Хорографической книге» С. У. Ремезова, относящейся к рубежу XVII–XVIII вв., эти земли показаны как бухарские, правда, без указания конкретных населенных пунктов. В связи с этим не случайно И. А. Андроников в конце XIX в. относительно землевладения бухарцев сообщал, что «только бухарцы двух бухарских юрт Комаровских (Комарау) и Миримовских (Куллар), относившиеся к Бухарской волости Тобольского уезда, владели собственными пахотными землями и сенокосными угодьями» (Андроников, 1911: 336). Это была «категория тех бухарцев, у которых далекие предки закрепили за собой определенные участки земли, сделав их своей собственностью» (там же). В юртах Миримовских, Комаровских «бухарские общества» были наделены пахотными землями и сенокосными угодьями.

По данным IV ревизии, в последней четверти XVIII в. в юртах Комаровских насчитывался 131 житель, а к середине XIX в. (по данным IX ревизии) – 262 человека. В начале XX в. в юртах Комаровских проживал 281 человек (Список населенных мест, 1912).

Судя по сохранившимся материалам метрических записей, действительно, основное население Комаровских юрт было бухарским, за исключением некоторых случаев. Например,

в книге о родившихся за 1837 г. имеется запись о родителях новорожденного Гавазбаки (Һәүзбакый) – отец ясачный Ниязбаки (Нийязбакый), мать Зульфа (Зөлфә), при этом составитель указывает на место рождения – селение Комаровские Тобольского уезда.

Араповские юрты в административном отношении входили в состав двух волостей – Вагайской и Бухарской, так как здесь совместно проживали ясачные татары и бухарцы. Сведения о численности жителей юрт Комаровских и Араповских приведены в таблице.

Таблица

Динамика численности населения юрт Комаровских и Араповских во второй половине XIX – начале XX в.

Название селения	1868–1869			1893			1903			1912		
	пол		всего	пол		всего	пол		всего	пол		всего
	муж.	жен.		муж.	жен.		муж.	жен.		муж.	жен.	
Комаровские	126	117	243	155	140	295	135	131	266	142	139	281
Араповские	52	58	110	82	83	165	117 ² /5 ³	77/7	194/12	129/5	137/6	266/11
Итого:	178	175	353	237	223	460	257	215	472	276	282	558

Сост. по: (Волости и населенные места, 1894; Список населенных мест, 1871; Список населенных мест, 1904; Список населенных мест, 1912)

Составителями мусульманских метрических записей являлись имамы, которые вели службу в местных мечетях. Об этом свидетельствуют записи, сделанные в книгах о браках и разводах. В специально отведенной графе священнослужитель указывал свои регалии, имя и ставил подпись, подтверждая тем официальность сочетания или расторжения брака: *Тобол өйгәзе Комарау шенең мәнишүрле мәхәллә имамы Сөйүрҗабакый Габделгазиз углы никах хәтбәсене укудукыма элимза кылдым* – «В подтверждение прочтения мной никаха поставил подпись имам Суюджабаки сын Габдельгазиза из селения Комаровские Тобольской губернии» (ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И641). За вышеуказанные годы в Комаровской мечети имамом был бухарец Суюджабаки сын Габдельгазиза. Им зарегистрировано 113 браков.

В метрических книгах сохранилась информация о некоторых моментах из личной жизни Суюджабаки сына Габдельгазиза. Он женился 4 января 1836 г. на дочери купца Абуталипа сына Шарифа из селения Комаровские Тобольской губернии того же уезда – Бибиджамал, при этом сам же зарегистрировал брак. Возраст брачующихся в документе не указан. Со стороны невесты доверенным был родственник Ислам сын Кодуная, а со стороны жениха – родственник Хусаин сын Навруза. Свидетелями таинства выступили Накип сын Магди и Мухаммедназир сын шейха Бабкаша.

Тридцатидевятилетний Суюджабаки сын Габдельгазиза 8 января 1840 г. регистрирует брак с двадцатиоднолетней Махифирузой, дочерью бухарца Гидбаки сына Мирсафара из юрт Комаровские Тобольской губернии того же уезда. Исходя из данной записи, можем предположить, что Суюджабаки родился в 1801 г. Со стороны невесты доверенным был родственник Хусаин сын Гидбаки, а со стороны жениха доверенным был родной брат Курбанбаки сын Габдельгазиза. Согласие супругов скрепили подписью их свидетели Кудаш сын Билала и Хабибулла сын Габдуллы.

В метрических записях за 1835–1862 гг. (кроме 1853 г.) зафиксировано 16 записей о рождении детей Суюджабаки сына Габдельгазиза от разных жен (11 дочерей и 5 сыновей): от Гульбану – 6 детей, от Бибиджамал – 2 детей, от Махифирузы – 5 детей, от Гидбики/Аитбики – 2 детей, от Гульбагды – 1 ребенок.

² Количество татар.

³ Количество бухарцев.

Указной имам Суюджаки сын Габдельгазиза зарегистрировал браки своих детей: 23 октября 1848 г. выдал замуж восемнадцатилетнюю дочь Бибитайфу за двадцатичетырехлетнего Габдуллу сына бухарца Габдельгаббаса; 13 декабря 1861 г. – восемнадцатилетнюю дочь Бибигалиму за девятнадцатилетнего сарта Сагдетдина сына Джиханходжи; 21 декабря 1861 г. женил двадцатичетырехлетнего сына Абубакира на семнадцатилетней Бадигельджамал дочери земледельца Сайфуллы сына Дусмухаммеда; 30 января 1862 г. – семнадцатилетнюю Бибизайнап за двадцатилетнего сарта Мухаммедгайсу сына муллы Мухаммедрузия (ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И641).

Рассмотрим структуру и содержание метрических записей мечетных книг юрт Комаровских, в которых, как было уже сказано выше, приводится информация о жителях двух населенных пунктов – Комаровских и Араповских. Традиционно записи велись в трех частях – «на записку родившихся, о браках, разводах и смерти».

В книге «на записку родившихся» содержится следующая информация о новорожденном:

1) пол и имя: *ир углан Мулламоҳсан* ‘ребенок мужского пола Мулламухсан’, *кыз углан Балхыйсбану* ‘ребенок женского пола Балхисбану’;

2) дата рождения: *ийүлнең 20 нче көнендә* ‘20 дня июля’, *мартның 22 нче көне* ‘22 дня марта’. Необходимо отметить, что в книгах Комаровских юрт используется только вариант *көнендә* ‘дня’, использование арабского варианта *йәүмендә* ‘дня’, характерного, к примеру, для Чебургинских книг [Чебургинские мечетные книги, 2021] того же периода, не выявлено;

3) данные об отце: *атасы сарт Кодаш* ‘отец сарт Кудаш’, *атасы сарт указной мулла Сөйүжбакый* ‘отец сарт указной мулла Суюджаки’, *атасы осидлич иноротич Кәнжә* ‘отец оседлый инородец Канджа’, *атасы казак Сәфәрмоҳәммәд* ‘отец казак Сафармухаммед’, *атасы зирагатьчы Нийазмәт* ‘отец земледелец Ниязмамет’;

4) данные о матери: *анасы Узүмҗамал* ‘мать Узумджамал’, *анасы Махитам* ‘мать Махитам’, *анасы Әчебикә* ‘мать Ачибика’;

5) место рождения: *Тобол өйәзе Комарау карьясендә дугды* ‘родился в селении Комаровские Тобольского уезда’, *Тобол өйәзе Хан карьясендә дугды* ‘родился в селении Араповские Тобольского уезда’ (ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И641). Лексические единицы *ил*, *авыл*, *карья* ‘деревня’ являются синонимами: *аул* ‘деревня’ (Гиганов, 1804: 121), *ил*, *авул* ‘село’ (Гиганов, 1804: 534), слово «*карья*» ‘деревня, селение’ (< араб. *қарийә*) активно использовалось в прежнем татарском литературном языке.

Фрагмент книги «на записку родившихся» Комаровских юрт (1835 г.)

№	Имя	Отец	Мать	Место рождения
1	Ибраһим	Атаһе Сәһәбәтәһе	Анаһе Сәһәбәтәһе	Тобол өйәзе Комарау карьясендә дугды
2	Ибраһим	Атаһе Сәһәбәтәһе	Анаһе Сәһәбәтәһе	Тобол өйәзе Хан карьясендә дугды
3	Ибраһим	Атаһе Сәһәбәтәһе	Анаһе Сәһәбәтәһе	Тобол өйәзе Комарау карьясендә дугды
4	Ибраһим	Атаһе Сәһәбәтәһе	Анаһе Сәһәбәтәһе	Тобол өйәзе Хан карьясендә дугды
5	Ибраһим	Атаһе Сәһәбәтәһе	Анаһе Сәһәбәтәһе	Тобол өйәзе Комарау карьясендә дугды

В книге «на записку о браках» имеются следующие материалы:

1) информация о сочетающихся браком: *Тобол губернасы шул өйәзе Комарау иленең сәүдәгәр Әбуталиб Шариф углының кызы Бибижамалны шул ук өйәзнең Комарау иленең Сөйүжбәкый Габделгазиз углына никахландырылды* ‘Сочетались никахом Бибиджамал дочь купца Абуталипа сына Шарифа из селения Комаровские Тобольской губернии того же уезда и Суюджбаки сын Габдельгазиза из того же уезда селения Комаровские’; *Тобол губернасы шул өйәзе Комарау иленең сарт Мирсакый Мәрәк углының кызы Зөлхәמידәне, 22 йәшендә, шул өйәзенең Йүришак иленең зирагатычы Салих мулла Шагбан мәрхүм углына, 30 йәшендә, никахландырылды* ‘Сочетались никахом Зульхамида, двадцати двух лет, дочь сарта Мирсаки сына Марака из селения Комаровские Тобольской губернии того же уезда и Салихмулла сын Шагбана, тридцати лет, из селения Иртышатские того же уезда’; *Тобол губернасы шул өйәзе Шаңшы иленең сарт Әйүб Рәхим углының кызы Аппакны, 29 йәшендә, шул ук өйәзнең, Комарау иленең сарт Шәмседдин Мирәүвәл углына, 23 йәшендә, никахландырылды* ‘Сочетались никахом Аппак, двадцати девяти лет, дочь сарта Аюпа сына Рахима из селения Шамшинские Тобольской губернии того же уезда и Шамсетдин сын Миравалая, двадцати трех лет, из селения Комаровские того же уезда’;

2) дата: *гыйнварның 15 нче көнендә* ‘15 дня января’, *майның 10 нче көнендә* ‘10 дня мая’, *ийүннең 11 нче көнендә* ‘11 дня июня’, *үктәбернең 7 нче көнендә* ‘7 дня октября’;

3) доверенные от невесты и жениха: *Мәһәр мәсаммә өч йөз сум, йөз илле сумны хазир бирүб, калганны мәзкур Сөйүжбикә сораган вакытта вирәчәк булуп, мән кияү булгучы Миргали Мөхәддин углы әлимза кылдум һәм мәзкур шартга кыз карендәшем Сөйүжбикәнүң ризалыгы илә мән вәли вәкил булгучы Ибнейәмин Йагъкуб углы әлимза кылдум* ‘Сумма выкупа за невесту 300 рублей, в подтверждение передачи денег в размере 150 рублей сейчас, остальное в то время, когда попросит Суюджбика, я, жених Миргали сын Мухутдина поставил подпись и в подтверждение согласия Суюджбики с данными условиями я, доверенный родственник ее, Ибнеамин сын Якуба поставил подпись’; *Кыз тарафындан тугма атасы Мирсакый Мәрәк углы вәли вәкил булды вә кияү тарафындан атасы берләң бер тугма карендәше Насреддин мулла Шагбан углы вәли вәкил булды зәүжәйеннең ризалыкларының шаһидләре Шәмседдин Мирәүвәл углы әлимза кылдум, Дәүләтбакый Габбас углы әлимза кылдум* ‘Со стороны невесты доверенным был отец Мирсаки сын Марака и со стороны жениха доверенными был родной брат Насретдин мулла сын Шагбана, согласие супругов их свидетели Шамсетдин сын Миравалая скрепил подписью, Давлетбаки сын Габбаса скрепил подписью’;

4) сумма денег, которую передает жених родителям невесты: *Мәһәр мәсаммә йөз илле сум, йөз сумны хазир бирүб, калганны мәзкурә Зөлхәמידә Мирсакый кызы сораган вакытта вирәчәк булуп, мән, кияү булгучы Салих мулла Шагбан углы әлимза кылдум һәм мәзкур шартга кызым Зөлхәמידәнең ризалыгы илә мән вәли вәкил булгучы Мирсакый Мәрәк углы әлимза кылдум* ‘Сумма выкупа за невесту 150 рублей, в подтверждение передачи денег в размере 100 рублей сейчас, остальное в то время, когда попросит Зульхамида дочь Мирсакия, я, жених Салих мулла сын Шагбана, поставил подпись и в подтверждение согласия моей дочери Зульхамиды, я, доверенный отец ее, Мирсаки сын Марака поставил подпись’; *Мәһәр мәсаммә йөз сум хазирдә йитмеш биш сумны бирүб, калганны мәзкурә Шәмсениса Габделвахид углы кызы сораган вакытта вирәчәк булуп, мән кияү булгучы Сәфәр Мөхәммәдбакый углының хат белмәзлеге өчөн вә хазир соругы иләң Мөхәммәдрәхим Шәкүр углы әлимза кылдум һәм мәзкур шартга кызым Шәмсенисаның хат белмәзлеге өчөн аның хазир соругы иләң Мөхәммәдрәхим Шәкүр углы әлимза кылдум* ‘Сумма выкупа за невесту 100 рублей, в подтверждение передачи денег в размере 75 рублей сейчас, остальное в то время, когда попросит Шамсениса дочь Габделвахиды, я, Мухаммедрахим сын Шакура, по просьбе жениха Сафара сына Мухаммедбаки и по причине его безграмотности, поставил подпись и в подтверждение согласия моей дочери Шамсенисы, по причине ее безграмотности и по ее просьбе я, Мухаммедрахим сын Шакура, поставил подпись’;

5) имя имама, заключившего брак: *Тобол өйәзе Комарау иленең мәнишурле махалла имамы Сөйүжбакый Габделгазиз углы никах хәтбәсене укудукума әлимза кылдым* 'В подтверждение прочтения мной никаха поставил подпись имам Сууджбаки сын Габдельгазиза из селения Комаровские Тобольской губернии' (ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И641).

Фрагмент книги «на записку о браках» Комаровских юрт (1836 г.)

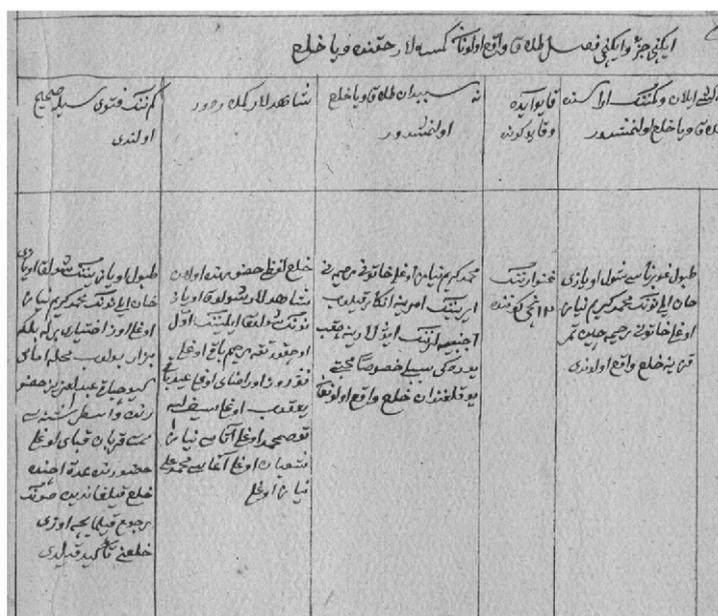
В книгах «на записку о разводах» имеется информация о:

- 1) людях, подающих на развод: *Тобол губернасы шул өйәзе Комарау иленең Жәләледдин Жәгъфәр углы хатыны Уразабикә Нәкыйб кызына талак вакыйг улынды* 'Разведены Джалалетдин сын Джагфара и его жена Уразабика дочь Накиба из селения Комаровские Тобольской губернии';
- 2) дате: *нуйәбернең 6 нчы көне* '6 дня ноября';
- 3) причине развода: *Жәләледдин Жәгъфәр углы хатыны Уразабикә Нәкыйб кызына махәббәте йуклыгындан, араларында низаг (ссора) улуб вә Жәмигь мәһәрне хатуны Уразабикәгә гүахлар хозурында табишурмакчы булды вә табишурды вә талак дәфегь кылды* 'Между Джалалетдином сыном Джагфара и женой Уразабикой дочерью Накиба возник конфликт из-за отсутствия любви, и он хотел передать весь калым своей жене Уразабике перед свидетелями и передал, и завершил разводный процесс';
- 4) свидетелях: *Хәлегь ләфызы хозурында улан шәһидләр шул ук өйәзе вә Кызылбай илнең Рузый Мәһди углы вә Корбанбакый Сөйүжбакый Жанбай углы клум куйдум вә шул ук илнең мелла Рузый Гомәр углы әлимза кылдым, Комарау иленең Йагъкуб Рәжәб углы кулум куйдум, мәзкур Нийазмөхәммәд Этбакмаз углы кәнд хатыным Зарифаны йөз ун сум бәрабәрәнә хәлегь кылуб вә разый булуб, соң хақым бар тиб сорамасга булуб хәлеген хазер алуб мән Нийазмөхәммәд Этбакмаз углы кулум куйдум, мәзкурә Зарифа иренең йөз ун сум бәрабәрәнә*

халегъ кылганын кабул идуб ва разый булуб ва келә элгаре һичбер нарсам ва хакым калган йук дийү дәгъваләшмәскә разый булуб үзүмнең хат белмәзлегем өчен үзе хазер сораб атасы элимза кылды. ‘При разводе свидетелями выступили Рузи сын Магди и Курбанбаки Суюдждабаки сын Джанбая из селения Кызылбаево того же уезда (подписал), и из того же селения Рузи сын Гумара (подписал), Ягкуб сын Раджаба из селения Комаровские (подписал). Вышеупомянутый Ниязмухаммед сын Этбакмаса развелся со своей женой Зарифой за сто десять рублей и остался довольным, чтобы потом не спросить, что я имею право, и, признавая развод, я, Ниязмухаммед сын Этбакмаса, поставил свою подпись. Вышеупомянутая Зарифа воспринимая, что муж развелся за сто десять рублей, осталась довольной, и согласившись, что в будущем не будет настаивать на том, что у нее осталось право на что-либо, и сказала, что не умеет писать, отец поставил свою подпись’;

5) том, кто принял решение: *Тобол өйәзе Комарау иленең махәллә имамы Жәләледдин Жәгъфәр углы хатыны Уразабикә Нәкыйб кызына талак кылгандин соң гайре рәжсүг кылмадугы аңлаб ва белеб ва тәфтиш ва тәхрир кылыб ва шул сәбәбләр илән мәзкурә Жәләледдин Жәгъфәр углы мәзкурә хатуны Уразабикә Нәкыйб кызына талак кылдыгуны тәкыйидләндүрдә* ‘Имам из селения Комаровские Тобольской губернии Джалалетдин сын Джагфара после того, как объявил жене Уразабике дочери Накиба о разводе. Зная, что не объявил развод, при котором муж не имеет права вернуть жену прежде, чем она не будет замужем за другим, изучив, написал официальное письмо, по этим причинам зарегистрировал развод вышеупомянутого Джалалетдина сына Джагфара с вышеупомянутой женой Уразабикой дочерью Накиба’ (ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И641).

Фрагмент книги «на записку о разводах» Комаровских юрт (1841 г.)

В метрических книгах «на записку о смерти» приводятся следующие данные об умершем:

1) половозрастной статус и личное имя: *ир Габделәхәд* ‘мужчина Габдельахад’, *кыз Гайнижәмал* ‘девочка Гайниджамал’, *ир углан Мөхәммәдсалих* ‘мальчик Мухамметсалих’, *кыз углан Хәбибә* ‘девочка Хабиба’;

2) дата смерти: *гыйнварның 19 нчы көне* ‘19 дня января’, *нуйәбернең 8 нче көнендә* ‘8 дня ноября’;

3) возраст: *йегерме йәшендә* ‘в 20 лет’, *түрт йәшендә* ‘в 4 года’, *йите айда* ‘в 7 месяцев’, *бер йылда* ‘в 1 год’;

4) причина смерти: *сариг захмате ила вафат* улды ‘умер от желтухи’, *тир захмате ила вафат* улды ‘умерла от лихорадки’, *бума захмате ила вафат* улды ‘умер от удушья’, *эжен захмате ила вафат* улды ‘умерла от влияния злых духов’, *чэчэк захмате ила вафат* улды ‘умер от оспы’, *чахотка захмате ила вафат* улды ‘умер от чахотки’, *шешук захмате ила вафат* улды ‘умер от опухоли’. Одними из распространенных являются следующие названия болезней: *астма* (استمه) / *азумэ захмате* ‘астма’ (< греч. asthma); *бума захмате* (بومه) ‘коклюш’; *кызылча захмате* (قرولجه زحمتی) ‘корь’ (досл. красная болезнь); *чэчэк* (ججک / ججاک) захмате ‘оспа’; *чикутка* (جیکونکه) захмате ‘чахотка’ (< рус. чахотка); *эч* (ایچ) захмате ‘болезнь живота, дизентерия’ (ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И641).

Фрагмент книги «на записку о смерти» Комаровских юрт (1835 г.)

Смерть вместе	Смерть от оспы	Смерть от лихорадки	Смерть от желтухи	Смерть от удушья	Смерть от влияния злых духов	Смерть от оспы	Смерть от чахотки	Смерть от опухоли
1	—	—	—	—	—	—	—	—
2	—	—	—	—	—	—	—	—
3	—	—	—	—	—	—	—	—
4	—	—	—	—	—	—	—	—
5	—	—	—	—	—	—	—	—
6	—	—	—	—	—	—	—	—
7	—	—	—	—	—	—	—	—
8	—	—	—	—	—	—	—	—

Данные метрических записей наглядно демонстрируют ситуацию с заболеваемостью в сельской местности. Наибольшую опасность представляла такая болезнь, как астма, которая достигла наивысшей точки в 1842–43 гг. В первой половине XIX в. наблюдался высокий процент смертности от чахотки, коклюша. Смертность от эпидемии оспы и дизентерии также имела место. Детская смертность от кори характеризуется вспышками эпизодически;

5) место погребения: *Тубыл өязе Комарау карьясендә дәфен улынды* ‘погребение состоялось в селении Комаровские Тобольского уезда’, *Тубыл өязе Хан карьясендә дәфен улынды* ‘погребение состоялось в селении Араповские Тобольского уезда’. Лексема *дәфен* арабского происхождения – *дәфн* (ГБУТО ГА в г. Тобольске. Ф. И641) .

В XIX в. тюрко-татарское население Тобольской губернии составляли такие этнословесные группы, как ясачные татары, служилые татары, оброчные чувальщики и бухарцы. В соответствии с указанными группами, имеющими различия в податных отношениях с государством, выделялись и волости, являвшиеся административными единицами. Как было выше указано, часто в одном населенном пункте совместно проживали представители разных волостей. Несмотря на то, что основную часть населения юрт Комаровских составляли бухарцы, именовавшие себя (согласно рукописям) – «сарт» или «бухарич», также зафиксированы немногочисленные случаи проживания здесь семей земледельцев (видимо, поволжских татар), ясачных татар, казаков.

В записях о родившихся, о браках и разводах содержится информация об этнической и/или сословной принадлежности мужского населения: *З нче гильдей сәүдәгәр* ‘купец третьей гильдии’, *асдавнуй урятник // усдавнуй урәтник // асдавнуй урәтник* ‘отставной урядник’, *бухарич* ‘бухарец’, *зирагатьчы* ‘земледелец, крестьянин’, *игенче // игүнче* ‘земледелец, крестьянин’, *йасаклы* ‘ясачный’, *казак* ‘казак’, *мелла* ‘мулла’, *мәнишүрле мәхәллә имамы* ‘имам прихода’, *осдовной казак // асдавнуй казак // осдуфной казак* ‘отставной казак’, *осидлич иноротич* ‘оседлый инородец’, *пудудной исеMLE* ‘податной’ (досл. «с именем податной»), *сарт* ‘сарт, бухарец’, *сәүдәгәр* ‘купец’, *указной имам жәмигь* ‘указной имам соборной (мечети)’, *указной имам* ‘указной имам’, *указной мулла* ‘указной мулла’, *упруиной чувальчик* ‘оброчный чувальщик’, *урятник* ‘урядник’, *хезмәтдә улан казак* ‘служилый казак’. При этом имамы и купцы указывали не только свою профессию, но и принадлежность к бухарскому населению: *бухарич указной имам* ‘бухарец указной имам’, *сарт З нче гильдей сәүдәгәр* ‘сарт купец 3 гильдии’, *сарт мелла* ‘сарт мулла’, *сарт указной имам* ‘сарт указной имам’, *сарт указной имам жәмигь* ‘сарт указной имам соборной (мечети)’, *сарт указной мулла* ‘сарт указной мулла’, *указной имам вә сарт* ‘указной имам и сарт’, *указной имамы бухарич* ‘указной имам бухарец’. При этом в большинстве случаев на первое место ставилось бухарское происхождение.

Отметим, что в метрических записях о тобольских и тюменских бухарцах используются вариативные единицы: *сарт/сард*, *сартия/сардия/зэртия*, *бухарич*, *бухартин/бухардин*. При этом иногда встречается функционирование в одном и том же документе различных лексических единиц, обозначающих бухарское население. Приведем пример из книги о рожденных юрт Каскаринских Тюменского уезда Тобольской губернии за 1851 г.: *атасы бухартин Әмин, атасы сартия Сәфәр* (ГКУ «Национальный архив Республики Башкортостан». Ф. 295, оп. 9, д. 692). Для сравнения рассмотрим примеры лексических употреблений в «Русско-татарском разговоре» 1905 г., написанном на русском языке и на наречии татар Тобольской губернии, зафиксирована единица *сарт* ‘бухарец’: Там есть и киргизы, и бухарцы, и татары, и русские – *Анта кыргызлар та, сартлар та, нугайлар та, урыслар та пар*; Чем торгуют бухарцы? – *Сартлар ни пелян саута кылаты?*; Бухарцы торгуют халатами и бязью – *Сартлар цапан, тос пелян саута кылатылар* (Русско-татарский разговор, 1905). Таким образом, в указанных материалах для обозначения бухарского населения встречается использование как лексем *бухартин*, так и *сарт* в качестве равнозначных.

Изучение функционирования данных этнонимов представляется актуальным как для филологической науки, так и исторической. Например, бухарский след встречается в фамильконе современных сибирских татар. Достаточно распространенными являются фамилии Бохаров (Бухаров), Бохараев (Бухараев). В настоящее время в деревне Осиновская (Аусак) Вагайского района Тюменской области проживают представители фамилии Бухарин. Следовательно, от данной основы фамилии образуются при помощи суффиксов -ов (-ев) и -ин.

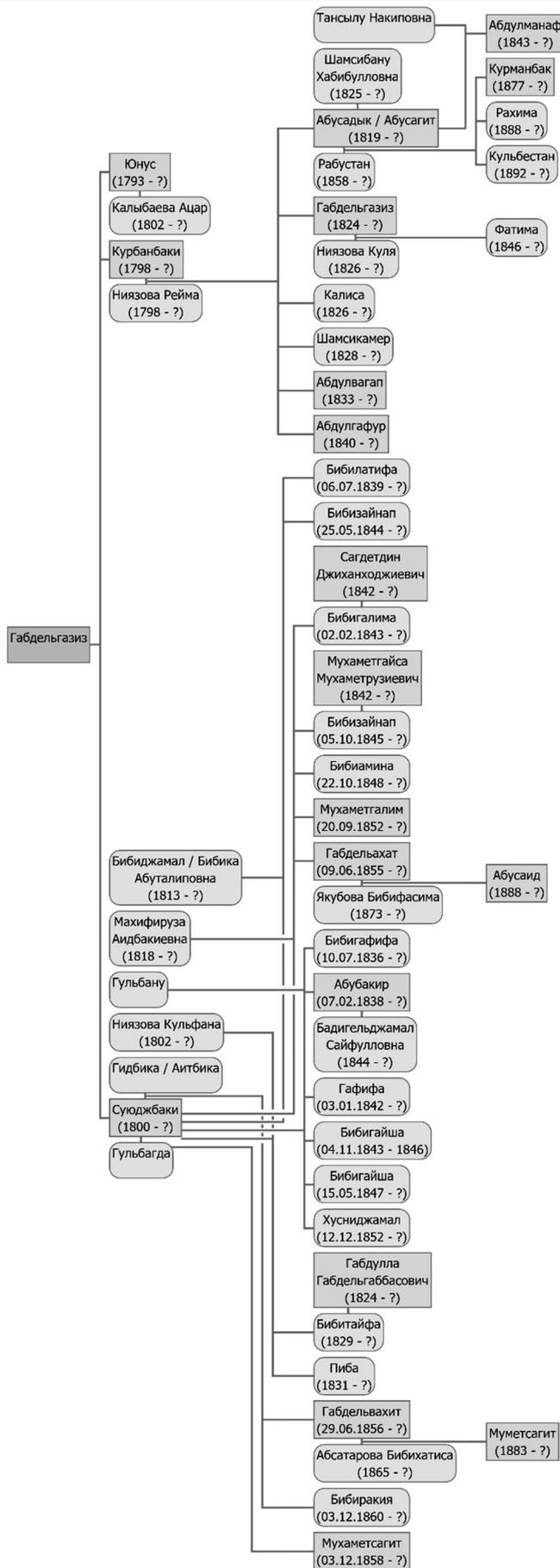

Рисунок. Родословная указного имама Сууджбаки сына Габдельгазиза.

Таким образом, мусульманские метрические записи Тобольской губернии, являющиеся одним из жанров официально-делового стиля XIX – начала XX в., представляют собой ценные источники как для исторической, так и филологической науки. Транслитерация и перевод на русский язык старотатарских текстов позволяют ввести в научный оборот новый источниковедческий материал.

Структура этих документов унифицирована и соответствует общепринятым стандартам изучаемого исторического периода. Как книги о рождении, так и о браках позволяют выявить этническую и сословную структуру изучаемого населения в XIX в. Несмотря на то, что юрты Комаровские были основаны бухарцами, в них в исследуемое время также проживали представители других этносословных групп. В рассматриваемых документах для обозначения бухарского населения характерно в качестве равнозначных использование лексемы *бухартин* и *сарт*.

Из содержания книг «на записку о браках» и «на записку о разводах» представляется возможным установление личностей составителей – священнослужителей при мечети (указных имамов). В рассматриваемом случае в сохранившихся метрических книгах Комаровской мечети (с 1835 по 1852 г. и с 1854 по 1862 г.) имеются сведения об имаме бухарце Суюдджаки б. Габдельгазизе, который в течение всего этого периода (27 лет) служил в мечети юрт Комаровских. Нами выявлены некоторые факты биографии имама, имена его жен, детей, представлена его родословная.

Документы написаны на старотатарском языке арабской графикой. Следует отметить, что в текстах прослеживаются некоторые элементы регионального наречия в передаче фонетических особенностей произношения личных имен в графическом оформлении слова (оглушение) и лексике (диалектизмы).

Исследование мусульманских метрических (мечетных) книг в лингвокультурологическом аспекте позволит дать более полную историко-культурную характеристику сибирских бухарцев как этносословной группы и расширит научные представления о культуре и истории Западной Сибири в целом.

Литература:

- Андроников И. А.** Материалы по землевладению и экономическому быту оседлых инородцев Тобольской губернии. Тобольск, 1911. 396 с. Приложения. I-CLXXII.
- Бустанов А. К., Корусенко С. Н.** Родословные сибирских бухарцев: Имяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. № 2 (42) 2010. С. 97–105.
- Валеев Ф. Т.** Сибирские бухарцы во второй половине XIX – начале XX в. (историко-этнографический очерк): дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1965. 389 с.
- Волости и населенные места 1893 года.** СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1894.
- ГБУТО ГА** в г. Тобольске (Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске»). Ф. И641. Мечеть Комаровских юрт Тобольского уезда Тобольской губернии.
- Гиганов И.** Словарь российско-татарский, собранный в Тобольском главном народном училище. СПб.: Императорская Академия Наук, 1804.
- ГКУ «Национальный архив Республики Башкортостан».** Ф. 295, оп. 9, д. 692. Тобольская губерния. 1851 г.
- Зияев Х. З.** Узбеки в Сибири (XVII–XIX вв.). Ташкент: изд-во «Фан» УзССР, 1968. 74 с.
- Зияев Х. З.** Экономические связи Средней Азии с Сибирью в XVI – XIX вв. Ташкент. Изд-во «Фан», 1983. 167 с.
- Клюева В. П.** Бухарские общины в Сибири (конец XVI — начало XIX в.) // Проблемы экономической и социально-политической истории дореволюционной России. Тюмень, 2001. С. 77–85.
- Корусенко С. Н.** Сибирские бухарцы в начале XVIII века. Омск: Издат. дом «Наука», 2011. 248 с.
- Миллер Г. Ф.** История Сибири. М.: Вост. литература, 1999. Т. 1. 630 с.
- Миллер Г. Ф.** Сибирь XVIII в. в путевых описаниях // История Сибири. Первоисточники. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. Вып. 6. 192 с.

Потанин Г. Н. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII в. М.: в Университетской типографии (Катков и К) на Страстном бульваре. 1868. 94 с.

РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 214. Кн. 3 (1623 г.).

РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф.1291, оп. 84, д. 225. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1911 г. По указу Сената по жалобе доверенного бухарцев Бухарской волости.

РГИА. Ф.1291, оп. 84, д. 120. Земский отдел Министерства внутренних дел. 1911 г. По прошению бухарцев, юрт Вагайских и Медяньских.

Русско-татарский разговор. Практические уроки русского и татарского языка. На русском языке и на наречии татар Тобольской губернии. Издание Тобольского Комитета Православного Миссионерского Общества. Тобольск: Типография Епар. Братства, 1905. 88 с.

Список населенных мест Тобольской губернии / сост. Губ. стат. ком. по распоряжению г. тоб. губернатора, по сведениям, доставл. волост. правл. в 1903 г. и провер. с перепис. материалом. Тобольск: Губ. тип., 1904. 341 с.

Список населенных мест Тобольской губернии [составлен по сведениям на 15 июля 1909 года, полученным от уездных исправников и волостных правлений]. Тобольск: издание Тобольского губернского статистического комитета, 1912.

Список населенных мест. По сведениям 1868–1869 годов. СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел, 1871. 196 с.

Тумашева Д. Г. Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1877. 294 с.

Тычинских З. А. О некоторых особенностях формирования группы тобольских бухарцев в XVI–XIX вв. // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2021. Т. 22, № 3: Археология и этнография. С. 109–121.

Тычинских З. А. Расселение бухарцев в Прииртышье в XVII–XIX вв. // Тобольск научный – 2017: Материалы XVI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. 2017. С. 223–226.

Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х. Чебургинские мечетные книги Тобольской губернии XIX – начала XX веков. Казань: Отечество, 2021. 130 с.

Файзуллина Гузель Чахваровна.

Старший научный сотрудник, доктор филологических наук, доцент.

ТКНС УрО РАН.

Ул. Академика Осипова, 15, Тобольск. 626152.

E-mail: utgus@mail.ru

Тычинских Зайтуна Аптрашитовна.

Старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.

ТКНС УрО РАН.

Ул. Академика Осипова, 15, Тобольск. 626152.

E-mail: zaituna.09@mail.ru

Фаизова Лилия Харисовна.

Доцент кафедры теории и методики начального и дошкольного обучения, кандидат филологических наук.

Тюменский государственный университет.

Ул. Володарского, 6, Тюмень. 626150

E-mail: l.k.faizova@utmn.ru

Материал поступил в редакцию 8 октября 2022 г.

G. Ch. Faizullina, Z. A. Tychinskikh, L. Kh. Faizova

TOBOLSK BUKHARANS OF THE KOMAROVSKY YURT OF THE TOBOLSK PROVINCE ACCORDING TO BIRTH REGISTERS OF THE 19TH–EARLY 20TH CENTURY

This article analyzes the socio-cultural peculiarities of the Siberian Bukharans in the 19th and early 20th centuries. The analysis is based on the material of handwritten mosque books of Komarovsky yurts in Bukhara Volost, Tobolsk province. The authors transliterated and translated the Muslim metrical (mosque) books “On a Note to the Born, on Marriages, Divorce, and Deaths” into Russian. The transliteration and translation of the old Tatar texts bring new source material into scholarly circulation. It is shown that the metrical books contain unique in-

formation. This information and some other sources allow one to consider in detail and comprehensively the socio-historical and linguistic nature of the Muslim population of Western Siberia. It turns out that the structure of these documents is uniform and corresponds to the generally accepted standards of the historical period under study. The authors of the Muslim metrical records were imams serving in local mosques. This is evident from the records in the books of marriages and divorces. The Muslim metrical books of the Komarovskaya Mosque preserved information for 27 years, from 1835 to 1852 and 1854 to 1862, during which Suyujbaki b. Gabelgaziz was the imam of the Komarovsky Yurts. The authors present some facts about the biography of the decreed Imam and compile his genealogy. It turned out that the two books on births and marriages allow us to determine the ethnic and class structure of the studied population in the 19th century. These categories are given in the mosque books of the Komarovsky Yurts and include soldiers, Yazak Tatars, Bukharians. It is typical of the designation of the population of Bukhara that in these handwritten documents, the lexemes bukhartin (бухартин) and sart (сарт) are used as equivalents. The authors note that some elements of the regional dialect are recognizable in the transfer of phonetic features of pronunciation of personal names in the graphic design of the word (devoicing) and vocabulary (dialectisms).

Keywords: *Tobolsk province, Bukhara volost, Komarovskie yurts, Bukharians, mosque books, birth register, decreed Imam Suyujbaki b. Gabelgaziz, linguistics and cultural studies*

References:

- Andronikov I. A.** Materialy po zemlevladieniyu i ekonomicheskomu bytu osedlykh inorodtsev Tobol'skoy gubernii [Materials on land ownership and economic life of settled foreigners of the Tobolsk province]. Tobol'sk, 1911. 396 p. Prilozheniya. I–CLXXII.
- Bustanov A. K., Korusenko S. N.** Rodoslovnyye sibirskikh bukhartsev: Im'yaminovy [Pedigrees of the Siberian Bukharans: the Imyaminovs] // *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii*. No 2 (42) 2010. P. 97–105.
- Valeyev F. T.** Sibirskiye bukhartsy vo vtoroy polovine XIX–nachale XX vv. (istoriko-etnograficheskiy ocherk) [Siberian Bukharans in the second half of the 19th – early 20th centuries. (historical and ethnographic essay)]: Dis. ... kand. istor. nauk. Tashkent, 1965. 389 p.
- Volosti i naseleennyye mesta 1893 goda** [Volosts and populated places in 1893]. SPb.: Izdaniye Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del, 1894.
- GBUTO GA** v g. Tobol'ske (Gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye Tyumenskoy oblasti Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske) [GBUTO GA in Tobolsk (State budgetary institution of the Tyumen region State archive in Tobolsk)]. F. 1641. Mechet' Komarovskikh yurt Tobol'skogo uyezda Tobol'skoy gubernii.
- Giganov I.** Slovar' rossiysko-tatarskiy, sobrannyy v Tobol'skom glavnom narodnom uchilishche [Russian-Tatar Dictionary, collected in the Tobolsk main public school]. SPb.: Imperatorskaya Akademiya Nauk, 1804.
- GKU** «Natsional'nyy arkhiv Respubliki Bashkortostan» [GKU "National Archive of the Republic of Bashkortostan"]. F. 295, op. 9, d. 692. Tobol'skaya guberniya. 1851 g.
- Ziyayev Kh. Z.** Uzbeki v Sibiri (XVII–XIX vv.) [Uzbeks in Siberia (XVII–XIX centuries)]. Tashkent: izd-vo «Fan» UzSSR, 1968. 74 p.
- Ziyayev Kh. Z.** Ekonomicheskiye svyazi Sredney Azii s Sibir'yu v XVI–XIX vv. [Economic relations of Central Asia with Siberia in the 16th–19th centuries] Tashkent: izdatel'stvo "Fan", 1983. 167 p.
- Klyuyeva V. P.** Bukharskiye obshchiny v Sibiri (konets XVI–nachalo XIX vv.) [Bukhara communities in Siberia (late 16th–early 19th centuries)] // *Problemy ekonomicheskoy i sotsial'no-politicheskoy istorii dorevolutsionnoy Rossii*. Tyumen', 2001. P. 77–85.
- Korusenko S. N.** Sibirskiye bukhartsy v nachale XVIII veka [Siberian Bukharans at the beginning of the 18th century]. Omsk: Izdat. Dom «Nauka», 2011. 248 p.
- Miller G. F.** Istoriya Sibiri [History of Siberia]. M.: Vost. literatura, 1999. Vol. 1. 630 p.
- Miller G. F.** Sibir' XVIII v. v putevykh opisaniyakh [Siberia XVIII century. in travel descriptions] // *Istoriya Sibiri*. Pervoistochniki. Novosibirsk: Sib. khronograf, 1996. Vyp. 6. 192 p.
- Potanin G. N.** O karavannoy torgovle s Dzhungarskoy Bukhariyey v XVIII v. [About caravan trade with Dzhungar Bukhara in the 18th century] M.: v Universitetskoy tipografii (Katkov i K) na Strastnom bul'vare. 1868. 94 p.
- RGADA** (Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov) [RGADA (Russian State Archive of Ancient Acts)]. F. 214. Kn. 3. (1623 g.)
- RGIA** (Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv) [RGIA (Russian State Historical Archive)]. F.1291, op. 84, d. 225. Zemskiy otdel Ministerstva vnutrennikh del. 1911 g. Po ukazu Senata po zhalobe doverennogo bukhartsev Bukharskoy volosti.

RGIA [RGIA]. F. 1291, op. 84, d. 120. Zemskiy otdel Ministerstva vnutrennikh del. 1911 g. Po prosheniyu bukhartsev, yurt Vagayskikh i Medyanskikh.

Russko-tatarskiy razgovor. Prakticheskiye uroki russkogo i tatarskogo yazyka. Na russkom yazyke i na narechii tatar Tobol'skoy gubernii [Russian-Tatar conversation. Practical lessons of Russian and Tatar language. In Russian and in the dialect of the Tatars of the Tobolsk province]. Izdaniye Tobol'skogo Komiteta Pravoslavnogo Missionerskogo Obshchestva. Tobol'sk: Tipografiya Yepar. Bratstva, 1905. 88 p.

Spisok naseleennykh mest Tobol'skoy gubernii [List of populated places of the Tobolsk province] / Sost. Gub. stat. kom. po rasporyazheniyu g. tob. gubernatora, po svedeniyam, dostavl. volost. pravl. v 1903 g. i prover. s perepis. materialom. Tobol'sk: Gub. tip., 1904. 341 p.

Spisok naseleennykh mest Tobol'skoy gubernii: [sostavlenn po svedeniyam na 15 iyulya 1909 goda, poluchennym ot uyezdnikh ispravnikov i volostnykh pravleniy] [List of populated places in the Tobolsk province: [compiled according to information as of July 15, 1909, received from district police officers and volost boards]]. Tobol'sk: izdaniye Tobol'skogo gubernskogo statisticheskogo komiteta, 1912.

Spisok naseleennykh mest. Po svedeniyam 1868–1869 godov [List of populated places. According to the information of 1868-1869]. SPb.: Tsentral'nyy statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennikh del, 1871. 196 p.

Tumasheva D. G. Dialekty sibirskikh tatar. Opyt sravnitel'nogo issledovaniya [Dialects of the Siberian Tatars. Comparative research experience]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 1877. 294 p.

Tychinskikh Z. A. O nekotorykh osobennostyakh formirovaniya gruppy tobol'skikh bukhartsev v XVI–XIX vv. [On some features of the formation of the Tobolsk Bukhara group in the 16th–19th centuries] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya. 2021. Vol. 22, No 3: Arkheologiya i etnografiya. P. 109–121.

Tychinskikh Z. A. Rasseleniye bukhartsev v Priirtysh'ye v XVII–XIX vv. [Settlement of Bukharians in the Irtysh region in the 17th–19th centuries] // Tobol'sk nauchnyy – 2017: materialy XVI Vserossiyskoy (s mezhdunarodnym uchastiyem) nauchno-prakticheskoy konferentsii. 2017. P. 223–226.

Fayzullina G. Ch., Kadirova E. Kh. Cheburginskiye mechetnyye knigi Tobol'skoy gubernii XIX – nachala KHKH vekov [Cheburginsky mosque books of the Tobolsk province of the 19th – early 20th centuries]. Kazan': Otechestvo, 2021. 130 p.

Fayzullina Guzel Chahvarovna.

Doctor of Philology, Associate Professor, Senior Researcher.

Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch RAS.

Academician Osipova Str., 15, Tobolsk, Russia, 626150.

E-mail: utgus@mail.ru

Tychinskikh Zaituna Aprashitovna.

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher.

Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch RAS.

Academician Osipova Str., 15, Tobolsk, Russia, 626150.

E-mail: zaituna.09@mail.ru

Faizova Liliya Kharisovna.

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory and Methods of Primary and Preschool Education.

Tyumen State University.

Znamensky Str., 58, Tobolsk, Russia, 626150.

E-mail: l.k.faizova@utmn.ru

НАШИ АВТОРЫ

- Бурнаков В. А. — Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
Институт археологии и этнографии СО РАН.
Пр. Академика Лаврентьева, 17, г. Новосибирск, 630090.
E-mail: venariy@ngs.ru
- Войтович А. В. — Кандидат исторических наук, доцент историко-филологического факультета ТГПУ.
Томский государственный педагогический университет.
Ул. Киевская, 60, Томск, 634061.
E-mail: patw@mail.ru
- Дадужева Е. А. — Доктор филологических наук, старший научный сотрудник отдела языкознания.
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.
Ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047.
E-mail: edadueva@yandex.ru
- Дронова Т. И. — Доктор исторических наук, главный научный сотрудник.
Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми научного центра УрО РАН.
Ул. Коммунистическая, 26, Сыктывкар, 167982.
E-mail: t_i_dronova@mail.ru
- Ключева М. А. — Кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник.
Марийский научно-исследовательский институт им. В. М. Васильева.
Ул. Красноармейская, 44, Йошкар-Ола. 424036.
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова.
Ул. А. Солженицына, 25, Москва, 109004.
E-mail: keymachine@yandex.ru
- Кошелева Е. Ю. — Кандидат исторических наук,
доцент факультета исторических и политических наук ТГУ.
Томский государственный университет.
Пр. Ленина, 36, Томск, 634050.
E-mail: key7@mail.tsu.ru
- Стручкова Я. В. — Ведущий методист Музея письменности.
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.
Ул. Белинского, 58, г. Якутск, 677000.
E-mail: yanavasstruchkova@mail.ru
- Тычинских З. А. — Старший научный сотрудник, кандидат исторических наук.
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН.
Ул. Академика Осипова, 15, Тобольск, 626152.
E-mail: zaituna.09@mail.ru
- Урманчиева А. Ю. — Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт лингвистических исследований РАН.
Тучков пер., 9, Санкт-Петербург, 199004.
E-mail: urmanna@yandex.ru
- Фаизова Л. Х. — Доцент кафедры теории и методики начального и дошкольного обучения,
кандидат филологических наук.
Тюменский государственный университет.
Ул. Володарского, 6, Тюмень, 626150
E-mail: l.k.faizova@utmn.ru
- Файзуллина Г. Ч. — Старший научный сотрудник, доктор филологических наук, доцент.
Тобольская комплексная научная станция УрО РАН.
Ул. Академика Осипова, 15, Тобольск, 626152.
E-mail: utgus@mail.ru

- Хомченкова И. А. — *Научный сотрудник.
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
Волхонка, 18/2, Москва, 119019.*
- Аспирант, преподаватель.
Научно-образовательная школа МГУ имени М. В. Ломоносова
«Сохранение мирового культурно-исторического наследия».
Ленинские горы, 1, Москва, 119991.*
- Младший научный сотрудник.
Институт языкознания РАН.
Пер. Большой Кисловский, 1, стр. 1, Москва, 125009.
Email: irina.khomchenkova@yandex.ru*
- Чертыкова М. Д. — *Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник.
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.
Ул. Ленина, 94, Абакан, 655017.
E-mail: chertikova@yandex.ru*
- Чугунекова А. Н. — *Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник.
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова.
Ул. Ленина, 94, Абакан, 655017.
E-mail: Chugunekowa@yandex.ru*

AUTHORS

- Burnakov V. A.* — *Ph.D. in history, senior researcher.
Department of Ethnography Institute of Archaeology and Ethnography
of the Russian Academy of Sciences.
Academician Lavrentiev Str., 17, Novosibirsk, Russia, 630090.
E-mail: venariy@ngs.ru*
- Chertykova M. D.* — *Doctor of philology science, senior research fellow.
Institute of Humanitarian Researches and Sayan-Altai Turkology
of Katanov Khakass State University.
Lenina Str., 94, Abakan, Russia, 655017.
E-mail: chertikova@yandex.ru*
- Chugunekova A. N.* — *Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher.
Institute of Humanities Research and Sayano-Altay Turkology,
Katanov Khakas State University.
Lenina Str., 94, Abakan, Russia, 655017.
E-mail: Chugunekowa@yandex.ru*
- Dadueva E. A.* — *Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Linguistics.
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS.
Sakhyanova Str., 6, Ulan-Ude, 670047, Russia.
E-mail: edadueva@yandex.ru*
- Dronova T. I.* — *Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher.
Institute of Language, Literature and History of the Federal Research Center
of the Komi Scientific Center of the Ural Branch RAS.
Kommunisticheskaya Str., 26, Syktyvkar, Russia, 167982.
E-mail: t_i_dronova@mail.ru*
- Faizova L. Kh.* — *Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Theory
and Methods of Primary and Preschool Education.
Tyumen State University.
Znamensky Str., 58, Tobolsk, Russia, 626150.
E-mail: l.k.faizova@utmn.ru*
- Faizullina G. Ch.* — *Doctor of Philology, Associate Professor, Senior Researcher.
Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch RAS.
Academician Osipova Str., 15, Tobolsk, Russia, 626150.
E-mail: utgus@mail.ru*
- Khomchenkova I. A.* — *Research fellow.
Vinogradov Russian Language institute RAS.
18/2 Volkhonka Str., Moscow, Russia, 119019.

Postgraduate student, lecturer.
Interdisciplinary Scientific and Educational School of Lomonosov Moscow University
“Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.
Leninskije gory, 1, Moscow, Russia, 119991.

Junior research fellow.
Institute of Linguistics RAS.
Bolshoj Kislovskij lane, 1, build. 1, Moscow, Russia, 125009.
Email: irina.khomchenkova@yandex.ru*
- Kosheleva E. Yu.* — *PhD in History, associate professor of faculty of Historical and Political Studies, TSU.
Tomsk State University.
Lenina Ave., 36, Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: key7@mail.tsu.ru*

- Klyucheva M. A.* — *Candidate in History of Arts (kandidat iskusstvovedeniya), Senior Researcher. Mari Research Institute of Language, Literature and History Named after V. M. Vasilyev. St. Krasnoarmeyskaya, 44, Yoshkar-Ola, Russia, 424000.*
Ivannikov Institute for System Programming, RAS. Alexander Solzhenitsyn Str., 25, Moscow, Russia, 109004. E-mail: keymachine@yandex.ru
- Struchkova Ya. V.* — *Leading methodologist of the Museum of Writing. M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Belinsky Str., 58, Yakutsk, Russia, 677000. E-mail: yanavasstruchkova@mail.ru*
- Tychinskikh Z. A.* — *Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher. Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch RAS. Academician Osipova Str., 15, Tobolsk, Russia, 626150. E-mail: zaituna.09@mail.ru*
- Urmanchieva A. Yu.* — *Candidate of Philology, senior Researcher. Institute for Linguistic Studies RAS. Tuchkov lane, 9, Str. Petersburg, Russia. 199004. E-mail: urmanna@yandex.ru*
- Voitovich A. V.* — *Ph.D. in History, associate professor. Tomsk State Pedagogical University. Kievskaya Str., 60, Tomsk, Russia, 634061. E-mail: panw@mail.ru*

**ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ К ПУБЛИКАЦИИ
В «ТОМСКОМ ЖУРНАЛЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»**

Материалы журнала направляются по электронной почте по адресу: tjla@tspu.edu.ru

Необходимо предоставить файлы с публикацией в двух форматах (**docx/doc** и **pdf**).

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на русском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле:

- (на английском языке)
- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на русском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке – **источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла. Для статей на английском языке:

1-й файл в формате MS WORD DOC:

- (на английском языке)
- Фамилия и инициалы автора(ов);
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);

- Ключевые слова (до 10 слов или словосочетаний);
- Текст статьи (примеры языкового материала должны быть представлены в глоссированном виде с использованием лейпцигских правил глоссирования; для передачи нотации языкового материала рекомендуется использовать шрифт Charis SIL или Doulos SIL);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке (**источники на русском языке – в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**);
- ФИО автора(ов) полностью;
- Место работы/учебы автора(ов):
- ученая степень, должность, полный почтовый адрес учреждения;
- E-mail.

Далее, в том же файле (на русском языке):

- Фамилия автора(ов) и инициалы;
- Название статьи;
- Текст аннотации статьи (объемом не менее 250 слов: содержание аннотации должно представлять собой **качественный перевод** аннотации на английском языке и отражать в достаточной мере содержание статьи, включая постановку проблемы, теоретико-методологические основы и основные результаты);
- Ключевые слова (до 10 слов/словосочетаний);
- Пристатейный список литературы в алфавитном порядке;
- ФИО автора(ов) полностью в латинице;
- Место работы/учебы автора(ов), ученая степень, полный почтовый адрес;
- E-mail.

2-й файл в формате Adobe PDF – дублирует содержание 1-го файла.

Текст статьи объемом не менее 12 и не более 16 страниц формата А4 (включая список литературы, графики, таблицы и др.) должен быть набран в текстовом редакторе (гарнитура Times, кегль 14, межстрочный интервал 1,5) и сохранен в формате DOCX/DOC и PDF. Рисунки в форматах JPEG или TIFF и диаграммы, сохраненные в формате MS Excel, представляются в отдельных файлах. Поля страницы – по 2 см со всех сторон. Цитируемая литература и источники приводятся в конце статьи в алфавитном порядке (**источники на русском языке представляются в транслитерации с последующим переводом названий на английский язык в [квадратных скобках]**). Ссылки на цитируемые источники приводятся в круглых скобках: (Hajdu, 1970: 136).

**REQUIREMENTS FOR THE SUBMISSION TO
THE “TOMSK JOURNAL OF LINGUISTICS
AND ANTHROPOLOGY”**

Submissions for publication are accepted electronically in two formats (MS.DOC and Adobe.PDF) at tjla@tspu.edu.ru

For the submissions in Russian:

- **the 1st file**
- (in Russian)
- Last Name and initials of the author(s);
- Title of the paper;
- Abstract (minimum of 250 words reflecting representatively the content of the paper);
- Key words;
- The text of the paper (language examples should be presented in a glossed format using Leipzig glossing rules; it is recommended that either Charis SIL or Doulos SIL fonts are used for notation);
- Bibliography (List of Sources given alphabetically);
- Full Name of the author(s);
- Degree, academic title, position;
- Affiliation of the author(s);
- Work address;
- E-mail address.

In the same file and immediately following the Russian language version:

- (in English)
- Last Name of the author(s);
- Title of the paper;
- Abstract (minimum of 250 words of high quality translation of the Russian abstract and reflecting representatively the content of the paper);
- Key words;
- References (List of sources, with original sources in Russian to be given in transliteration and followed by the English translation of the titles given [in square brackets]);
- Full Name(s) of the author(s);
- Academic degree, title and position;
- Affiliation(s) of the author(s);
- Work address;
- E-mail of the author(s).

The 2nd file has to be duplicate the content of the 1st file in the Adobe PDF format. For the submissions in English:

- **the 1st file**
- (in English)
- Last Name and initials of the author(s);
- Title of the paper;
- Abstract (minimum of 250 words reflecting representatively the content of the paper);
- Key words;
- The text of the paper (language examples should be presented in a glossed format using Leipzig glossing rules; it is recommended that either Charis SIL or Doulos SIL fonts are used for notation);
- Bibliography (List of Sources given alphabetically, and with original sources in Russian to be given in transliteration and followed by the English translation of the titles given [in square brackets]);
- Full Name of the author(s);
- Degree, academic title, position;

- Affiliation of the author(s);
- Work address;
- E-mail address.

In the same file and immediately following the English language version:

- (in Russian)
- Last Name of the author(s);
- Title of the paper;
- Abstract (minimum of 250 words of high quality translation of the English abstract and reflecting representatively the content of the paper);
- Key words;
- References (List of sources given alphabetically);
- Full Name(s) of the author(s);
- Academic degree, title and position;
- Affiliation(s) of the author(s);
- Work address;
- E-mail of the author(s).

The 2nd file has to be duplicate the content of the 1st file in the Adobe PDF format.

The volume of the submission generally should be over 12 A4 pages but not to exceed 16 A4 pages (including Bibliography, Graphs, Tables, etc) and has to be formatted (Times New Roman, 14 pt, line spacing 1,5, all margins 2 cm), and saved as MS.DOC and Adobe.PDF files. Graphs, Figures are to be either in JPEG or TIFF formats, while Diagrams may be in MS Excel format, all submitted as separate attached files. Cited bibliography and sources are to be listed alphabetically (Russian sources are to be accompanied by Latin transliteration and English translation of the titles given in [square brackets]). References in the text are to show in parentheses (e.g. (Hajdu, 1970: 136)).

ISSN 2307-6119

9 772307 611005

Издательство *ТТПУ*